СВОБОДА и ТРУДЪ

АНАРХИЗМЪ—СИНДИКАЛИЗМЪ

СБОРНИКЪ I

45888

СОДЕРЖАНІЕ.

1. **Отъ редакціи.** 2. **А. Ливе.** Синдикальное движеніе во Франціи. **З. Л. Мишель.** Мемуары. 4. **М. Бакунинъ.** Письма къ французу. 5. **А. Лабріола.** Синдикализмъ и соціализмъ. 6. **Г. Лягардель.** Мангеймъ, Римъ, Амьенъ.

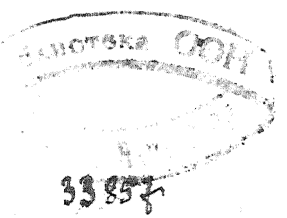
Книгоиздательство „ВОЛНА“

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1907

Пров 38

НХ
[illegible]



Типо-Лит. І. Лурье и К°. Гороховая, 48.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Настоящимъ выпускомъ начинается изданіе ряда сборниковъ, которые будутъ посвящены анархизму и синдикализму, двумъ теченіямъ, утверждающимся на одинаковой соціально-философской базѣ.

Редакція ставитъ своею цѣлью—дать матеріалъ для изученія анархизма и синдикализма во всѣхъ разчообразныхъ направленіяхъ этихъ доктринъ.

Въ сборникахъ „Свобода и Трудъ“ будутъ помѣщаться работы наиболѣе видныхъ представителей и теоретикозъ анархизма и синдикализма, ихъ біографіи, исторіи движеній и т. д.

Содержаніе дальнѣйшихъ сборниковъ будетъ расширено оригинальными статьями русскихъ авторовъ и введеніемъ беллетрическаго отдѣла.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Отъ редакціи . . . . . III.
2. **Альбертъ Ливе.** Синдикальное движеніе во Франціи . . . . . 1.
3. **Луиза Мишель.** Мемуары . . . . . 39.
4. **Михаилъ Бакунинъ.** Письма къ французу . . . 73.
5. **Артуро Лабріола.** Синдикализмъ и соціализмъ . 93.
6. **Гюберъ Лягардель.** Мангеймъ, Римъ, Амьенъ . 115.

Альбертъ Ливе.

Синдикальное движеніе во Франціи.

1879—1906.

Переводъ съ французскаго **Б. Л.**

Типо-Литографія І. Лурье и К°. Гороховая ул., № 48.

Исторія движенія.

Прошло нѣсколько лѣтъ полнаго затишья послѣ подавленія Коммуны, пока нѣкоторыя рабочія ассоціаціи вновь осмѣлились заговорить о своихъ требованіяхъ и надеждахъ.

Но тогда не существовало почти никакой разницы между организаціями политическаго характера и корпоративными группами: кружки для изученія соціальныхъ наукъ и Синдикаты совмѣстно занимались пропагандой, и съ тѣмъ большимъ единодушіемъ занятіе политикой было отодвинуто на задній планъ. Въ началѣ рабочее движеніе носило чисто анти-парламентарный характеръ.

Всѣ революціонеры образовали блокъ для борьбы съ распространеніемъ *барберетизма*[1]). Но когда, на конгрессѣ въ Марсели (1879 г.) и Гаврѣ (1880 г.) эта опасность была устранена, обнаружилось болѣе глубокое различіе направленій.

Прежде всего выступилъ на сцену разладъ между ярыми анти-парламентаристами и тѣми, которые, принявъ программу-минимумъ Карла Маркса, объявили себя коллективистами и стали стремиться къ завладѣнію политической властью.

Желая какъ можно скорѣе заручиться большинствомъ голосовъ, коллективисты пошли на сокращеніе своей

---

[1]) *Барбере* — извѣстный въ свое время публицистъ, основатель „Клуба Синдикальнаго Союза", участникъ (вмѣстѣ съ Демуленомъ) перваго рабочаго конгресса въ Парижѣ, въ 1876 году. Его именемъ обозначалось мирно-профессіональное направленіе въ рабочемъ движеніи. Прим. ред.

программы, что, въ свою очередь, повело за собою непрерывные и многочисленные раздоры внутри организаціи. Такъ какъ синдикальные элементы составляли значительную часть различныхъ боровшихся между собою организацій, то дробленіе партіи отразилось и на корпоративныхъ организаціяхъ. ослабивъ ихъ уходомъ многихъ сознательныхъ работниковъ.

Однако, силою вещей Синдикаты развивались; легализированные закономъ 1884 года, они стали стремиться къ окончательному освобожденію отъ политической опеки, чтобы такимъ образомъ самостоятельно исполнить выпавшую имъ миссію экономическаго освобожденія.

Это было отличительной тенденціей Ліонскаго конгресса 1886 года, въ которомъ участвовали только *одни* представители Синдикатовъ. На этомъ конгрессѣ была основана *Національная Федерація Синдикатовъ*, объединившаяся на почвѣ классовой борьбы и автономности рабочаго движенія.

Резолюція, вынесенная по этому поводу конгрессомъ гласила:

„Принимая во вниманіе, что лицомъ къ лицу съ пролетаріатомъ стоитъ могущественная, хорошо организованная буржуазія, создавшаяся безъ участія пролетаріата и направленная противъ него, этому послѣднему не только слѣдуетъ, но его прямой долгъ создать всѣми возможными способами группировку и организацію рабочихъ, чтобы противопоставить ихъ буржуазіи, сначала съ цѣлью оборонительною, а потомъ можно надѣяться, и съ цѣлью наступательною“.

Однако, „удаленіе отъ политики, несмотря на свою принципіальную важность, не было еще настолько явнымъ, чтобы противоположному направленію приходилось думать о борьбѣ съ этимъ явленіемъ. Съ другой стороны, синдикальная партія, стремившаяся организоваться внѣ соціалистическихъ партій, принуждена была оставаться

до извѣстной степени причастной къ элементамъ, признававшимъ политику“ [1]).

Въ 1888 году, на 3-мъ конгрессѣ синдикалистовъ, состоявшемся въ Бордо, впервые былъ принятъ принципъ всеобщей стачки.

Резолюція, вотированная конгрессомъ по этому вопросу, гласила:

Принимая во вниманіе,

что монополія орудій труда и капитала въ рукахъ капиталистовъ даетъ этимъ послѣднимъ силу, которая постольку лишь ослабляется, поскольку частичная стачка переноситъ ее въ руки рабочихъ,

что капиталъ, не приведенный въ движеніе трудомъ, самъ по себѣ ничто,

что, отказавшись отъ работы, рабочіе однимъ ударомъ уничтожили бы могущество своихъ хозяевъ.

Принимая во вниманіе:

что частичная стачка можетъ быть лишь средствомъ агитаціи и организаціи,

Конгрессъ объявляетъ:

что только всеобщая стачка, т. е. полное прекращеніе всякой работы, или революція, можетъ привести рабочихъ къ полному освобожденію“.

Идея всеобщей стачки, по происхожденію своему анархистская, встрѣтила энергичный отпоръ на послѣдующихъ конгрессахъ со стороны *гэдистовъ*[2]), которые

---

[1]) *E. Pouget.* La Confédération générale du travail (Pages libres, 14 février 1903).

[2]) *Жюль Гэдъ*—марксистъ, представитель политико-соціалистическаго напрзвленія во французскомъ рабочемъ движеніи. Въ то время Гэдъ былъ болѣе революціоннаго образа мыслей. Гэдъ стоялъ во главѣ „Французской рабочей партіи“. Партія эта и рядомъ съ ней„ Федерація Синдикатовъ “являлись двумя наиболѣе значительными организаціями французскаго пролетаріата. Пока они дѣйствовали согласно, часто смѣшиваясь и имѣя на конгрессахъ общихъ делегатовъ. Вопросъ о всеобщей стачкѣ раздѣлилъ эти организаціи, вызвавъ сначала серіозное теоретическое разногласіе, а вскорѣ и полный разрывъ.

Прим. ред.

составляли значительный элементъ Федераціи Синдикатовъ.

Несмотря, однако, на это сопротивленіе, идея всеобщей стачки укрѣпилась, и въ 1892 году на конгрессѣ въ Марсели снова было выставлено значеніе всеобщей стачки, наряду съ призрачностью вмѣшательства общественной власти.

Марсельскій конгрессъ, по предложенію Бріана, подтвердилъ резолюцію, принятую наканунѣ соціалистическимъ конгрессомъ въ Турѣ. Резолюція эта была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Принимая во вниманіе:

„что могучая соціальная организація, которой располагаютъ правящіе классы, дѣлаетъ безсильными и тщетными всѣ попытки рабочихъ къ эмансипаціи, предпринимавшіяся въ теченіе полустолѣтія соціалистической демократіей;

„что между капиталомъ и наемнымъ трудомъ существуетъ большая противоположность интересовъ, которую современное законодательство, претендующее именоваться либеральнымъ, не можетъ или не хочетъ устранить;

„что послѣ многочисленныхъ и безполезныхъ обращеній къ общественной власти, сдѣланныхъ въ цѣляхъ обезпеченія за наемными рабочими права на существованіе,—соціалистическая партія пришла къ убѣжденію, что одна только революція можетъ доставить рабочему экономическую свободу и матеріальное благосостояніе, соотвѣтствующее самымъ элементарнымъ принципамъ естественнаго права;

„что народъ никогда не получалъ никакихъ выгодъ отъ кровавыхъ революцій, всѣ плоды которыхъ доставались исключительно на долю агитаторовъ и буржуазіи;

„что, къ тому же, при наличности современной военной силы, находящейся въ распоряженіи капитала, вооруженное возстаніе только доставило бы правящимъ классамъ новый поводъ затопить въ крови рабочихъ ихъ стремленія къ соціалистическому освобожденію;

„что между мирными и легальными средствами, безсознательно усвоенными рабочей партіей въ борьбѣ за торжество ея законныхъ стремленій, есть одно, которое должно содѣйствовать ускоренію экономическаго преобразованія и обезпечить успѣхъ четвертому сословію, съ устраненіемъ возможныхъ реакцій;

„что это средство есть всеобщее и одновременное прекращеніе производительной дѣятельности, т. е. всеобщая стачка, которая, продолжаясь даже относительно ограниченное время, необходимо приведетъ рабочую партію къ торжеству ея требованій, формулированныхъ въ программѣ;

„областной рабочій конгрессъ Запада, состоявшійся въ Турѣ въ теченіе 3, 4 и 5 сентября 1892 года, принимаетъ во вниманіе предложеніе объ организаціи всеобщей стачки, сдѣланное гражданиномъ Фернандомъ Пеллутье, и постановляетъ, что теперь, своевременно приступить къ спеціальной организаціи Французской Рабочей Партіи въ цѣляхъ представить на будущемъ интернаціональномъ конгрессѣ, имѣющемъ состоятся въ Цюрихѣ въ 1893 году, разработанный проэктъ всеобщей стачки".

Въ томъ же году была учреждена *Федерація Биржъ Труда*, которая посвятила себя экономической и корпоративной организаціи французскаго пролетаріата, оставляя въ сторонѣ политическія убѣжденія.

Въ 1894 году на конгрессѣ въ Нантѣ возгорѣлась рѣшительная борьба между двумя направленіями, представленными Федераціей Синдикатовъ (гэдисты) и Федераціей Биржъ Труда (синдикалисты).

Конгрессъ этотъ, созванный Федераціей Синдикатовъ, (по счету 6-ой) открылся 17 сентября, а 16 сентября закрылся засѣдавшій въ томъ же городѣ политическій конгрессъ гэдистовъ (12-й конгрессъ Французской Рабочей Партіи).

Въ виду того, что главнымъ вопросомъ конгресса Федераціи Синдикатовъ былъ вопросъ о всеобщей стачкѣ, гэдисты рѣшили подготовиться къ нему и значительную

часть дебатовъ посвятили этому вопросу. Рабочая Партія рѣшила не только сохранить свое враждебное отношеніе ко всеобщей стачкѣ, но и подчеркнуть и усилить его, вотировавъ слѣдующую резолюцію:

„Рабочая Партія видитъ въ стачкѣ только естественныя и необходимыя послѣдствія капиталистическаго строя, основаннаго на антагонизмѣ классовъ и ихъ интересовъ.

„Соціализмъ не побуждаетъ къ стачкамъ и не вызываетъ ихъ, потому что даже тамъ, гдѣ онѣ удаются, онѣ сохраняютъ для трудящихся массъ ихъ прежнее положеніе пролетаріевъ, получающихъ заработную плату. Но онъ принимаетъ ихъ во вниманіе, какъ фактъ, которымъ опредѣляется его образъ дѣйствій и его обязанности.

„Никому не придетъ на мысль запрещать рабочимъ стачку. Нашъ долгъ, наоборотъ, всюду, гдѣ происходитъ конфликтъ, взять на себя защиту стачечниковъ. Чѣмъ менѣе можемъ мы считать себя „виновниками стачекъ", тѣмъ болѣе должны мы прійти на помощь трудящимся, отказавшимся отъ работы, сдѣлавшейся нестерпимой.

„Неровное и частичное орудіе защиты въ современномъ обществѣ, стачка,—даже сдѣлавшись всеобщей,—не могла бы стать средствомъ освобожденія рабочихъ. Подготовить всеобщую стачку это значило бы поставить пролетаріатъ въ безвыходное положеніе, внести раздоръ въ его среду, раздѣлить на бастующихъ и продолжающихъ работать; это значило бы устранить отъ борьбы за всеобщее освобожденіе сельскихъ рабочихъ, и самимъ себѣ устроить пораженіе.

„Только на политической почвѣ пролетарій равенъ капиталисту и даже превосходитъ его, потому что пролетаріи многочисленны. Только политическою дѣятельностью, завоеваніемъ политической власти организованныя трудящіяся массы смогутъ освободиться".

Политическій Конгрессъ Рабочей Партіи закрылся 16 сентября. На другой день, какъ было упомянуто, открылся профессіональный конгрессъ.

На конгрессѣ Федераціи было представлено 1.662 синдиката. Защитникомъ всеобщей стачки со стороны синдикалистовъ выступилъ *Бріанъ* [1]).

„Всеобщая стачка, говорилъ онъ, была съ энтузіазмомъ вотирована въ Марсели. Сегодня намъ предлагаютъ отказаться отъ нея. Но развѣ вамъ даютъ по этому поводу какія-нибудь новыя доказательства? Нѣтъ, нападаютъ на формулу всеобщей стачки только потому, что смотрятъ лишь на результаты частичныхъ стачекъ, которыя сами по себѣ лучше бы удавались, если бы были больше обобщены. Всеобщая стачка тѣмъ не менѣе принципъ, который, благодаря своему свойству, ускорилъ пропаганду и укрѣпилъ солидарность рабочихъ. Ее считаютъ утопіей. Но не такая ли утопія надѣяться на завоеваніе общественной власти избирательными записками,—способъ, который завтра же можетъ быть отмѣненъ? Во всякомъ случаѣ, бороться двумя родами оружія лучше, чѣмъ однимъ. Я не требую вотировать ея немедленное примѣненіе на практикѣ, но зачѣмъ отказываться вотировать ея формулу? чего вы боитесь?“

Рѣчь Бріана вызвала шумныя пренія и энергичную оппозицію со стороны гэдистовъ. Наконецъ, всеобщая стачка была вотирована, при поименной перекличкѣ, 65 голосами противъ 37. Часть меньшинства (16 членовъ) покинула конгрессъ.

Послѣ ихъ ухода конгрессъ вотировалъ учрежденіе Національнаго рабочаго совѣта, объединяющаго делегатовъ Федераціи Синдикатовъ и Биржъ и Федераціи Ремеслъ.

Прежняя Федерація Синдикатовъ такимъ образомъ раздѣлилась на двѣ различныхъ фракціи одну—меньшую, оставшуюся въ зависимости отъ Французской Рабочей Партіи, другую—попавшую въ сферу вліянія Федераціи Биржъ.

---

[1]) *Бріанъ*—тогда начинающій свою карьеру нантскій адвокатъ; теперь—буржуазный соціалистъ, членъ кабинета Клемансо.

Прим. ред.

Въ 1895 году состоялся конгрессъ въ Лиможѣ (7-ой конгрессъ Федераціи Синдикатовъ, первый Федераціи Труда). Конгрессъ этотъ былъ созванъ тѣми Синдикатами, которые составили большинство Нантскаго конгресса. Здѣсь была учреждена объединяющая организація, получившая названіе *Всеобщей Конфедераціи Труда* (Confédération générale du travail)[1]). Она включала: Синдикаты, мѣстныя департаментскія или національныя Федераціи Синдикатовъ, Федераціи Ремеслъ, Биржи Труда и Федераціи Биржъ.

Первый параграфъ устава Конфедераціи гласитъ: *Элементы, составляющіе Конфедерацію, должны стоять внѣ политическихъ школъ.* Этотъ параграфъ былъ принятъ громаднымъ большинствомъ: 124-мя голосами противъ 14-ти при 150 вотировавшихъ.

„На самомъ дѣлѣ, говоритъ Пуже, втеченіе послѣдующихъ лѣтъ, Конфедерація представляла собой только широковѣщательную фирму безъ особаго реальнаго значенія.

Въ такомъ положеніи полнаго бездѣйствія Конфедерація просуществовала до тѣхъ поръ, пока въ среду ея не попали истинно революціонные элементы“ [2]).

---

[1]) Она возникла по слѣдующему поводу: На интернаціональномъ Брюссельскомъ конгрессѣ было рѣшено устроить въ каждомъ государствѣ *Національный Секретаріатъ Труда*. Въ это время французская соціалистическая партія дѣлилась на нѣсколько враждебныхъ фракцій. Каждая изъ нихъ старалась монополизировать рабочее движеніе. Поссобилисты (фракція альманистовъ) совмѣстно съ анархистами пользовались для этого однимъ центральнымъ организмомъ *Федераціей Биржъ Труда*; гэдисты другимъ—*Національной Федераціей Синдикатовъ*. Осуществить рѣшеніе Брюссельскаго конгресса при подобныхъ условіяхъ было немыслимо. Бланкисты потратили много силъ, чтобы фактически осуществить и заставить функціонировать секретаріатъ. Онъ продолжалъ существовать только на бумагѣ. Тогда-то и рѣшено было создать обширную центральную организацію, куда входили бы всѣ рабочіе союзы, безъ исключенія. Она получила названіе *Всеобщей Конфедераціи Труда*. (Лягардель. „Революціонный Синдикализмъ)“. Прим. ред.

[2]) Loc. cit.

Теорія и тактика.

Въ это время вполнѣ опредѣлились и получили распространеніе теорія и тактика синдикалистовъ, освободившихся отъ идей захвата общественной власти. Теперь они главнымъ образомъ вооружаются противъ „хозяйской эксплоатаціи"; они заявляютъ, что Синдикаты — это „органическая клѣтка новаго міра" и что „они одни, безъ участія какой бы то ни было внѣшней силы, способны довести до благого конца дѣло полнаго и всесторонняго освобожденія".

„Эта теорія, говоритъ Э. Пуже, породила и вполнѣ соотвѣтствующую ей тактику, не имѣющую ничего общаго съ тѣми эгалитарными пріемами, которые выставляются сторонниками правительственнаго вмѣшательства.

На почвѣ повседневной борьбы, Синдикаты, протестуя противъ хозяйскаго хищничества, вмѣстѣ съ тѣмъ добиваются всяческихъ частныхъ реформъ и улучшеній, видя въ нихъ *частичную экспропріацію* капиталистическихъ привилегій.

Они не заблуждаются, однако, на счетъ выгодъ этой борьбы, зная, что въ большинствѣ случаевъ повышеніе заработной платы сопровождается увеличеніемъ производства у предпринимателя. Помимо того, что явленіе это наблюдалось не всегда, замѣчено, что съ усовершенствованіемъ и распространеніемъ машинъ, заработная плата свелась къ самому незначительному участію рабочихъ въ цѣнѣ продукта. И рабочіе принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы защищать свои интересы и какъ производителей, и какъ потребителей. Единственно, чѣмъ была полезна Конфедерація Труда, это тѣмъ, что она сдѣлала борьбу всеобщей" [1]).

Помимо частичной всеобщей забастовки, обычнаго средства борьбы съ хозяевами, конгрессы Конфедераціи установили *бойкотъ*, *саботажъ* и, недавно, *синдикальную марку* (label).

[1]) Pouget, loc. cit.

Бойкотъ — это предложеніе рабочимъ не брать работы у даннаго фабриканта и не покупать продуктовъ у даннаго торговца.

Саботажъ — есть примѣненіе на дѣлѣ правила: „За дурную плату — дурная работа“. Онъ выражается въ замедленіи въ производствѣ, плохой обработкѣ продуктовъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, порчѣ машинъ; а въ торговлѣ — въ нерадѣніи къ хозяйскому добру, т. е. порчѣ продаваемыхъ товаровъ и грубомъ обращеніи съ покупателями.

Синдикальная марка (лябель) — бойкотъ на изнанку — учреждена, чтобы рекомендовать рабочимъ извѣстные продукты, извѣстные фирмы и указать, что рабочіе, занятые въ соотвѣтствующей фирмѣ, — синдикалисты и работаютъ на синдикальныхъ началахъ.

Наконецъ, рабочія Федераціи пускаютъ въ ходъ энергичное давленіе на выборныхъ, на Парламентъ, часто и настойчиво выставляя свои требованія и прибѣгая къ агитаціоннымъ кампаніямъ.

Такова тактика синдикалистовъ въ отношеніи непосредственной борьбы.

Но это только одна сторона корпоративной работы; „другая сторона ея, чисто воспитательнаго характера, состоитъ въ томъ, чтобы подготовить почву для экспропріаціи капитала и преобразованія общества на коммунистическихъ началахъ“.

Средствомъ къ окончательному достиженію соціальнаго освобожденія признана всеобщая забастовка.

„Всеобщая забастовка, которой не придется ограничиться лишь временнымъ пріостановленіемъ работъ, но которая, по мысли ея пропагандистовъ, должна будетъ имѣть своимъ непосредственнымъ результатомъ обобществленіе орудій производства“.

Такимъ образомъ, теорія синдикализма представляется какъ нѣчто цѣльное, самостоятельное и отличное отъ другихъ соціалистическихъ теченій. Создавъ помощью своихъ собственныхъ средствъ каждодневную защиту

своихъ интересовъ, синдикализмъ проводитъ самоосвобожденіе рабочихъ черезъ всеобщую стачку и пренебрегаетъ, поэтому, какими бы то ни было попытками захвата общественной власти.

„Въ то время какъ рабочій классъ, организованный по соціальнымъ клѣточкамъ, которыми являются Синдикаты, завладѣетъ орудіями производства, — синдикалисты въ своей реорганизаціонной работѣ, возьмутъ на себя уничтоженіе и разрушеніе очаговъ стараго общества — государства и муниципалитетовъ. Съ той поры основными центрами новой жизни явятся Биржи Труда и корпоративныя Федераціи. Этимъ то органамъ и перейдутъ тѣ немногія полезныя функціи, которыя въ настоящее время находятся въ вѣдѣніи общественной власти".

„Такъ воздвигается цѣлое, отвѣчающее всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ и стремленіямъ пролетаріата".

Вотъ въ чемъ состоятъ принципы, стремленія и тактическіе пріемы „новой партіи".

Прослѣдимъ ея дѣятельность, организацію и результаты пропаганды, ведущейся въ теченіи десяти лѣтъ.

Организація Всеобщей Конфедераціи Труда въ ея настоящемъ видѣ есть результатъ различныхъ измѣненій, внесенныхъ въ первоначальный строй ея цѣлымъ рядомъ конгрессовъ.

Организація Всеобщей Конфедераціи Труда.

Конфедерація есть общій союзъ всѣхъ Синдикатовъ; но послѣдніе не входятъ въ нее непосредственно, а, такъ сказать, связываются съ ней помощью двухъ другихъ органовъ: *Корпоративной Федераціи* и *Биржи Труда*. Всеобщая Конфедерація Труда подраздѣляется, такимъ образомъ, на двѣ секціи: секцію Биржъ и секцію Федерацій ремесленныхъ или промышленныхъ.

Послѣднія не ограничиваются, какъ Биржи, опредѣленной мѣстностью, а объединяютъ Синдикаты всей корпо-

раціи и распространяютъ связи по всей Франціи. Они же организуютъ новые Синдикаты, образуютъ комитеты для пропаганды и берутъ на себя всю отвѣтственность за тѣ агитаціонныя кампаніи, въ которыхъ участвуютъ. Всѣ входящіе въ Конфедерацію Синдикаты принадлежатъ къ этимъ обѣимъ организаціямъ и, благодаря этой двойной сѣти группъ, одной мѣстной, другой общенаціональной, Конфедерація объединяетъ и заключаетъ все синдикальное движеніе.

Въ средѣ Всеобщей Конфедераціи Труда каждая изъ указанныхъ секцій имѣетъ свою опредѣленную область вѣдѣнья и свои строго ограниченныя функціи; каждая имѣетъ своего секретаря, получаетъ взносы своихъ членовъ и по своему усмотрѣнію ведетъ пропаганду. Обѣ секціи періодически назначаютъ генеральныя собранія, на которыхъ рѣшаются вопросы общаго характера.

Дѣятельность Биржъ Труда включаетъ функціи слѣдующихъ органовъ, которыхъ можно раздѣлить на четыре категоріи:

1. *Органы взаимопомощи*, къ вѣдѣнью которыхъ относится: пріисканіе мѣстъ ищущимъ работы, организація помощи безработнымъ, viaticum—или оказаніе помощи рабочимъ, находящимся въ пути, и, наконецъ, помощь въ несчастныхъ случаяхъ.

2. *Просвѣтительные органы*, куда относятся: библіотеки и справочныя бюро, музеи по соціальнымъ вопросамъ, профессіональные курсы и общеобразовательные курсы.

3. *Органы пропаганды* — на ихъ обязанности лежитъ распространеніе первоначальныхъ свѣдѣній по вопросамъ статистики и экономики, организація Синдикатовъ среди рабочихъ, занятыхъ въ индустріи, земледѣльческихъ и морскихъ промыслахъ, организація кооперативныхъ обществъ и т. д.

4. *Органы сопротивленія* — они занимаются обсужденіемъ вопросовъ о способахъ организаціи стачекъ и стачечныхъ фондовъ и о способахъ агитаціи противъ за-

конопроэктовъ, способныхъ затормозить экономическую борьбу рабочихъ.

Рядомъ съ этими двумя секціями существуетъ спеціальный комитетъ всеобщей забастовки, составленный наполовину изъ членовъ одной и другой секцій; спеціальнымъ назначеніемъ этого комитета является распространеніе этой идеи всѣми средствами пропаганды. Послѣ съѣзда въ Буржѣ была учреждена также спеціальная коммиссія для пропаганды восьмичасового рабочаго дня.

Съ декабря 1900 г. Конфедерація имѣетъ свой еженедѣльный органъ — „Голосъ Народа“ (Voix du Peuple), который въ настоящее время расходится въ количествѣ восьми тысячъ экземпляровъ. Органъ этотъ обращается главнымъ образомъ къ активнымъ синдикалистамъ, которымъ предоставляетъ свои страницы для статей экономическаго характера, а также для предложеній, касающихся лучшихъ способовъ агитаціи и объединенія. Онъ даетъ свѣдѣнія о всей дѣятельности Федерацій и Биржъ, публикуетъ манифесты Всеобщей Кнфедераціи Труда и отдѣльныхъ федерацій, призывы къ солидарности, печатаетъ точныя свѣдѣнія, представляемыя Биржами или Синдикатами о забастовкахъ, локаутахъ и другихъ многочисленныхъ проявленіяхъ синдикальнаго движенія.

Активные члены. Со времени основанія „Голоса Народа“ и реорганизаціи Конфедераціи Труда, группа людей, умныхъ, рѣшительныхъ, терпѣливыхъ, испытанныхъ борцовъ, отличныхъ теоретиковъ, пылкихъ пропагандистовъ, объединенныхъ общностью идеи, взяли на себя управленіе органическими функціями партіи и внесли въ ея дѣятельность духъ послѣдовательности и выдержки, который вскорѣ привелъ къ самымъ благопріятнымъ результатамъ.

Люди эти: Эмиль Пуже (Emile Pouget), секретарь „Голоса Народа“ и помощникъ секретаря Всеобщей Конфедераціи Труда, талантливый теоретикъ, обладающій разносторонней образованностью и истиннымъ писательскимъ даромъ; Griffuelhes—главный секретарь Всеобщей Кон-

федераціи Труда, сапожникъ по профессіи, организаторъ по темпераменту и наклонностямъ и Yvetot—секретарь секціи Биржъ Труда посвятившій себя антимилитаристской пропагандѣ (онъ же авторъ „Солдатскаго Катехизиса"); Delesalle—помощникъ секретаря той же секціи; Levy—главный казначей обѣихъ секцій Всеобщей Конфедераціи Труда и всѣхъ спеціальныхъ коммиссій; кромѣ нихъ: Latapie, Merrheim, Niel, Lenoir, Dumas, Louquet, Bousquet, Robert, Desplanques, Marie, Dubéros, Nicolet, Klemzinscki, постоянные делегаты и активные пропагандисты большихъ Федерацій, присоединенныхъ къ Всеобщей Конфедераціи Труда.

Средства. Всеобщая Конфедерація Труда насчитываетъ въ настоящее время 52 Федереціи и 110 присоединенныхъ къ нимъ Биржъ Труда; она включаетъ около 2,000 Синдикатовъ, которые объединяютъ до 500,000 организованныхъ рабочихъ.

Финансовый отчетъ, представленный секціей Федераціи на конгрессѣ 1905 г. рисуетъ блестящее состояніе бюджета въ періодъ отъ августа 1902 года до сентября 1904 года.

Приходъ: членскіе взносы 11076 фр. 35 сант., брошюры и т. п.—19370 фр. 25 сант.

Расходъ: секретаріатъ 5500 фр., печать—2359 фр. 80 сант., делегаціи 2085 фр. 80 сант., кампанія противъ конторъ для найма рабочихъ—1427 фр. 10 сант.

Въ кассѣ—1357 фр.

Секція Биржъ за тотъ же промежутокъ представила въ слѣдующемъ видѣ свое финансовое положеніе:

Приходъ: членскіе взносы—9016 фр. 80 с, брошюры—3170 фр. 50 с.

Расходъ: печать—5424 фр. 80 с., делегаціи—1201 фр. 55 с., кампанія противъ конторъ для найма—1427 фр. 10 сант.

Въ кассѣ 713 фр. 85 с.

Федераціи дѣлаютъ ежемѣсячный взносъ въ размѣрѣ

40 сантимовъ съ фракціи или со 100 членовъ, а каждый отдѣльный Синдикатъ 5 сантимовъ съ члена ежемѣсячно въ кассу секціи Федерацій. Биржи вносятъ въ свою конфедеральную секцію по 35 сант. ежемѣсячно съ каждаго Синдиката.

Балансъ „Voix du Peuple“ не менѣе хорошъ:

Приходъ—32812 фр. 35 сант.

Расходъ—31516 фр. 80 сант.

Коммиссія забастовокъ и всеобщей забастовки имѣетъ свой собственный бюджетъ. Къ концу 1904 года онъ опредѣлялся излишкомъ въ 237 фр. 20 сант. при приходѣ въ 14947 фр. 20 сант. и 14674 фр. расходовъ, изъ которыхъ 12434 фр. 05 сант. составляли взносы въ стачечные комитеты и 725 фр. 65 сант.—расходы по делегаціямъ на стачкахъ.

Въ 1903 г. министръ торговли Мильеранъ учредилъ статистическую коммиссію на Биржѣ Труда, которой онъ ассигновалъ субсидію въ 10.000 франковъ ежегодно; главнымъ секретаремъ этой новой коммиссіи былъ назначенъ Леви, состоящій казначеемъ Всеобщей Конфедераціи Труда и секціи Биржъ. Это дало поводъ утверждать, что Государство, въ лицѣ своего министра, оказываетъ существенную поддержку секціи Биржи Труда. Однако, изъ отчета ревизіонной коммиссіи по поводу дѣятельности этой коммиссіи, представленнаго конгрессу въ Буржѣ въ 1904 году, выяснилось, что деньги субсидіи ушли исключительно на дѣло воспитанія рабочихъ въ духѣ синдикализма и на организацію при Биржахъ *бюро для справокъ о свободныхъ мѣстахъ* и *віатикумовъ*. Ни одного су изъ этой субсидіи не было истрачено помимо этого назначенія на дѣло пропаганды другихъ секцій Всеобщей Конфедераціи Труда. Отчетъ представляется весьма убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи. Прибавимъ, что опытъ показалъ на дѣлѣ, что такія учрежденія, какъ основанная Мильераномъ коммиссія, могутъ принести лишь незначительную долю той пользы, которую отъ нихъ ожидаютъ. Поэтому конгрессъ въ Буржѣ занялся проэктомъ віатикума болѣе практическимъ, осуществленіе

котораго принесетъ дѣйствительную пользу безработнымъ рабочимъ при пріисканіи занятій.

Проэктъ віатикума имѣетъ въ виду учредить при Биржахъ или Федераціяхъ синдикатовъ выдачу безработнымъ дорожныхъ пособій—для облегченія необходимыхъ при исканіи работы перемѣщеній.

Первое мая.

Ознакомившись съ возникновеніемъ, теоретическимъ обоснованіемъ и организаціей Рабочей Партіи, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ея дѣятельности, ея повседневной работы; посмотримъ, какова ея тактика, пріемы пропаганды, и взвѣсимъ достигнутые ею результаты. Это поможетъ намъ заглянуть, въ то будуще, которое готовятъ всѣ проэкты и чаянья ея.

Со времени возникновенія въ 1901 г. Всеобщей Конфедераціи Труда синдикальное движеніе прошло черезъ два фазиса развитія: первый—подготовленіе и организація (съ декабря 1900 г. до конгресса въ Буржѣ, въ сентябрѣ 1904 г.); второй—активная пропаганда, направленная къ опредѣленной уже цѣли: „восмичасовой рабочій день начиная съ 1-го мая 1906 г.“.

Здѣсь интересно отмѣтить ту настойчивость и то терпѣніе, съ которыми боролись все время люди, являющіеся душою новой Партіи.

Еще до 1-го мая 1901 г., съ первыхъ своихъ номеровъ, „Голосъ Народа“ въ цѣломъ рядѣ статей излагаетъ основную идею. Высмѣиваются „платоническія прогулки“ послѣднихъ лѣтъ; оплакивается „потеря 11-ти лѣтъ безплодныхъ усилій“.

Въ номерѣ 28-го апрѣля, мысль формулируется совершенно опредѣленно:

„Первое мая, изъ за отсутствія у рабочихъ единства

и ясно выраженнаго объединяющаго лозунга, потеряло свое значеніе и популярность. Одни смотрятъ на этотъ день какъ на обычный праздникъ, другіе, хоть и стараются придать ему характеръ манифестаціи, но и среди нихъ обнаруживается отсутствіе единства взгляда; манифестаціи одной части этихъ послѣднихъ состоятъ въ томъ, что они выставляютъ списокъ своихъ требованій къ властямъ; другая часть старается придать манифестаціи характеръ экономически-революціонный. Такъ и смотрѣлъ на первое мая послѣдній корпоративный конгрессъ. Но возможно ли давать манифестаціи перваго мая *реальную платформу*, задаваясь цѣлью объединить рабочее движеніе, и ждать отъ такой манифестаціи замѣтныхъ результатовъ?

1-го мая 1901 г. „Голосъ Народа“ выпустилъ спеціальный номеръ съ большой иллюстраціей Steinlein'a подъ заголовкомъ: „Впередъ за счастье и свободу!“

Въ томъ же номерѣ былъ помѣщенъ „Манифестъ къ рабочимъ“. Вотъ основная часть этого манифеста:

„День перваго мая пролетаріатъ всѣхъ странъ избралъ для провозглашенія посредствомъ ежегодныхъ международныхъ манифестацій воли народовъ: отвоевать часть благосостоянія, въ ожиданіи полнаго соціальнаго освобожденія.

„Рѣчь шла о томъ, чтобы систематично и единодушно, подъемомъ массъ пролетаріата навести страхъ на классъ капиталистовъ и вырвать у него первую насущную реформу: восьмичасовой рабочій день.

„Въ то же время первомайская манифестація, благодаря своему объединительно-интернаціональному характеру, была энергичной демонстраціей въ пользу мира.

„По безпокойству, которое въ первые же годы овладѣло буржуазіей, можно было судить о значеніи подобнаго движенія. Но вскорѣ, подъ вліяніемъ политикановъ, эта демонстрація не замедлила по всей Европѣ значительно уклониться отъ своей первоначальной цѣли. Стали разыгрываться на театральный манеръ комедіи „врученія требованій“ къ общественной власти; пар-

ламенты принимали делегаціи съ ихъ „петиціями“, которыя тотчасъ же отправлялись подъ сукно. Народъ который просить, не готовъ къ возмущенію. Тревожныя уличныя манифестаціи смѣнились митингами и *семейными вечерами*. Позднѣе этимъ митингамъ и празднествамъ удѣлялось уже только свободное время, вечеромъ *послѣ работы*.

„Вмѣсто первоначальнаго пламеннаго увлеченія настало скорое оцѣпененіе, близкое къ полному индифферентизму. Ежегодная „манифестація“ превращается въ „первомайскій праздникъ“.

„Но, товарищи, должны ли мы перестать реагировать, успокоиться? Число безработныхъ увеличивается, экономическій кризисъ становится все тяжелѣй; обѣщанія, которыми баюкали рабочихъ, еще не пошли дальше словъ; соціальный строй остается все тѣмъ же и не измѣнится до тѣхъ поръ, пока сознательные и организованные рабочіе не соберутся съ силами, чтобъ самимъ разрушить основы этого строя. Первое мая— —боевой день! Въ этотъ день всѣ рабочіе должны грудью поддержать свои права и выставить всю свою ненависть къ дѣйствующему режиму, свою волю покончить съ нимъ“.

Другой манифестъ въ томъ же духѣ былъ выпущенъ „Федераціей Биржъ“. („Голосъ Народа,“ номеръ 5-го мая).

Отчетъ о днѣ 1-го мая показалъ, что вся агитація исчерпывалась собесѣдованіями, состоявшимися, вечеромъ.

„Такъ, говоритъ газета, праздновали первое мая соціалисты-политики, закончивъ день обычныхъ работъ. Одни лишь синдикалисты устраивали манифестаціи. Уже одно это сопоставленіе яснѣе и лучше всего говоритъ о томъ, что только корпоративныя организаціи являются истиннымъ очагомъ дѣятельности!“

Такого же рода воззванія мы снова находимъ передъ наступленіемъ 1-го мая 1902 года. „Голосъ Народа“ въ номерѣ отъ 12-го апрѣля 1902 года призываетъ болѣе, чѣмъ когда либо, готовиться и призывать къ возстанію на почвѣ экономическихъ интересовъ.

Далѣе газета выражаетъ увѣренность, что теперь „рабочіе всѣхъ корпорацій еще съ большей убѣдительностью подтвердятъ существованіе той солидарности, которая объединяетъ ихъ со всѣми эксплоатируемыми"; „но, пользуясь манифестаціей перваго мая, чтобъ подчеркнуть требованія момента, отнюдь не слѣдуетъ терять изъ виду конечной цѣли—полнаго освобожденія, которое будетъ достигнуто нами только собственными силами при помощи всеобщей забастовки".

Такъ высказывается Э. Пуже, и то же самое говоритъ въ другой статьѣ и Гриффюель.

Въ томъ же году въ спеціальномъ номерѣ „Голоса Народа" былъ помѣщенъ рисунокъ Максимиліана Люса, изображающій рабочаго, который, съ топоромъ въ рукѣ, готовится къ нападенію на золотую свинью въ коронѣ, сидящую на высокомъ пьдесталѣ. При этомъ надпись: „Смѣлѣй! соберись съ силами, ибо его трудно низвергнуть"!

Въ томъ же номерѣ помѣщено воззваніе Союза Синдикатовъ Сены и Федераціи металлурговъ, призывающее синдикальныя организаціи къ активной пропагандѣ. „Это необходимо, говорится въ немъ, для того, чтобы неразрывно сплотить товарищей подъ флагомъ экономическихъ требованій чтобы всеобщая забастовка была дѣломъ окончательно подготовленнымъ и могла вспыхнуть въ опредѣленный часъ и осуществить, наконецъ, великую и послѣднюю соціальную революцію".

Прямая борьба.

Обсуждая вопросы тактики, „Голосъ Народа" говоритъ: „слѣдуетъ прибѣгнуть къ американскому методу, къ агитаціи на почвѣ экономическихъ интересовъ". 20 іюля 1902 года Всеобщая Конфедерація Труда от-

крываетъ по этому поводу анкету среди Биржъ и Федерацій и 1-го мая 1903 года выпускаетъ новое воззваніе, въ которомъ предлагаетъ активнымъ синдикалистамъ разъяснить рабочимъ, чѣмъ было первое мая, чего можно было ожидать отъ него, и какія надежды можно теперь на него возлагать. Но эти призывы не встрѣтили достаточнаго отклика; несмотря на то, что извѣстный опытъ соціалиста министра Мильерана не удался, синдикалисты еще не сознаютъ въ достаточной степени своей силы; необходимо было показать на примѣрѣ значеніе прямой борьбы (*action directe*). Поводъ къ такой демонстраціи синдикалистовъ дало одно неожиданное обстоятельство въ октябрѣ 1903 года. Федераціи пекарей и парикмахеровъ рѣшили начать стачку, чтобы добиться уничтоженія конторъ для найма. Происходившіе по этому поводу 29-го октября митинги ознаменовались насиліемъ. На Биржѣ Труда, наводненной въ тотъ день агентами Лепина [1]), произошло столкновеніе. Тотчасъ же Всеобщая Конфедерація Труда взяла руководство движеніемъ въ свои руки и рѣшила продолжать начавшуюся борьбу, широко распространить агитацію и вести ее до достиженія побѣды.

Для этого была назначена спеціальная коммиссія, распространялись воззванія, собирались подписи, устраивались митинги и организованныя демонстраціи; 5-го декабря въ одинъ и тотъ же часъ въ ста городахъ Франціи состоялось 100 митинговъ. Правительство и Парламентъ уступили и былъ изданъ законъ, уничтожающій конторы для найма.

Эта первая побѣда вселила въ рабочіе союзы вѣру въ преобладающее вліяніе Всеобщей Конфедераціи Труда. Точно также немного позднѣе Союзъ Синдикатовъ Сены, Союзъ шорниковъ и Федерація прикащиковъ обратились къ ней за помощью, въ цѣляхъ совмѣстнаго веденія борьбы. Мы видимъ, такимъ образомъ, что лица, стоя-

[1]) Префектъ полиціи Парижа.

Прим. ред.

щіе во главѣ Всеобщей Конфедераціи Труда никогда не теряютъ изъ виду *воспитательнаго* характера ихъ движенія и пропаганды. И 1 мая 1904 года „Голосъ Народа“ въ спеціальномъ первомайскомъ номерѣ говоритъ, что они рѣшили вернуться къ своему первоначальному и основному плану: организовать пролетаріатъ путемъ борьбы за всеобщій первомайскій лозунгъ—восьмичасовой рабочій день.

Восемь часовъ.

Э. Пуже въ своей статьѣ: „Завоеваніе восьмичасоваго дня“ говоритъ:

„Намъ необходимо добиться восьмичасоваго рабочаго дня. Воспользуемся такикой, которая служила намъ въ борьбѣ противъ конторъ для найма, и мы скоро получимъ осязательные результаты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предстоитъ конгрессъ въ Буржѣ. Почему же намъ не внести на него вопросъ о восьмичасовомъ днѣ?

Еслибъ было рѣшено упорно и мужественно бороться за сокращеніе рабочаго дня, то можно было бы назначить опредѣленный день, начиная съ котораго рабочіе не стали бы работать болѣе восьми часовъ въ день.

Во всѣхъ центрахъ синдикальныя организаціи объявятъ эксплоататорамъ волю пролетаріата работать, начиная съ извѣстнаго дня, только 8 часовъ.

Но чтобы достигнуть положительнаго успѣха подобной пропаганды нужны выдержка и деньги“.

Въ томъ же номерѣ секретарь Всеобщей Конфедераціи Труда и будущій докладчикъ на конгрессѣ въ Буржѣ, Дюберо развиваетъ ту же мысль, дѣлая слѣдующее важное замѣчаніе:

„Мы прекрасно знаемъ, говоритъ онъ, что организованный пролетаріатъ не долженъ и не можетъ смотрѣть

на завоеваніе восьмичасового рабочаго дня какъ на свой конечный идеалъ, но мы знаемъ также, что когда эта реформа въ положеніи рабочаго класса будетъ имъ, благодаря нашей силѣ, достигнута, то это увеличитъ сознательность рабочихъ, вселитъ въ огромное число товарищей вѣру въ себя, и мы съ вѣрою сможемъ смотрѣть на будущее".

Митингъ на Биржѣ Труда, состоявшійся 1-го мая 1904 года, приглашаетъ Всеобщую Конфедерацію Труда „поставить этотъ вопросъ на обсужденіе конгресса въ Буржѣ съ тѣмъ, чтобы 1-го мая 1905 года началось широкое революціонное движеніе, направленное, съ одной стороны, противъ тѣхъ рабочихъ, которые соглашаются работать болѣе восьми часовъ, а съ другой——противъ тѣхъ, кто ихъ къ этому вынуждаетъ"...

Резолюціи Конгресса въ Буржѣ.

Дѣйствительно, конгрессъ въ Буржѣ, продолжавшійся 8 дней (съ 12-го по 20-е сентября 1904 г.), послѣ долгихъ и страстныхъ дебатовъ, принялъ и программу и тактику, предложенныя Всеобщей Конфедераціей Труда.*) Это рѣшеніе было тѣмъ болѣе замѣчательно, что ему предшествовалъ ожесточенный споръ между двумя враждебными теченіями: реформистскимъ и революціоннымъ. Первое теченіе, представленное на конгрессъ Кэферомъ, отъ „Книги" **) и Гераромъ отъ желѣзнодорожнаго

*) Конгрессъ въ Буржѣ былъ первымъ и самымъ значительнымъ конгрессомъ объединеннаго рабочаго класса Франціи. На немъ участвовало 400 делегатовъ; они представляли 1.200 синдикатовъ, включавшихъ 300.000 организованныхъ рабочихъ. *Прим. ред.*

**) „Книга" (Livre)—федеративный органъ рабочихъ печатнаго дѣла.

Прим. ред.

союза, было противъ „прямой борьбы“, ожидая улучшенія своего положенія отъ правительственныхъ реформъ. Второе, представленное руководителями Всеобщей Конфедераціи Труда, наоборотъ признавало только капиталистическую экспропріацію и выставляло принципами тактики прямую борьбу и всеобщую стачку. Одни находили возможнымъ „соглашеніе между трудомъ и капиталомъ“, другіе стояли за „уничтоженіе заработной платы“.

По вопросу о сокращеніи рабочаго дня на этомъ конгрессѣ былъ прочитанъ замѣчательный докладъ г. Дюберо (отъ союза парикмахеровъ). Приводимъ наиболѣе существенныя выдержки изъ этого доклада:

„Уже впродолженіи многихъ лѣтъ говорятъ о сокращеніи рабочаго дня до 8-ми часовъ, но до сихъ поръ, несмотря на то, что вопросъ этотъ занималъ умы всѣхъ рабочихъ, ничего не было сдѣлано для рѣшенія его въ положительномъ смыслѣ.

Избранная вами коммиссія для изученія этого вопроса находитъ, что сокращеніе рабочаго дня тѣсно связано съ установленіемъ минимума заработной платы и введеніемъ праздничнаго отдыха. Поэтому она соединила въ одно цѣлое эти три вопроса и выставляетъ одно общее требованіе.

При разсмотрѣніи послѣдняго въ самой коммиссіи были предложены два плана работы.

Первый заключается въ томъ, чтобы конгрессъ выработалъ проэктъ закона, который будетъ врученъ правительству Конфедеральнымъ Комитетомъ, и чтобы организовать петиціи и народныя собранія, съ цѣлью показать законодателямъ, что осуществленія этой реформы требуетъ огромное большинство трудящихся.

Второй планъ рекомендуетъ дѣйствовать самостоятельно, безъ правительства и оказать на нашихъ противниковъ все возможное давленіе, пользуясь для этого всѣми находящимися въ нашемъ распоряженіи средствами.

Коммиссія большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ трехъ высказалась за принятіе послѣдняго плана; она

полагаетъ, что ошибки прошлаго длились достаточно долго, и что платоническая работа должна уступить мѣсто мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ, способнымъ принести намъ удовлетвореніе нашихъ требованій.

Въ борьбѣ за восьмичасовой рабочій день нами долженъ быть принятъ тотъ же революціонный путь, благодаря которому мы добились уничтоженія конторъ для найма, и мы полагаемъ, что только такимъ путемъ мы добьемся своего.

Мы увѣрены, что завоеваніе восьмичасового рабочаго дня стоитъ того, чтобы напречь всѣ наши усилія и все вниманіе. Необходимо, стало быть, чтобы конгрессъ рѣшилъ организовать широкое агитаціонное движеніе въ пользу восьмичасоваго дня, ибо изъ всѣхъ непосредственно осуществимыхъ реформъ это одна изъ лучшихъ и наиболѣе насущныхъ. Она внесетъ въ жизнь рабочаго значительное улучшеніе, въ ожиданіи того времени, когда рабочіе часы не будутъ превышать той нормы, которая окажется необходимой при общемъ трудѣ, т. е. когда всѣ будутъ работать и не будетъ безработныхъ рукъ.

А чтобы это агитаціонное движеніе увѣнчалось серьезнымъ успѣхомъ, необходимо направить всѣ силы Синдикатовъ къ одному стремленію: восьмичасовому рабочему дню.

До сихъ поръ все синдикальное движеніе шло безпорядочно; стремясь обнять заразъ всѣ требованія, оно не приводило ни одного изъ нихъ къ желанному результату; никогда до кампаніи противъ конторъ для найма, въ синдикальныхъ организаціяхъ не замѣчалось должнаго единодушія и согласія на одномъ какомъ нибудь опредѣленномъ пунктѣ.

Тѣмъ не менѣе это движеніе, несмотря на то, что въ немъ была заинтересована лишь одна категорія рабочихъ, наглядно показало намъ могущество синдикальнаго движенія.

Рѣчь идетъ о томъ, чтобы для достиженія восьмичасоваго дня организовать подобное же движеніе, но въ большихъ размѣрахъ и гораздо большей важности, такъ какъ

въ немъ будутъ заитересованы всѣ рабочіе, и всѣ они должны будутъ принять участіе въ немъ.

Необходимо старательно подготовлять и пропагандировать это движеніе до тѣхъ поръ, пока всѣ рабочіе не проникнуться его важностью и не поймутъ его значенія.

Вотъ почему коммиссія рѣшила предложить конгрессу, чтобы стачечные комитеты и подкомитеты были учреждены вездѣ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, и чтобы они на время преобразовались нѣсколько, занявшись исключительно вопросомъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

Коммиссія предлагаетъ конгрессу, чтобы 1-го мая 1905 года по всей Франціи были организованы громадныя манифестаціи, и чтобы затѣмъ комитетами и подкомитетами была учреждена активная воспитательная пропаганда для подготовки умовъ, дабы къ 1-му мая 1906 года ни одинъ рабочій не согласился работать больше восьми часовъ, а также и за плату ниже опредѣленнаго минимума, установленнаго заинтересованными организаціями.

Коммиссія предлагаетъ конгрессу разъяснить, что начиная съ 1-го мая 1906 года, движеніе должно быть направлено исключительно противъ тѣхъ хозяевъ, которые будутъ противиться введенію восьмичасоваго рабочаго дня.

Необходимо значительное усиліе, чтобы успѣшно провести этотъ первый этапъ нашего движенія, и эту работу нельзя считать менѣе важной, чѣмъ воспитаніе нашихъ товарищей-рабочихъ, внушеніе имъ сознанія своихъ интересовъ и подготовка ихъ къ наивозможно широкой агитаціи.

А для того, чтобы найти среди самихъ рабочихъ наибольшее количество агитаторовъ, надо только разяснить имъ, что для удовлетворенія своихъ требованій они должны разсчитывать только на себя самихъ, а отнюдь не на законодателей.

Коммиссія полагаетъ, что еслибы синдикальныя организаціи согласились на необходимыя жертвы, если они способны идти въ ногу, согласно опредѣленной дисцип-

линѣ, то мы вскорѣ праздновали бы грандіозную побѣду пролетаріата".

Въ теченіи дальнѣйшихъ дискуссій одинъ изъ агитаторовъ, Бріа настаивалъ на воспитательномъ значеніи этой кампаніи: „чтобы добиться восьмичасоваго рабочаго дня, необходима *воспитательная пропаганда*, ибо мы видимъ, что рабочіе, имѣющіе уже восьмичасовой день, послѣ этихъ восьми часовъ, идутъ снова работать на фабрику, причиняя такимъ образомъ ущербъ своимъ же товарищамъ, работающимъ въ частной промышленности.

Я убѣжденъ, что всякаго, кто побывалъ въ народныхъ Университетахъ, поразила ничтожность количества рабочихъ и работницъ, которое можно видѣть въ этихъ учрежденіяхъ. Нужно добиться пробужденія въ людяхъ сознательности.

Выводъ же отсюда тотъ, что *не слѣдуетъ игнорировать воспитанія рабочей массы, ибо это является обязательнымъ факторомъ для достиженія успѣха*".

Реформисты объявили себя сторонниками борьбы за восьмичасовой рабочій день посредствомъ непрерывной систематической агитаціи, сдѣлавъ возраженія только противъ предложенныхъ мѣръ финансоваго характера и противъ срока, назначеніе котораго они считали преждевременнымъ.

Пуже сдѣлалъ резюме высказаннымъ мнѣніямъ и закончилъ дебаты замѣчательной рѣчью, отрывки которой приводимъ:

„Синдикальное движеніе требуетъ неослабной энергіи и постояннаго воодушевленія. Это одно изъ тѣхъ революціонныхъ дѣлъ, которыя предполагаетъ непрерывную активную работу. Нужно объединить всѣ умы вокругъ одного лозунга: восемь часовъ. Надо, чтобъ всегда и повсюду рабочіе помнили о немъ, до момента полнаго и окончательнаго его осуществленія. Пятнадцатилѣтняя подготовительная работа исполнена; и остается только перейти къ осуществленію.

Теоретическая пропаганда восьмичасоваго рабочаго дня обладаетъ достаточной степенью важности, чтобы

конгрессъ могъ рѣшить, что пора перейти отъ теоріи къ практикѣ и назначить для этого срокомъ 1-го мая 1906 года.

Поступивъ такимъ образомъ, конгрессъ начнетъ дѣло революціи. Тогда только можно будетъ безъ преувеличенія сказать, что мы дѣйствительно вошли въ революціонный періодъ.

Существуетъ убѣжденіе, основанное на невѣрномъ освѣщеніи событій прошлаго, что революція 1789—1793 г.г. свалилась какъ ударъ грома, не будучи ничѣмъ подготовлена. Это невѣрно. Большія соціальныя грозы имѣютъ то общее свойство съ грозами природы, что какъ тѣ, такъ и другія не бываютъ при совершенно чистомъ небѣ: прежде должны скопиться тучи, и тогда только наступаетъ гроза, какъ результатъ этого скопленія.

Революція, тѣмъ болѣе, не можетъ грянуть безъ всякаго подготовленія! *Здѣсь мы готовили революціонный актъ, онъ не состоитъ въ томъ, чтобы вызвать сильное движеніе, не принимая въ разсчетъ всѣхъ возможныхъ случайностей и обстоятельствъ, а въ томъ, чтобы подготовить умы, дабы событія наступили только тогда, когда представятся благопріятныя условія.*

Что-же касается прямой борьбы, то она состоитъ далеко не въ томъ, чтобы бить стекла. Конечно, прямая борьба—вещь старая настолько, насколько стара сама сознательная революція эксплоатируемыхъ противъ эксплоататоровъ! Но она считается со средой и различными случайностями и, въ зависимости отъ нужды, можетъ быть спокойной или грубой, не переставая, однако, быть актомъ революціи.

Прямая борьба есть утвержденіе того, что рабочіе рѣшили разсчитывать исключительно на себя самихъ и не ждутъ какого-то Мессію, чтобы улучшить свое положеніе и идти по пути къ освобожденію".

Этотъ взглядъ былъ вполнѣ разрѣшенъ конгрессомъ, который вынесъ *единогласно* слѣдующую резолюцію.

„*Конгрессъ, принимая во вниманіе, что для улуч-*

щенія условій своего труда, рабочіе могутъ разсчитывать только на свои собственныя силы;

„Принимая во вниманіе, что агитація за восьмичасовой рабочій день является путемъ къ послѣднему и полному освобожденію;

„Конгрессъ поручаетъ Всеобщей Конфедераціи Труда организовать энергичную и мощную агитацію съ тѣмъ, чтобы:

„Съ 1-го мая 1906 рабочіе сами перестали работать болѣе восьми часовъ.

„Конфедеральный комитетъ долженъ назначить спеціальную коммиссію и собрать добровольную подписку для покрытія расходовъ по этой пропагандѣ“.

Уже въ первыхъ числахъ декабря Конфедеративнымъ Комитетомъ была назначена названная спеціальная коммиссія изъ 15 членовъ, и 11-го декабря Конфедеративный Комитетъ обратился къ рабочимъ съ опроснымъ листомъ, чтобы узнать, какія мѣры разсчитываютъ, они принять, какими средствами располагаютъ, и [какое, участіе намѣрены принять въ коммиссіи для пропаганды. Отвѣты на эти запросы должны были послѣдовать не позже 1 января 1905 г.

Восемнадцать мѣсяцевъ пропаганды.

Вскорѣ началась компанія. Федеральный союзъ металлурговъ организуетъ „150 собраній, которыя должны происходить одна за другой въ 140 городахъ“. Союзъ красильщиковъ выпускаетъ манифестъ и воззваніе о взносахъ и пожертвованіяхъ. Многія Биржи Труда выдѣляютъ спеціальныя коммиссіи для пропаганды и учреждаютъ особый взносъ на пропаганду восьмичасового рабочаго дня. Сенскій Союзъ Синдикатовъ ассигнуетъ 1000 франковъ въ видѣ первоначальнаго единовременнаго взноса и 50 франковъ – ежемѣсячнаго.

Въ одной изъ статей „Голоса Народа“ (8-го января) Гриффюэль такъ опредѣляетъ „тактику перваго періода агитаціи“:

„Уничтожить въ рабочихъ массахъ предразсудки и привычки, заставляющіе ихъ думать, что увеличеніе дневного заработка зависитъ отъ удлиненія рабочаго дня; разъяснить имъ преимущества болѣе короткаго рабочаго дня, какъ по отношенію къ безработицѣ, такъ и въ отношеніи его вліянія на духовную и матеріальную жизнь рабочаго; укрѣпить въ нихъ сознаніе необходимости сдѣлать усиліе для достиженія этой реформы и указать тѣ условія, при которыхъ она должна осуществиться. Все это составляетъ первую часть работы и далеко не самую легкую.

Вторая часть—это періодъ лихорадочнаго энтузіазма, впродолженіе котораго придется, выражаясь грубо, „горячить“ умы, создавая атмосферу страсти, которая, усиливая „практику“ взаимной солидарности, вызоветъ увлеченіе, свяжетъ имъ рабочія массы и толкнетъ ихъ въ работу“.

Съ этого времени воззванія, лекціи, митинги потянулись непрерывной цѣпью; подписка растетъ: начинается печатная пропаганда; листовка: *Мы требуемъ восьмичасового рабочаго дня*“ расходится въ количествѣ 500,000 экземпляровъ. Плакатъ-манифестъ „*Къ рабочимъ*“ въ 300,000 экземплярахъ; мелкія афиши расклеиваются въ милліонахъ экземпляровъ; пускаются въ ходъ каучуковые штемпеля; брошюры: „*Восьмичасовый день*“, „*Впередъ за восьмичасовый день*“! воззванія, циркуляры золотыхъ дѣлъ мастеровъ, парикмахеровъ, металлурговъ, литографовъ, портныхъ и т. п.

1-го мая 1905 года Всеобщей Конфедераціей Труда былъ выпущенъ слѣдующій манифестъ.

„Рабочіе!

Возстаньте 1-го мая! Возстаньте всѣ, чтобъ подтвердить и укрѣпить силу непреклонной воли рабочихъ!

Возстаньте! ибо манифестаціи сего 1-го мая—это

прологъ ко всеобщей борьбѣ *за завоеваніе восьмичасового рабочаго дня.*

Возстаньте, чтобы быть готовыми къ 1-му мая 1906 г. отстоять это сокращеніе продолжительности рабочаго дня. Впередъ! и докажите нашимъ товарищамъ, что это улучшеніе есть дѣло нашей сознательной иниціативы. По истеченіи восьми часовъ мы должны бросить мастерскія, заводы, магазины и потребовать плату, по крайней мѣрѣ, равную той, которую получали за длинный день.

Поддержите въ непосредственной борьбѣ также тѣхъ нашихъ товарищей, которые не добились еще даже еженедѣльнаго *праздничнаго отдыха.*

Сплотитесь и объявите, что Рабочая Партія, разсматривая эти вырванныя у капитализма улучшенія, только какъ необходимые этапы, приближающіе народъ ко всеобщей забастовкѣ и экспропріаціи, которыя осуществятъ для всѣхъ нашъ конфедеральный девизъ: *Благосостояніе и Свобода!* Спеціальный первомайскій номеръ „Голоса Народа“ публикуетъ названіе цѣлаго ряда агитаціонныхъ листковъ:

„*Хотѣть — значитъ мочь*“.—

„*Работать 8 часовъ—защищать свою заработную плату*“.—

„*Чѣмъ короче рабочій день, тѣмъ выше заработная плата*“.—

„*Восьмичасовой день—больше свободы*“.—

„*Восьмичасовой день—больше отдыха*“.—

„*Восьмичасовой день—больше здоровья*“.—

„*Работать больше 8 часовъ—идти къ чахоткѣ*“.—

„*Добиваться восьмичасового дня—добиваться счастья для себя и своихъ близкихъ*“.—

„*Эксплоатируемый больше 8 часовъ, тупѣетъ отъ работы*“.—

„*Къ 1-му мая 1906 вырвемъ восьмичасовой рабочій день*“.—

„*Начиная съ 1-го мая 1906 года работать больше 8 часовъ будетъ предательствомъ по отношенію къ рабочему дѣлу*“.—

„Работать 8 часовъ — это готовить свое освобожденіе“.—

„Работать не больше 8 часовъ—это подготовлять всеобщую экспропріирующую стачку“.

Распространяется „Пѣсня восьми часовъ“ Анны де-Берси.

Первые результаты не заставляютъ себя ждать: во многихъ крупныхъ и мелкихъ городахъ Франціи были организованы уличныя манифестаціи съ развернутыми красными знаменами.

Въ маѣ и іюнѣ—новыя воззванія кузнецовъ и плотниковъ; въ іюлѣ главными представителями Конфедераціи подготовляется на декабрь цѣлый рядъ митинговъ во всѣхъ округахъ Франціи.

Въ августѣ—сентябрѣ происходятъ многочисленные корпоративные съѣзды: башмачниковъ, галошниковъ, плотниковъ, портовыхъ рабочихъ, ткачей, дровосѣковъ, кожевниковъ и т. д.

Всѣ выносятъ опредѣленныя резолюціи за 8-мь часовъ. Брошюра Союза Парижскихъ механиковъ, выпущенная въ 500.000 экземпляровъ раздается безплатно. На югѣ, по иниціативѣ союза рабочихъ земледѣльцевъ, образуется и приступаетъ къ дѣятельности комитетъ борьбы за шестичасовый рабочій день.

12-го ноября 1905 года, разбирая достигнутые результаты, секретарь Всеобщей Конфедераціи Труда такъ оцѣниваетъ плоды усилій Конфедеральнаго Комитета и истинное значеніе его дѣятельности:

„До настоящаго дня, впродолженіи послѣднихъ мѣсяцевъ, въ многочисленныхъ формахъ велась подготовительная работа. Движеніе вышло наружу, и на судъ общественнаго мнѣнія представленъ вопросъ о восьмичасовомъ днѣ.

Будетъ ли рабочій классъ достаточно съорганизованъ, чтобы къ назначенному моменту формулировать и выставить одно общее требованіе?.

Будетъ ли онъ въ состояніи въ совмѣстной борьбѣ добиться удовлетворенія своего законнаго требованія?

Хватитъ ли у него настойчивости и воли, чтобы втеченіи долгихъ мѣсяцевъ упорно добиваться этого удовлетворенія одной изъ существеннѣйшихъ потребностей своихъ?

Вотъ тѣ вопросы, которые, приходятъ на умъ многимъ.

Рабочіе слишкомъ одиноки среди всѣхъ недоброжелателей, интригановъ и довольствующихся существующимъ строемъ. Всѣ силы и средства для борьбы и пропаганды имъ приходится черпать только въ самихъ себѣ.

Важно, когда агитаціонная дѣятельность войдетъ въ свою колею, выяснить основную идею конгресса въ Буржѣ. Роль Конфедераціи состоитъ въ томъ, чтобы регулировать агитацію и пропаганду и при минимумѣ затратъ достичь максимума усилій, придавъ движенію характеръ всеобщности.

Долгъ Конфедераціи — посредствомъ неустанной и широкой дѣятельности укрѣпить въ общественномъ мнѣніи мысль о необходимости восьмичасового рабочаго дня.

Показывая тѣсную сплоченность вступившихъ въ борьбу корпорацій, Конфедерація стремится создать такую атмосферу, которая своей напряженностью вліяла бы на удовлетвореніе этого важнѣйшаго требованія. Федераціямъ и Синдикатамъ остается только разумно использовать эту атмосферу и принять съ своей стороны мѣры къ отвоеванію восьмичасового дня.

Эта неустанная борьба продолжалась безпрерывно вплоть до мая 1906 года".

5-го и 6-го апрѣля въ Парижѣ засѣдала конференція національныхъ Федерацій по одному делегату отъ каждой.

Послѣ горячихъ преній была принята, опубликованная вслѣдъ затѣмъ въ „Голосѣ Народа", слѣдующая резолюція:

„Просмотрѣвъ восемнадцатимѣсячную активную пропаганду согласно постановленію конгресса въ Буржѣ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ; выслушавъ отчеты, какъ Биржъ Труда, такъ и всѣхъ Федерацій, конференція кор-

поративныхъ Федерацій, призванная указать тѣ формы, которыя должна принять борьба, постановляетъ:

Призвать рабочихъ выставить полный списокъ требованій, касающихся сокращенія рабочаго дня и всѣхъ другихъ частныхъ улучшеній ихъ быта для представленія ихъ хозяевамъ, опредѣляя срокъ ихъ удовлетворенія—не позже 1-го мая 1906 года.

Призвать рабочихъ обратить день 1-го мая въ забастовку въ знакъ солидарности, которая будетъ манифестаціей мощи движенія организованнаго пролетаріата.

Съ другой стороны, конференція рекомендуетъ организаціямъ, какъ способы осуществленія ихъ требованій, слѣдующія двѣ формы:

Или единодушное прекращеніе работы по истеченіи восьмого часа ея.—Или полную пріостановку работы до удовлетворенія требованій.

Въ первомъ случаѣ, рабочіе по истеченіи восьми часовъ покидаютъ заводы, мастерскія или шахты.

Во второмъ случаѣ, забастовка продолжается вплоть до полнаго удовлетворенія всѣхъ требованій.

Выборъ между этими двумя тактическими пріемами конференція предоставляетъ самимъ организаціямъ, которыя смогутъ сообразоваться съ потребностями своей среды.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, конференція напоминаетъ, что сокращеніе рабочаго времени не должно повлечь за собой уменьшенія заработной платы.

Конференція вѣритъ въ активность передовыхъ борцовъ и рабочихъ организацій, которые пустятъ въ ходъ всѣ свои силы и средства, и напоминаетъ имъ, что достигнуые результаты будутъ пропорціональны затраченной энергіи.

Конференція выражаетъ увѣренность, что, по мѣрѣ прояснения сознанія рабочихъ, повысятся и ихъ личные интересы, и что единодушнымъ и сильнымъ натискомъ рабочіе вырвутъ у хозяевъ свою долю благосостоянія и свободы.

Далѣе, конференція постановляетъ выпустить и распространить по Франціи въ 100,000 экземпляровъ двѣ про-

кламаціи: первая будетъ воззваніемъ къ рабочимъ по поводу забастовки 1-го мая. Она должна наглядно представить рабочимъ всѣ выгоды и преимущества сокращенія рабочаго дня.

Вторая, подписанная двумя кандидатами, будетъ посвящена избирательному періоду и должна обрисовать рабочимъ всѣ выгоды отъ совпаденія этого періода съ періодомъ агитаціи за восьмичасовой рабочій день".

Въ такомъ положеніи находится организація и дѣятельность Рабочей Партіи наканунѣ ею же намѣченнаго срока достиженія восьмичасовой реформы.

8-го апрѣля въ одной изъ залъ зданія „Искусствъ и Ремеслъ" состоялось большое собраніе директоровъ, администраторовъ и членовъ кооперативныхъ товариществъ.

Былъ сдѣланъ докладъ о результатахъ референдума. Послѣ преній, громаднымъ большинствомъ голосовъ, собраніе рѣшило въ положительномъ смыслѣ вопросъ о введеніи, начиная съ 1-го мая 1906 г. восьмичасового рабочаго дня.

Конгрессъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ вынесъ слѣдующую резолюцію:

„Національный Синдикатъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, будучи принципіальнымъ сторонникомъ введенія восьмичасового рабочаго дня самими рабочими, считаетъ однако указанный моментъ 1-е мая 1906 года—преждевременнымъ.

„Желательно, чтобы Всеобщая Конфедерація Труда употребила всѣ свои усилія:

1. На исключительно Синдикальную пропаганду съ цѣлью расширить по возможности число борющихся:

2. Довершать организацію и воспитаніе пролетаріата, дабы сдѣлать его способнымъ и достаточно сознательнымъ, чтобы въ ближайшій по возможности срокъ ввести сокращеніе рабочихъ часовъ.

Но зная, что Синдикаты рѣшили примкнуть къ движенію за восьмичасовый рабочій день къ 1-му мая 1906 г., конгрессъ призываетъ всѣ группы всѣми силами помо-

гать товарищамъ въ борьбѣ за завоеваніе этой реформы".

Въ заключеніе, привожу мнѣніе вожаковъ синдикальнаго движенія г.г. Пуже и Гриффюэля, высказанное ими въ бесѣдѣ со мной:

„Въ отвѣтъ на разнообразную оцѣнку нашихъ дѣйствій критикой, мы не разъ уже указывали на характеръ резолюціи конгресса въ Буржѣ.

Мы отмѣтили массовый характеръ движенія и указали на наступательное значеніе требованія восьмичасового рабочаго дня. Это требованіе не могло ограничиться тѣсными рамками формулы. Но рѣшеніе конгресса еще не есть законъ, которому необходимо слѣдовать съ механической неуклонностью. Оно является лишь указаніемъ, съ которымъ должны сообразоваться дѣйствія рабочихъ. Результатомъ примѣненія такого постановленія могъ бы быть только результатъ усилій рабочихъ организацій. Этотъ результатъ соотвѣтствуетъ интенсивности усилій.

Конгрессъ сказалъ: съ этого дня рабочія организаціи должны начать агитацію, которая расширялась бы изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и достигла максимальныхъ размѣровъ къ указанному сроку.

Начиная съ этого срока, періодъ пропаганды долженъ смѣниться періодомъ осуществленія. Послѣдній ознаменуется, быть можетъ, новымъ рядомъ столкновеній во всѣхъ углахъ страны. 1-е мая будетъ вѣроятно, исходной точкой этого ряда новыхъ усилій, т. е. ряда забастовокъ, которыя нетрудно предсказать.

Но какъ бы то ни было, мы констатируемъ фактъ значительнаго переворота въ умахъ рабочаго класса и животворящей силы синдикалистской идеи; все это вмѣстѣ взятое можетъ оправдать предпринятую борьбу и удовлетворить тѣхъ, которые ее вели.

Такая вещь, какъ непрерывная восемнадцатимѣсячная интенсивная кампанія, направленная къ одному опредѣленному идеалу, при враждебномъ отношеніи большинства политическихъ партій, безъ поддержки со сто-

роны печати и безъ непосредственной заинтересованности общества. все это ново для Франціи.

Однако, какъ нѣчто реально достигнутое, мы можемъ учесть и пріобрѣтенный опытъ. Болѣе осязательные результаты достигнуты на сыромятномъ заводѣ Gogueheim'a въ Шомонѣ, имѣющемъ 2.000 рабочихъ, и пивоваренномъ заводѣ Le Frapper въ Брестѣ. Тамъ сокращеніе рабочаго дня безъ уменьшенія заработной платы благополучно примѣняется къ обоюдному удовлетворенію хозяевъ и рабочихъ".

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что первое мая 1906 года не являлось для синдикальнаго движенія, какъ это ошибочно думали, опредѣленнымъ и окончательнымъ срокомъ достиженія своихъ требованіи и идеаловъ.

Наоборотъ, 1-ое мая 1906 года представляется только отправнымъ пунктомъ для новой фазы непрерывной и усиленной агитаціи, которую предпринимаетъ „Рабочая Партія".

Эта агитація будетъ вестись посредствомъ стачекъ, бойкота, вліянія на общественное мнѣніе и т. под.

За настоящимъ періодомъ движенія наступитъ великая революціонная эпоха, къ которой стремится рабочій міръ.

Все это движеніе, стремящееся перестроить нашу соціальную организацію, заслуживаетъ того, чтобъ къ нему ближе и внимательнѣе присмотрѣлись.

Дѣло не идетъ больше о неосуществимыхъ утопіяхъ. Мы имѣемъ предъ ссбой попытку провести въ жизнь опредѣленныя здоровыя и вполнѣ осуществимыя идеи.

Луиза Тишель.

☆ ☆ МЕМУАРЫ. ☆ ☆

Перев. съ французскаго.

Отъ редакціи.

„Мемуары", написанныя знаменитой анархисткой Луизой Мишель, носятъ въ подлинникѣ весьма отрывочный характеръ.

Въ своемъ разсказѣ Мишель часто не считается съ хронологической послѣдовательностью, дѣлаетъ пространныя отступленія, пересыпаетъ страницы своихъ мемуаровъ своими стихотвореніями, не имѣющими ни исторической, ни литературной цѣнности.

Мы сочли умѣстнымъ опустить эти, не представляющія интереса или значенія, страницы.

Такимъ образомъ, напечатанный здѣсь переводъ дается въ сильно сокращенномъ видѣ.

I.

Меня часто просили написать мои мемуары. Но всегда, когда мнѣ предстояло говорить о себѣ, я испытывала отталкивающее чувство, подобное тому, какъ еслибъ мнѣ предложили публично раздѣться.

Несмотря на это ребяческое и странное чувство, я рѣшаюсь теперь собрать нѣсколько воспоминаній.

Постараюсь, чтобъ они не слишкомъ были проникнуты грустью.

Моя жизнь состоитъ изъ двухъ періодовъ, совершенно различныхъ по характеру и представляющихъ полный контрастъ. Первый—періодъ ученія и грезъ; второй—исполненный событій, періодъ борьбы.

Я буду по возможности менѣе примѣшивать къ моему изложенію имена лицъ, издавна потерянныхъ изъ виду, чтобъ не навлечь на нихъ непріятной неожиданности быть обвиненными въ сочувствіи революціонерамъ.

Кто знаетъ,—можетъ быть иные лица поставятъ имъ въ вину знакомство со мною и будутъ считать ихъ анархистами, не зная толкомъ, что это слово значитъ.

Моя жизнь полна мучительныхъ воспоминаній; порядокъ ихъ въ моемъ разсказѣ будетъ часто случайнымъ въ зависимости отъ того или иного впечатлѣнія. И если я беру для моей мысли и моего пера право странствованія, то—вы будете должны согласиться—я дорого заплатила за это.

Признаюсь, что здѣсь будетъ дано мѣсто и чувству. Мы, женщины и не думаемъ вырвать сердце изъ

нашей груди; мы считаемъ человѣческое существо и такъ достаточно несовершеннымъ. Мы предпочитаемъ жить и страдать чувствомъ такъ же хорошо, какъ и умомъ.

И если въ эти страницы проскользнетъ немного горечи, то никогда не попадетъ сюда злоба. Я ненавижу гнусныя рамки, въ которыя бросаютъ насъ вѣковыя ошибки и предразсудки, но я мало вѣрю въ отвѣтственность. Человѣческая раса не виновна въ томъ, что ее вѣчно мѣсятъ по образу одного несчастнаго типа, и что, подобно звѣрямъ, мы пожираемъ другъ друга въ борьбѣ за существованіе.

Когда всѣ силы обратятся противъ препятствій, стоящихъ на пути человѣчества, оно минуетъ и оставитъ позади бури.

При нашей неустанной борьбѣ, человѣкъ не можетъ быть свободнымъ...

Но я пишу мои мемуары, и надо начать говорить о себѣ. Я буду говорить смѣло и откровенно относительно всего, что касается меня лично, оставляя тѣхъ, кто меня воспиталъ и выростилъ въ той тѣни, которую они любили.

Военный судъ въ 1871 году кропотливо шарилъ и рылся даже въ глубинѣ моей колыбели, но пощадилъ ихъ. И ужъ я навѣрное не стану тревожить покой ихъ праха.

Сырость истерла ихъ имена на кладбищенскихъ плитахъ; старый замокъ былъ разрушенъ. Но я снова вижу гнѣздо моего дѣтства и вижу, какъ тѣ, кто выростили меня, часто склоняются надо мной;— часто будутъ встрѣчаться они и въ этой книгѣ.

Увы! отъ воспоминанія объ умершихъ, убѣгающей мысли, отходящаго дня,—не остается ничего!

Ничего, кромѣ сознанія исполненнаго долга и сурово прожитой жизни.

Но зачѣмъ скорбить о самой себѣ посреди общихъ горестей? Зачѣмъ останавливаться надъ каплей воды? Смотрите на океанъ!

Я хотѣла, чтобъ мои три приговора были приложены къ этимъ мемуарамъ.

Для насъ каждый приговоръ является знаменемъ. Пусть оно покроетъ мою книгу, какъ осѣнило мою жизнь и какъ будетъ развѣваться надъ моимъ гробомъ.

II.

Гнѣздо, въ которомъ протекло мое дѣтство, было обширной старой развалиной съ четырьмя башнями, похожей на мавзолей или крѣпость.

Эта развалина находилась на краю небольшой деревушки съ одной единственной улицей.

Часто, во время снѣжныхъ заносовъ, изъ ближняго лѣса забѣгали черезъ трещины стѣны волки и выли у насъ на дворѣ.

Собаки, бѣсясь, отвѣчали имъ, и этотъ концертъ продолжался до утра.

Я любила эти ночи, особенно, когда сѣверный вѣтеръ сильно бушевалъ, и вся семья, собравшись въ высокой, холодной залѣ, занималась чтеніемъ.

Въ громадныхъ залахъ стоялъ леденящій холодъ, и мы всѣ придвигались близко къ огню.

Тутъ же размѣщались наши собаки и цѣлый легіонъ кошекъ и котовъ.

Часто приходили знакомые и друзья, и вечеръ затягивался. Меня посылали спать, чтобъ окончить главы, которыхъ не читали цѣликомъ въ моемъ присутствіи.

Въ этихъ случаяхъ я или отказывалась на отрѣзъ (и почти всегда выигривала мой процессъ), или, желая услышать то, что хотѣли отъ меня скрыть, повиновалась, но оставалась стоять за дверью, замѣсто того, чтобъ ложиться въ кровать.

Лѣтомъ развалина наполнялась птицами, которыя влетали черезъ окна; но это не были единственные сотоварищи собакъ и кошекъ. Тутъ были и куро

патки, черепахи, кабаны, волки, совы, летучія мыши и т. д. и т. д. Потомъ курицы, козы, коровы. Всѣ эти животныя и птицы жили въ добромъ согласіи. Кошки не трогали мышей, а мыши въ свою очередь вели себя отлично, не дотрагиваясь своими зубами до книгъ, тетрадей, скрипокъ, гитаръ, которыя валялись повсюду.

Какой миръ царилъ въ нашемъ жилищѣ и во всей моей жизни въ эту эпоху!

Еще ребенкомъ я начала писать „Всеобщую Исторію". Навѣрное, не мало отчаянныхъ глупостей было въ моей работѣ. Я перечла уже довольно много книгъ, но мнѣ дали нѣсколько томовъ Вольтера, и я бросила мое неоконченное произведеніе вмѣстѣ съ моей „большой поэмой".

Окончить эту ужасную поэму мнѣ помѣшалъ зубъ мамонта, о которомъ мнѣ разсказывалъ съ энтузіазмомъ нашъ знакомый докторъ Ломонъ. Я бросила поэзію и устроила на верхушкѣ сѣверной башни клѣтку, наполненную всѣмъ, что могло-бъ сойти за геологическія находки.

Я собрала туда совсѣмъ свѣжіе скелеты собакъ, кошекъ, найденные въ полѣ черепа лошадей, плавильники, одинъ горнъ, треножникъ, и чертъ знаетъ, чѣмъ только я не занималась тамъ: и алхиміей, и астрологіей и заклинаніями.

Тамъ же находилась и моя „лютня"—ужасный инструментъ, который я собственноручно сдѣлала изъ сосновой дощечки и старыхъ струнъ отъ гитары.

Съ этимъ то варварскимъ инструментомъ я обращалась къ Виктору Гюго съ высокопарными стихами. И онъ никогда не узналъ, что представляла собой эта „лютня поэта", эта „лира", „самые нѣжные аккорды" которой я посылала ему.

Въ дѣтствѣ я очень много читала. Вмѣстѣ съ двумя моими подругами, сидя въ высокой травѣ, перечитывали мы старые журналы, сочиненія Гюго, Ламартина, старичка Корнеля и т. д.

Мнѣ было пожалуй шесть или семь лѣтъ, когда мы заливались слезами надъ книгой Ламенне „Слова вѣрующаго“.

И начиная съ этого дня я стала принадлежать толпѣ. Съ этого дня я стала подыматься отъ этапа къ этапу, пройдя черезъ всѣ видоизмѣненія мысли, отъ Ламенне и до анархіи.

Я никогда не видала дѣтей въ одно и то же время столь серіозныхъ и такихъ сумасшедшихъ, такихъ дурныхъ и такъ опасающихся причинить кому либо зло, какъ мой двоюродный братъ Юлій и я.

Мой кузенъ пріѣзжалъ каждый годъ на вакаціи вмѣстѣ съ матерью.

Я удивляюсь теперь содержанію тѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые мы обсуждали тогда. Мы взбирались обыкновенно на два дерева и такимъ образомъ бесѣдовали другъ съ другомъ. Это было наше любимое положеніе.

Однажды, когда мы переговаривались съ одного дерева на другое, Юлій признался мнѣ, что онъ отправилъ весьма нѣжное посланіе знаменитой писательницѣ Жоржъ Зандъ, но не получилъ отвѣта.

Мы рѣшили оба обратить наши лютни на воспѣваніе другихъ сюжетовъ. Но однажды, во время бурнаго спора на тему о „равенствѣ половъ“, Юлій заявилъ, что, если я и поняла что либо въ его книгахъ, которыя онъ привезъ съ собою на вакаціи, то только потому, что я представляю собой „аномалію“. И въ пылу сраженія наши лютни, которыя служили намъ метательными снарядами, были разбиты.

На дворѣ, за колодцемъ были навалены кучи хворосту и вѣтокъ. Все это служило намъ для устройства эшафота съ ступенями, площадкой и двумя большими деревянными подставками. Здѣсь мы воспроизводили цѣлыя историческія эпохи и тѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя намъ нравились. Мы передѣлали „93 годъ“ въ драму и всходили одинъ за другимъ по ступенькамъ нашего эшафота, гдѣ стано-

вились съ крикомъ: „Да здравствуетъ Республика!“

Много картинъ изъ моего прошлаго проносятся сейчасъ предо мной. Чѣмъ дальше я подвигаюсь съ моимъ разсказомъ, тѣмъ тѣснѣе обступаютъ меня образы тѣхъ, кого я не увижу болѣе никогда.

III.

Когда смерть спустилась на нашъ домъ, и опустѣлъ нашъ семейный очагъ; когда тѣ, кто вырастили меня, уснули подъ соснами кладбища, для меня началось приготовленіе къ экзаменамъ на учительницу.

Въ 1851 году я съ матерью, проводила вакаціи у моихъ родственниковъ въ окрестностяхъ Ланьи.

Тамъ, мой дядя, не долюбливавшій моихъ писаній и опасавшійся, чтобъ я не оставила своихъ экзаменовъ для поэзіи, помѣстилъ меня въ пансіонъ г-жи Дюваль въ Ланьи; я оставалась тамъ около трехъ мѣсяцевъ.

Я думала, продолжая свои занятія, устриться въ Парижѣ въ качествѣ помощницы учительницы. Но то не хотѣла разставаться съ моей матерью и осталась вмѣстѣ съ ней на родинѣ.

Вотъ почему въ январѣ 1853 года я начала карьеру учительницы въ Оделонкурѣ, гдѣ жила часть нашей семьи со стороны матери.

Здѣсь я открыла школу. Несмотря на доносы нѣсколькихъ дураковъ о моихъ политическихъ убѣжденіяхъ, дѣла моей школы шли прекрасно, тѣмъ болѣе, что я отдавалась своему дѣлу съ усердіемъ юности.

„Друзья порядка“, которые почему-то занялись мной, называли меня „красной“, т. е. республиканкой. Ставилось мнѣ въ вину и то, что я намѣрена была переселиться въ Парижъ.

Эти обвиненія были совершенно справедливы: Парижъ, который, во время короткаго посѣщенія, мнѣ удалось едва осмотрѣть, не повидавъ

еще чудесъ о которыхъ мнѣ разсказывали, меня притягивалъ. Только тамъ можно было бороться съ Имперіей.

Доносы, нарушавшіе покой моей бѣдной матери, заставили меня уѣзжать въ Шомонъ, гдѣ я проводила дня два подъ предлогомъ дѣлъ.

Я отправлялась къ ректору академіи Файе и объяснялась по поводу доносовъ, заявляя, что все это правда, что я желала бы уѣхать въ Парижъ, что я республиканка и т. д. Но говоря о занятіяхъ—моей страсти, которая звала меня въ Парижъ, о республикѣ, о моихъ симпатіяхъ, я раскрывала ему свое сердце.

Ректоръ долго молча смотрѣлъ на меня, а жена его, которая всегда становилась на мою сторону, улыбалась, въ то время какъ голуби летали на свободѣ по комнатѣ, залитой солнцемъ.

Въ моей оделонкурской школѣ, утромъ, предъ началомъ и послѣ занятій ученики пѣли марсельезу.

Строфу:

Nous entrerons dans la carrière
Quand nos aînés n'y seront plus

мы пѣли, стоя на колѣняхъ. И часто во время пѣнія глаза дѣтей и мои наполнялись слезами.

Я послала между прочимъ нѣсколько фельетоновъ въ шомонскія газеты.

Извлекаю изъ этихъ фельетоновъ одну фразу, которая навлекла на меня обвиненіе въ дерзостномъ неуваженіи къ Его Величеству Императору—обвиненіе, вообще говоря, весьма заслуженное, которое можно было основать и на многихъ другихъ фразахъ.

Фельетонъ этотъ, исторія убійствъ, начинался такъ:

„Домиціанъ царствовалъ; онъ изгналъ изъ Рима философовъ и ученыхъ, увеличилъ оклады преторіанцевъ, возстановилъ капитолійскія игры,—и всѣ восхваляли милосерднаго императора, съ нетерпѣ-

ніемъ ожидая, когда его убьютъ. Апофеозъ однихъ былъ раньше, другихъ—позже, вотъ и все".

Меня потребовали къ префекту, который заявилъ мнѣ: „Вы поступили дерзостно по отношенію къ Его Величеству Императору, сравнивъ его съ Дамиціаномъ, и, еслибъ вы не были такъ молоды, мы были бы вправѣ сослать васъ въ Кайену".

Я отвѣтила, что тѣ, кто узналъ г. Бонапарта въ портретѣ Домиціана, оскорбляютъ его въ такой же мѣрѣ, но что въ дѣйствительности его-то я и имѣла въ виду.

Я прибавила, что, касательно Кайены, мнѣ было бы очень пріятно устроить тамъ воспитательный домъ. А такъ какъ у меня самой нѣтъ на расходы по поѣздкѣ, то все это, наоборотъ, доставитъ мнѣ большое удовольствіе.

На томъ дѣло и кончилось!

Нѣсколько времени спустя, ко мнѣ явился какой-то господинъ, имѣвшій просьбу къ префекту. Онъ заявилъ мнѣ: „Говорятъ, что вы были у префекта, дайте мнѣ рекомендацію".

Я объяснила ему, что меня звали въ префектуру только для того, чтобъ судить и пригрозить Кайеной, и что моя рекомендація не сможетъ быть ему полезной, а наоборотъ. Но комичный господинъ не слушалъ ничего и стоялъ на своемъ.

Тогда я написала письмо приблизительно слѣдующаго содержанія:

„М. Г. г-нъ префектъ!

Лицо, которому вамъ угодно было посулить путешествіе въ Кайену, осаждается просьбами г. Х. дать ему къ вамъ рекомендательное письмо.

Никакъ не могла заставить его понять, что это средство можетъ привести только къ тому, что его выкинутъ за дверь. Онъ уперся какъ оселъ.

Ну, какъ ему внушить, что я имѣю основаніе отказываться!

Благоволите, господинъ префектъ, не забыть для меня обѣщаннаго путешествія".

Когда я увидѣла моего господина послѣ возвращенія его изъ поѣздки въ Шомонъ, я, признаюсь, смѣялась уже надъ тѣмъ, какъ онъ будетъ разсказывать о своихъ неудачахъ. Но, къ великому моему изумленію, онъ сказалъ мнѣ: Вотъ видите, я зналъ раньше... вамъ везетъ... мое дѣло въ шляпѣ.

Около 1865 года я переселилась въ Парижъ. Здѣсь я заняла мѣсто помощницы учительницы въ школѣ г-жи Воліе, въ Монмартрскомъ кварталѣ. Жалованіе было очень скудное, и мнѣ приходилось послѣ классовъ давать частные уроки музыки.

Весь свой излишекъ я тратила на книги. Все свободное время—на бесѣды съ друзьями и чтеніе.

Нѣсколько разъ посылала я свои стихотворенія Виктору Гюго, который находился тогда въ изгнаніи. Еще въ дѣтствѣ я отправила ему какъ-то нѣсколько стиховъ. Но тогда какъ содержаніе тѣхъ соотвѣтствовало моему возрасту, теперь отъ моихъ стиховъ пахло порохомъ. Помѣстила нѣсколько статей въ различныхъ изданіяхъ.

Между прочимъ, я задумала оперу съ фантастической постановкой и грандіознымъ оркестромъ (однихъ скрипокъ должно было быть двадцать).

Но всѣ эти мечты были скоро оставлены. Революція подымалась! Кому нужны были драмы? Настоящая драма разыгрывалась на улицахъ. Зачѣмъ оркестры? У насъ была сталь и пушки.

Въ глубинѣ моего возмущенія противъ сильныхъ я нахожу въ своихъ самыхъ далекихъ воспоминаніяхъ ужасъ предъ мученіями, которыя причиняютъ животнымъ.

Я бъ хотѣла, чтобъ животное мстило, чтобъ собака укусила того, кто ее ударилъ, чтобъ лошадь, окровавленная ударами бича, вывернула своего палача.

Чѣмъ болѣе жестокъ по отношеніи къ животному человѣкъ, тѣмъ болѣе пресмыкается онъ предъ людьми, имѣющими надъ нимъ власть.

Съ тѣхъ поръ, какъ я увидала жестокости, которыя продѣлываются надъ животными въ деревняхъ, и ужасный видъ ихъ мученій,—съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ жалостью къ нимъ, я поняла, что такое преступленіе силы.

Такъ поступаютъ со своими народами тѣ, кто властвуетъ надъ ними. Эта мысль должна была явиться у меня.

Всѣ существа, отъ одного края земли до другого стонутъ въ тискахъ; всюду сильный душитъ слабаго.

И какова бы не была жалость, сжимающая сердце, необходимо, чтобъ существа, приносящія вредъ, исчезли. Если въ дѣтствѣ я просила помилованія для животныхъ, которыхъ собирались убить,—то теперь я не стану просить прощенія для извѣстныхъ людей, оказывающихся еще худшими, чѣмъ волки, по отношенію къ человѣчеству.

Что же касается тѣхъ, кто, какъ напримѣръ деспоты, олицетворяютъ собою рабство и смерть націи, то по отношенію къ нимъ я буду столько же колебаться или волноваться, какъ еслибъ я убрала съ дороги опасную западню.

Такимъ будетъ всегда, если придетъ случай, мое чувство.

IV.

Я и мои подруги по школьному дѣлу—мы часто собирались вмѣстѣ, читали, занимались или предавались мечтамъ о будущемъ.

Это было за 5 — 6 лѣтъ до осады; наша улица представляла собой посреди императорскаго Парижа расчищенное убѣжище для свободной мысли. Нерѣдко въ школѣ, уроки исторіи прерывались Марсельезой, и въ воздухѣ пахло порохомъ.

Всѣми нами овладѣла страстная жажда знаній; все свободное отъ собственныхъ уроковъ время мы посвящали занятіямъ, сами ходили на лекціи и часто засиживались до глубокой ночи.

Въ этотъ періодъ моей жизни мнѣ не разъ приходилось возвращаться домой поздно ночью. Я встрѣчалась съ наглыми ворами, бандитами и проститутками и говорила съ ними. Сколько я насмотрѣлась тогда, и сколько изумительныхъ вещей они разсказали мнѣ.

Вы думаете, что люди являются на свѣтъ съ раскрытымъ ножемъ, готовые всадить его кому-нибудь въ бокъ, — или съ билетомъ въ рукѣ, чтобъ продаваться? На свѣтъ не являются и со свинцовой палкой, чтобъ быть сыщикомъ или съ министерскими портфелями, чтобъ быть опьяненнымъ властью и тащить народы къ гибели.

Нѣтъ такого бандита, который не могъ бы быть честнымъ человѣкомъ! И нѣтъ честнаго человѣка, который не былъ бы способенъ совершить преступленіе среди того ада, въ который бросаютъ людей предразсудки проклятаго стараго міра!..

Но средь всѣхъ нашихъ занятій мы чувствовали уже очень близко вѣяніе грядущей драмы, которая должна была разыграться на улицахъ, истинной драмы человѣчества. Военные клики германцевъ предвѣщали наступленіе новой эпопеи.

Наступалъ конецъ имперіи; новыя идеи зарож-

дались, росли, подобно факелу, разбрасывали искры и огонь. Война еще не была видна. Она вспыхнула, чтобъ на грудѣ труповъ укрѣпить положеніе Бонапарта.

Все чаще и чаще происходили среди бѣла дня собранія; возмущеніе подымалось съ низинъ земли въ стремленіи къ великому солнцу.

Но война не могла захватить населенія, несмотря на увлеченія королевской банды; надо было развязать крылья Марсельезы, чтобъ опьянить народъ.

Въ это время моя мать гостила въ Парижѣ. Мнѣ не хотѣлось тревожить ее, и я сказала, что ни въ чемъ активно не участвую. Однажды, двое изъ моихъ подругъ пришли за мной, чтобъ вмѣстѣ отправиться на собраніе; они ждали меня на улицѣ, чтобъ не внушить подозрѣній моей матери.

— Но это невозможно, говорила бѣдная женщина, чтобъ ты ходила такъ поздно давать уроки!

— За мной прислала подруга.—Но она выглянула въ окно.

— Я такъ и знала, сказала она, что это ваши собранія!

Собранія эти устраивались обыкновенно въ окрестностяхъ Парижа.

О чемъ только мы не говорили, возвращаясь по тропинкамъ черезъ поля! Иной разъ, всѣ молчали, какъ бы опьяненные идеей, которая воодушевляла насъ.

О, мои друзья, мнѣ кажется, мы всѣ были немножко поэтами! Мы много страдали, но за то и видѣли много хорошихъ вещей!

...Увы, — въ Парижѣ, который содрогался отъ преступленій Имперіи, въ Парижѣ, который долженъ былъ кликнуть кличъ: Да здравствуетъ Республика!—воцарилось глубокое молчаніе.

Всѣ ставни закрылись, бульвары опустѣли, и вокругъ повозки съ плѣнными Эдомъ и Бридо кричали: „На пруссаковъ!“

Когда наши друзья были осуждены на смерть за то, что хотѣли провозгласить Республику до того, какъ Бонапартъ окончилъ свое дѣло, было поручено намъ, Андрэ Лео, Адели Эскиросъ и мнѣ, доставить Трошю протестъ, покрытый тысячами подписей.

Большее число этихъ подписей было дано подъ впечатлѣніемъ негодованія; два или три листа изъ находившихся въ моемъ вѣдѣньи, у меня потребовали обратно подъ предлогомъ того, что въ такомъ дѣлѣ рисковали головой; эти робкіе люди передумали.

Но развѣ здѣсь не шло дѣло о головахъ нашихъ друзей? Признаюсь, что я отказалась вычеркнуть эти двѣ, три подписи.

— Ничего, говорила я имъ, тѣмъ лучше, — мы пойдемъ съ ними за компанію.

Попасть къ генералу Трошю было дѣломъ далеко не легкимъ.

Послѣ того, какъ мы чуть ли не приступомъ взяли переднюю, насъ хотѣли заставить уйти, не повидавъ парижскаго губернатора. Слова: „Мы явились отъ имени народа“ звучали довольно скверно въ этомъ мѣстѣ.

Въ отвѣтъ на приглашеніе удалиться, мы усѣлись на скамейкѣ возлѣ стѣны, заявивъ, что мы не уйдемъ, не получивъ отвѣта.

Секретарю надоѣло, однако, наше настойчивое ожиданіе, и онъ отправился доложить Трошю. Вышелъ генералъ и, взвѣшивая на рукѣ толстую тетрадь, покрытую подписями (что его видимо безпокоило), объявилъ намъ, что, принимая во вниманіе количество, подписи эти будутъ приняты въ соображеніе.

Обѣщаніе это стоило бы очень мало, еслибъ Имперія не была разрушена. Нежданная неудача съ Седаномъ опрокинула на землю этотъ подгнившій трупъ,

31 октября въ Городской Думѣ была провозглашена Коммуна.

Флюрансъ положилъ свою жизнь на аванпостахъ Коммуны. Версаль убилъ его, эту благородную личность, заманивъ въ засаду.

Кто же виновенъ въ томъ, что мы были неумолимы въ наступившей борьбѣ?

19 января согласились, наконецъ, дать возможность національной гвардіи попытаться взять обратно Монтрету и Бюзенваль.

Сначала крѣпости были взяты; но люди, вязнувшіе по колѣна въ рыхлой землѣ, не могли ввезти на валы орудія, и пришлось отступить.

Тамъ, не жалѣя жизни, сотнями легли національные гвардейцы: сыны народа, артисты, молодые люди. Земля напилась кровью этой первой парижской гекатомбы; много еще другой крови пришлось ей испить.

Парижъ не хотѣлъ сдаваться.

22 января громадная толпа народа собралась передъ Hôtel de Ville, гдѣ командовалъ Шодей.

Желая оставить за манифестаціей ея мирный характеръ, который, впрочемъ, кончается всегда топтаніемъ толпы, всѣ вооруженные удалились.

Когда осталось только безоружное большинство, изъ оконъ, въ которыхъ виднѣлись блѣдныя лица бретонцевъ, упалъ на площадь небольшой шумъ какъ бы града. На площади образовались просѣки.

Да, вы, арморскіе дикари, дикари со свѣтлыми волосами, вы сдѣлали это!

Вы убиваете насъ! Но вы думаете, что вы должны это дѣлать, и вы еще когда-нибудь сослужите службу свободѣ. Вы принесете съ собой тогда ту же суровую убѣжденность и вмѣстѣ съ нами возьмете штурмомъ старый свѣтъ.

Батальонами Монмартра командовалъ Разуа.

Ни одного выстрѣла не сдѣлано было со стороны народа до залповъ бретонцевъ. Но послѣ перваго залпа легіонеры, которые выстроились у сквера возлѣ башни Св. Якова, не могли сдержать себя; начали сыпаться пули; стали строить баррикаду.

Я стояла посреди площади, смотрѣла на проклятыя окна и думала: Вы будете нашими, бандиты!

Пули продолжали свистѣть, и площадь опустѣла.

Было рѣшено отложить дѣло до другого раза.

22 января былъ убитъ Сапіа и многіе другіе. У П . . . изъ группы Бланки была сломана рука. Вмѣстѣ съ нашими было убито много случайныхъ прохожихъ, и на ихъ могилахъ мы клялись о мести и служеніи свободѣ.

Черезъ шесть дней послѣ 22 января, когда народъ былъ разстрѣлянъ и его увѣрили, что никто и не думаетъ сдаваться и что подобное обвиненіе можетъ относиться только къ однимъ пруссакамъ, сдача стала свершившимся фактомъ. Взрывъ негодованія Парижа на этотъ разъ не улегся.

V.

Монмартрскій комитетъ наблюденія заставлялъ во время осады трепетать реакцію. Каждый вечеръ мы налетали на Парижъ, то разрушая клубы подлецовъ, то раздувая революцію. Время надувательствъ прошло; мы знали, во сколько цѣнятся обѣщанія и жизнь гражданъ властью, готовой утопить себя въ крови народа.

На Монмартрѣ существовало два комитета наблюденія: мужской и женскій.

Я была постоянно въ мужскомъ, потому что тамъ находились русскіе революціонеры. У меня сохранился еще старый планъ Парижа, который висѣлъ на стѣнѣ во второй залѣ. Я взяла его какъ

память и перевезла черезъ океанъ. Мы замазали чернилами украшавшій этотъ планъ гербъ Имперіи.

Я никогда не встрѣчала столь прямыхъ, простыхъ и столь высокихъ умовъ, столь оригинальныхъ индивидуальностей, какъ тѣ лица, которыя бывали въ клубѣ. Они привлекали къ себѣ всѣхъ отсутствіемъ слабостей, чѣмъ то сильнымъ и хорошимъ.

Гражданки были одушевлены тѣмъ же мужествомъ; среди нихъ встрѣчались тоже замѣчательные умы. Я продолжала принимать участіе въ обоихъ комитетахъ, стремленія которыхъ были однѣ и тѣ же. И мужчины и женщины были всегда вмѣстѣ. Чтобъ исполнять свой долгъ не надо думать о томъ, къ какому полу принадлежишь. Съ этимъ идіотскимъ вопросомъ было покончено.

Я находила возможность бывать по вечерамъ въ обоихъ клубахъ, потому что женскій, на rue de la Chapelle, открывался раньше. Мы могли, такимъ образомъ, присутствовать потомъ на второй половинѣ засѣданія клуба въ залѣ Пэро, а иногда и на всемъ засѣданіи. Оба они носили имя Клуба Революціи.

Монмартрскіе комитеты наблюденія не оставляли никого безъ убѣжища, безъ хлѣба. Но зато не было недостатка въ революціонныхъ средствахъ. XVIII округъ былъ грозой буржуазіи. Когда говорили: Монмартръ придетъ!—реакціонеры залѣзали въ свои дыры, удирая, какъ животныя, которыхъ преслѣдуютъ, и запирались въ своихъ кладовыхъ, которыя ломились отъ припасовъ, тогда какъ Парижъ умиралъ съ голоду.

Комитетъ наблюденія былъ скошенъ, какъ и всѣ революціонныя группы. Немногіе оставшіеся въ живыхъ, Ипполитъ Ф..., Бар..., Ав..., Вив..., Луи М..., знаютъ какъ мы были горды и какъ высоко держали мы знамя Революціи.

За все время существованіи Коммуны я провела у моей бѣдной матери только одну ночь. Я спала, гдѣ попало, когда не оказывалось никакого другого дѣла. Другіе поступали такъ же, какъ и я; каждый отдался весь цѣликомъ борьбѣ.

Еслибъ реакція имѣла столько же враговъ среди женщинъ, сколько среди мужчинъ, Версали пришлось бы еще хуже. Надо отдать справедливость нашимъ друзьямъ,—они болѣе насъ подвержены чувству жалости; женщина, это, какъ думаютъ, слабое созданіе, умѣетъ лучше, чѣмъ мужчина, сказать: Такъ надо! Она чувствуетъ, что у нея разрывается сердце, но остается безстрастной. Безъ ненависти, безъ гнѣва, безъ жалости, какъ къ себѣ самой, такъ и къ другимъ;—*такъ надо.*

Такими были женщины Коммуны...

У меня было, помимо моихъ женскихъ платьевъ, одинъ костюмъ пѣхотинца и одинъ національной гвардіи. Я ходила свободно по улицамъ, и со мной ни разу ничего не случилось, если не считать царапины отъ пули на рукѣ, продырявленной пулями шляпы и вывиха, который заставилъ меня не ходить въ продоженіи трехъ, четырехъ дней и взять повозку.

Я боялась показаться на глаза матери, потому что она замѣтила бы мой вывихъ.

Нѣсколько дней до того, я неожиданно столкнулась съ ней *въ траншеяхъ*, возлѣ кламарскаго вокзала. Она пришла взглянуть, много ли правды было въ тѣхъ выдумкахъ, которыя я писала ей, чтобъ ее успокоить; къ счастью, въ концѣ концовъ она всегда мнѣ вѣрила...

Въ провинціи все еще вѣрили оффиціальнымъ сказкамъ. Существо Государства требуетъ несогласія между различными группами этого плебса, которому предоставляется работать, но не возмущаться.

Нѣкоторые изъ наиболѣе преданныхъ дѣлу отправились изъ Парижа въ провинцію; среди нихъ были

женщины; между прочимъ Поль Миннъ. Еслибъ провинція поняла насъ, она была бы вмѣстѣ съ нами.

Мы попытались прибѣгнуть къ помощи воздушныхъ шаровъ, наполненныхъ депешами къ Франціи. Нѣкоторыя попали хорошо.

Впрочемъ, никого не могли обмануть версальскія враки. Ліонъ, Марсель, Нарбона учредили свои Коммуны, залитыя, какъ и наша, кровью революціонеровъ. Вотъ почему наши знамена всегда краснаго цвѣта; почему онѣ приводятъ въ ужасъ тѣхъ, кто ихъ окрашиваетъ?

VI.

Перехожу къ исторіи моихъ арестовъ.

Это было во время осады. Я, вмѣстѣ съ г-жей Андрэ Л,—мы обратились съ призывомъ къ добровольцамъ пойти къ агонизировавшему Страсбургу и сдѣлать послѣднее усиліе или умереть вмѣстѣ съ нимъ. Добровольцевъ собралось очень много. Мы прошли по Парижу длинной лентой съ криками: Въ Страсбургъ! Въ Страсбургъ! Но у Городской Думы мы были арестованы. Вмѣстѣ съ нами была задержана какая-то бѣдная маленькая старушка. Она шла черезъ площадь за масломъ и очутилась среди манифестантовъ. Но благодря нашимъ настояніямъ ее выпустили. Вошелъ какой-то толстый господинъ, и я попыталась объяснить ему, въ чемъ дѣло.—Какое вамъ дѣло до того, что Страсбургъ погибаетъ: вѣдь васъ тамъ нѣтъ?!—сказалъ мнѣ этотъ обшитый галунами идіотъ, который видно пришелъ изъ любопытства посмотрѣть на насъ.

Членъ временнаго правительства приказалъ освободить насъ.

Въ тотъ самый часъ Страсбургъ палъ.

Мой второй арестъ произошелъ также во время осады.

Женщины, болѣе храбрыя, чѣмъ предусмотрительныя, хотѣли предложить правительству какой-то планъ защиты, въ которомъ хотѣли сами принять участіе.

Явилась депутація въ монмартрскій женскій клубъ. Мы согласились имъ помочь. На другой день мы отправились къ Городской Думѣ, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ,—и я была арестована за попытку организованія манифестаціи.

Я заявила, что не могла организовывать манифестаціи для переговоровъ съ правительствомъ, котораго я больше не признавала, и что приду сознательно къ Городской Думѣ только съ народомъ, вооруженной. Мои объясненія не удовлетворили ихъ, и я была заключена.

Но на другой день четверо гражданъ, Ферре, Авронзаръ, Бюрло и Христъ, явились отъ имени XVIII округа требовать моего освобожденія.

Имъ довольно было сказать одну фразу—страшилище реакціи: Монмартръ придетъ!—и я была выпущена.

Приходила также требовать моего освобожденія г-жа Мерисъ отъ имени Женскаго общества помощи жертвамъ войны. Но она явилась уже послѣ нашего ухода изъ префектуры.

У женщинъ нѣтъ малодушія. Триста тысячъ женскихъ голосовъ избрали Коммуну.

Около пятнадцати тысячъ въ продолженіи Кровавой недѣли выдержали нападеніе одной арміи. Насчитывали приблизительно тридцать пять тысячъ убитыхъ; а сколько еще осталось въ безвѣстности.

Женщины въ майскіе дни воздвигли и защищали баррикаду на площади Бланшъ. Они держались, пока не пали всѣ.

Одна изъ нихъ, Бланшъ Лефебръ, пришла ко мнѣ, какъ бы съ визитомъ, на баррикаду Дельты. Тогда еще вѣрили въ побѣду.

Но Революція была затоплена въ крови старой лисицей, генраломъ версальской арміи Футрике.

Домбровскій, грустный, прошелъ мимо насъ на смерть.—Кончено! сказалъ онъ мнѣ.

Я отвѣтила ему:—Нѣтъ нѣтъ! И онъ протянулъ мнѣ обѣ руки.

Мнѣ всегда удавалось отъ всего ускользнуть, не знаю сама какъ. Наконецъ тѣ, которымъ хотѣлось меня схватить, арестовали мою мать и хотѣли ее разстрѣлять, если не найдутъ меня. Я явилась выпустить ее на свободу, занявъ ея мѣсто. Бѣдная, дорогая матушка,—она не соглашалась; мнѣ пришлось массу наврать, чтобы склонить ее; кончилось тѣмъ, что она всетаки мнѣ повѣрила.

Я добилась такимъ образомъ того, что она возвратилась къ себѣ.

Это было возлѣ монмартрской желѣзной дороги, на 37 бастіонѣ; тамъ были собраны арестованные.

Куски обгорѣвшей бумаги, залетавшіе съ пожара въ Парижѣ, были похожи на черныхъ бабочекъ.

Надъ нами развѣвалась краснымъ покрываломъ заря пожара.

Слышны были пушечные выстрѣлы. Они слышались до 28-го. И до 28-го мы говорили: Революція еще побѣдитъ!

Мы все еще наивно надѣялись, не подозрѣвая объ измѣнѣ.

Черезъ нѣкоторое время всѣхъ арестованныхъ перевели въ Сатори, а оттуда въ Версаль.

Мнѣ сказали, что меня разстрѣляютъ на другой день вечеромъ. Но затѣмъ разстрѣлъ былъ отложенъ до другого дня. Не понимаю, какъ меня не казнили: я была дерзка, какъ плѣнникъ съ жестокими побѣдителями.

Насъ было около тридцати женщинъ. Мы помѣстились вокругъ большой четырехугольной комнаты на первомъ этажѣ. Днемъ мы сидѣли, ночью растягивались на полу, кто какъ могъ.

Черезъ пятнадцать дней двоимъ дали пукъ соломы.

Черезъ дыру наверхъ подымались въ комнату для допросовъ. Другая дыра вела внизъ, гдѣ помѣщались арестованные дѣти. Ночью двѣ лампы освѣщали этотъ моргъ, который дорисовывали рубища, подвѣшанныя на веревкахъ надъ тѣлами.

Долгое время мнѣ было запрещено видѣться съ матерью, которая часто приходила изъ Монмартра, но не получала возможности говорить со мной.

Однажды, ее оттолкнули въ то время, когда бѣдная женщина протянула мнѣ бутылку кофе; я бросила эту бутылку въ голову жандарма, который прогналъ ее.

На упреки офицера, я отвѣтила, что сожалѣю только о томъ, что мнѣ пришлось направить ударъ на „инструментъ“ а не на тѣхъ, повыше, кто приказываетъ.

Въ концѣ концовъ моей матери позволили видѣться со мной, но это было значительно позже.

Въ нашей тюрьмѣ, какъ и всюду, бывали комичные эпизоды.

Одна глухо-нѣмая провела въ тюрьмѣ нѣсколько недѣль, обвиняясь въ томъ, что кричала: „Да здравствуетъ Коммуна!“ Одна парализованная на обѣ ноги старуха—за то, что сооружала баррикады!

Другая въ теченіе трехъ дней бродила вокругъ залы съ корзинкой въ одной рукѣ и зонтикомъ въ другой.

Въ этой корзинкѣ были пѣсни, сочиненныя ея хозяиномъ въ честь побѣдителей; ихъ почему то сочли восхваляющими Коммуну.

Но смѣхъ быстро замиралъ на устахъ.

Крики помѣшанныхъ, безпокойство за судьбу

родственниковъ, друзей, бѣдныя матери, оставшіяся дома однѣ...

Но побѣжденные, мы были горды, и дураки и дуры, которые приходили поглазѣть на насъ, какъ идутъ смотрѣть звѣрей въ зоологическій садъ, не видали на нашихъ глазахъ слезъ.

Охраняемыя солдатами, женщины не имѣли возможности мѣнять бѣлье (если только оно было у нихъ). Мнѣ принесла бѣлье моя бѣдная мать; въ этотъ разъ она была особенно грустна; это было только начало.

Съ пріѣздомъ Марсеру сорокъ наиболѣе серіозныхъ арестованныхъ были переведены въ версальскую исправительную тюрьму. Я была въ ихъ числѣ.

Здѣсь режимъ оказался для насъ болѣе мягкимъ.

VI.

Въ качествѣ репетиціи къ суду надъ членами Коммуны судили несчастныхъ женщинъ; большинство ихъ были только санитарами; тѣмъ не менѣе, они были присуждены къ смертной казни. Двѣ изъ нихъ, Ретифъ и Марше никогда не видали другъ друга. Однако, было доказано, что онѣ вмѣстѣ совершили массу вещей.

3 сентября, наканунѣ годовщины провозглашенія Республики, окончился судъ надъ членами Коммуны.

Согласно приказу генералъ-губернатора Парижа, командира 1-й дивизіи, 3-й военный судъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Мерлинъ, полковникъ; Гале, батальонный командиръ; Де Гиберъ, капитанъ; Мориге, судья; Вэсэнь, лейтенантъ; Леже, поручикъ; Лабба, адъютантъ; Гаво, батальонный командиръ; Сенаръ, капитанъ.

Обвиняемые:—Ферре, Асси, Урбенъ, Бильорей, Журдъ, Тринке, Шампи, Режеръ, Лисбонъ, Люлліе,

Растуль, Груссе, Вердюръ, Ферра, Дешампъ, Клеманъ, Гурбе, Даранъ.

Ферре отказался отъ защиты. Согласно закону, предсѣдатель назначилъ защитникомъ Маршана.

Ферре нарисовалъ картину coup d'Etat, подготовленнаго врагами Республики, и слѣдующимъ образомъ выяснилъ роль Коммуны:

„Честныя и искреннія газеты были закрыты, лучшіе патріоты—осуждены на смерть. Роялисты готовились къ раздѣлу Франціи. Наконецъ, въ ночь на 18 марта, они сочли себя готовыми и сдѣлали попытку обезоружить національную гвардію и произвести массовый арестъ республиканцевъ. Попытка ихъ встрѣтила противодѣйствіе со стороны всего Парижа и потерпѣла фіаско. Собственные солдаты покинули ихъ, они удрали и укрылись въ Версали.

„Парижъ былъ предоставленъ самому себѣ. Энергичные и храбрые граждане попытались, съ опасностью для жизни, возстановить порядокъ и спокойствіе.

„Черезъ нѣсколько дней населеніе было призвано къ подачѣ голосовъ, и Парижская Коммуна была конституирована.

„Долгомъ версальскаго правительства было признать законность этого избранія и соединиться съ Коммуной, чтобъ возстановить согласіе. Произошло обратное; и, какъ будто внѣшняя война принесла мало несчастья и разрушенія, къ ней присоединилась гражданская война. Правительство, встрѣтивъ только ненависть народа и месть, накинулось на Парижъ и подвергло его новой осадѣ.

„Два мѣсяца держался Парижъ, и былъ побѣжденъ. Въ продолженіе десяти дней правительство поощряло убійства гражданъ и разстрѣлы безъ суда. Эти горестные дни переносятъ насъ во времена Варѳоломеевской ночи; они нашли возможность превзойти Іюнь и Декабрь! До какой же поры будетъ продолжаться разстрѣлъ народа?

„Я, членъ парижской Коммуны, нахожусь въ рукахъ побѣдителей: имъ нужна моя голова,—пусть они возьмутъ ее! Я жилъ свободнымъ и умру свободнымъ.

„Прибавлю только одно слово: Счастье капризно, и грядущему я довѣряю заботу о моей памяти и моей мести".

Было еще пятнадцать палачей, которые назывались коммисіей о помилованіи: Мартель, Пріу, Бастаръ, Феликсъ Вуазэнъ, Бальба, графъ Мелье, Таннегри-Дюшатель, Пельтеро, де-Вилланневъ, Лаказъ, Тальбанъ, Биго, Пари, Горнъ, Мервейе-Дювиньо, маркизъ де-Кэнзонна.

Мнѣ и Ферре удалось обмѣняться нѣсколькими письмами изъ нашихъ тюремъ; вотъ почему, вслѣдствіе доноса, департаментъ полиціи отправилъ меня въ Арра, откуда меня вызвали въ день суда.

Я вспоминаю нашихъ павшихъ товарищей.

Флуранса, котораго убили въ западнѣ, наказаннаго за то, что онъ далъ возможность нѣкоторымъ людямъ удрать отъ 31 октября черезъ окна, двери, ватеръ-клозеты: онъ не охотился за побѣжденными.

Дюваля, Варлэна, Церизіе и стараго Делесклюза, великаго якобинца, и всѣхъ другихъ, списокъ которыхъ составилъ бы томы, и всѣхъ неизвѣстныхъ, что спятъ подъ Парижемъ.

Подчасъ, въ углу погреба или улицы находятъ скелеты и не знаютъ, откуда они взялись; тутъ видятъ какую то тайну. Но развѣ не на всѣхъ этихъ скелетахъ воздвиглась побѣда версальскихъ роялистовъ?

А если поразрыть саторійскую равнину—развѣ не найдутъ тамъ труповъ? Ихъ тщательно залили

повсюду известкой, но плугъ раскопаетъ ихъ, и если снять мостовыя, они обнажатся.

А катакомбы, гдѣ гнались за федералистами съ факелами, съ собаками, какъ за звѣрьми.

А доносы столь многочисленные, что доводили до омерзенія, и вся эта грязь, весь этотъ ужасъ!

VIII.

Я съ нетерпѣніемъ ждала дня суда. Вотъ письмо, которое я отправила генералу Апперъ:

Версальская тюрьма, 2 декабря 1871 г.

М. Г.

Я начинаю вѣрить въ тройное убійство, происшедшее во вторникъ утромъ.

Если меня не хотятъ судить, то вѣдь знаютъ обо мнѣ достаточно; я готова, а саторійская равнина не далеко.

Вы знаете отлично, что если я выйду отсюда живой, то буду мстить за убійства!

Да здравствуетъ Коммуна!

Луиза Мишель.

Меня не захотѣли отправить на висѣлицу въ Сатори, и я осталась, видя, какъ смерть коситъ вокругъ меня. Кто не испыталъ этого чувства огромной пустоты, не знаетъ, сколько мужества надо имѣть, чтобъ жить.

Ну, пусть не будетъ слабости. Да, да здравствуетъ мертвая Коммуна! Да здравствуетъ живущая Революція!

За іюнь 1872 года версальская юстиція произнесла 32,905 рѣшеній; изъ нихъ 72 смертныхъ приговора,

не считая 33 казненныхъ безъ суда; итого 105 смертныхъ казней.

46 человѣкъ дѣтей, моложе 16 лѣтъ, были помѣщены въ исправительныя заведенія въ наказаніе, очевидно, за то, что ихъ отцы были разстрѣляны.

А въ салонахъ Елисейскаго дворца Футрике старался перещеголять герцога Немурскаго. Устраивались вечера, на которыхъ бывали графъ и графиня Парижскіе, герцогъ Алексонскій, принцъ и принцесса Саксенъ-Кобургъ-Готскіе. Присутствіе принца Орлеанскаго было событіемъ.

Орлеанистскій президентъ Республики г. Тьеръ давалъ уже третій обѣдъ; потомъ на его мѣстѣ былъ Макъ-Магонъ, маршалъ Имперіи, затѣмъ все это измѣнилось, а потомъ опять было по старому.

О поѣздкѣ мы думали безъ всякой горечи. Развѣ не лучше было для насъ не видѣть этого? Дикари должны были мнѣ показаться добряками послѣ всего того, на что я насмотрѣлась; солнце Каледоніи мнѣ должно было показаться лучшимъ, чѣмъ солнце Франціи.

Годъ спустя послѣ моего осужденія мой дядя искупалъ на каторгѣ вину, которая заключалась только въ томъ, что я была его племянницей. И только послѣ моего отъѣзда, его отпустили на свободу; двѣ мои кузины были также заключены въ тюрьму.

Нѣкоторые изъ нашихъ были, для разнообразія, присуждены къ каторжнымъ работамъ. Изъ тѣхъ, кого признали слишкомъ слабыми для поѣздки, многіе уже умерли. Пуаріе, такъ мужественно сражавшаяся во время осады и Коммуны, Марія Буаръ

и многія другія, которыхъ мы уже не нашли по возвращеніи.

Одна г-жа Луи, уже старуха, умерла въ Каледоніи, вспоминая въ послѣдніе часы своихъ дѣтей, которыхъ ей не суждено было никогда больше увидѣть.

Елизавета де Ги, впослѣдствіи г-жа Лангле, умерла на суднѣ во время обратнаго путешествія. Ей все хотѣлось увидѣть еще разъ Парижъ. Мы были далеко еще, когда, между двумя пушечными выстрѣлами, ея тѣло спустили съ борта въ воду.

Храбрая Марія Шмидтъ умерла годъ тому назадъ въ Севрскомъ госпиталѣ. Въ 1871 году она была санитаромъ и солдатомъ. Послѣ возвращенія работу было трудно достать, и нужда быстро убила ее.

Спите съ миромъ, храбрецы, подъ циклонами, подъ морскими волнами или подъ братскимъ холмомъ: вы счастливы!

О живыхъ—я не говорю ничего. Они сурово стоятъ въ жизненной борьбѣ съ днями безъ работы, т. е. безъ хлѣба.

Изъ сосланныхъ въ Кайену умерли двое; одна изъ нихъ—Елизавета Ретифъ, бѣдная и простая дѣвушка, которая хорошо умѣла подбирать подъ пулями раненыхъ, но которая никогда не могла понять, кто можетъ найти въ этомъ что-либо дурное.

Привѣтъ безвѣстнымъ мертвецамъ, которые страдали за тѣхъ, кто придетъ послѣ насъ!

Поѣздку въ ссылку мы совершали на большомъ парусномъ суднѣ „Виргинія“.

Мѣстомъ нашей ссылки былъ полуостровъ Дюко, весь обставленный горами и окруженный лѣсами.

Каждый изъ насъ устроилъ себѣ гнѣздо или вырылъ берлогу сообразно своему характеру.

Круазе устроилъ у себя печку, и въ дни 15 марта мы могли устраивать кофе, безъ опасенія поджечь крышу.

Г... переворотилъ половину горы, пытаясь насадить тамъ нѣкоторыя культуры. Онъ былъ похожъ на Робинзона; въ его пещерѣ подъ скалой было устроено цѣлое хозяйство, посреди котораго торжественно возсѣдала кошка.

Домикъ де-Шампи былъ такъ малъ, что, когда къ нему собиралось нѣсколько человѣкъ, они усаживались какъ въ корзинѣ.

На самомъ верху находилось жилище Бюрло; помню еще громкій голосъ его курицы, которая кричала какъ оселъ, когда кто нибудь приходилъ.

Каждый изъ насъ имѣлъ какое нибудь домашнее животное; преобладали кошки; мы ихъ водили съ собой, когда шли куда либо.

На военномъ полѣ находилось зданіе тюрьмы. Многимъ изъ нашихъ друзей приходилось подолгу просиживать тамъ; при губернаторѣ Алейронѣ тюрьма была постоянно переполнена. Въ виду того, что тамъ не было спеціально отдѣленныхъ камеръ для женщинъ, насъ часто посылали въ Нумбо.

Возлѣ тюрьмы находилась почта. Регулярно, въ дни ея прихода, мы отправлялись за письмами. Отвѣтъ на посланное письмо получался черезъ 6 --8 мѣсяцевъ.

Де-Флервиль, инспекторъ училищъ Монмартра, взялъ на себя улаженіе моихъ дѣлъ, т. е. нѣкоторое количество долговъ. Онъ опубликовалъ, взявъ на себя расходы по изданію, мои „Дѣтскіе разсказы“, написанные въ Оберивѣ.

Послѣ пятилѣтняго пребыванія на полуостровѣ, я получила разрѣшеніе занять мѣсто учительницы въ Нумеа.

IX.

Въ одно время я получила извѣстіе объ амнистіи и о болѣзни моей бѣдной матери. Тоска убивала ее, и еслибъ я не возвратилась тогда, она умерла бы.

По возвращеніи изъ ссылки я осталась вѣрною тѣмъ принципамъ, за которые я готова была умереть.

Я получала приглашенія на торжественныя собранія. Привожу отчетъ объ одномъ изъ этихъ собраній составленный г. Андріе. Тѣмъ самымъ Андріе, у котораго явилась идіотская идея, чтобъ насъ уничтожить, основать газету, которая, впрочемъ, уничтожила его со всѣми его присными.

Вотъ этотъ отчетъ о первомъ собраніи.

Луиза Мишель и соціальная революція.

„21 ноября. — Сегодня въ 1 час. дня въ Элизѣ Монмартрѣ состоялось первое собраніе въ честь Луизы Мишель.

„Въ половинѣ второго Луиза Мишель поднимается на трибуну, восклицаетъ: „Да здравствуетъ соціальная Революція“! и прибавляетъ: „Революція умерла, но она воскреснетъ“!

„Присутствующіе отвѣчаютъ кликами: „Да здравствуетъ Луиза Мишель! Да здравствуетъ Революція“!

„Героинѣ подносятъ нѣсколько букетовъ.

„Гамбонъ произноситъ рѣчь, въ которой утверждаетъ, что Коммуна живетъ въ сердцахъ народа, и что Франція будетъ всегда идти впереди революціи.

„Онъ восхваляетъ Жанну д'Аркъ, жертву неблагодарности короля, и говоритъ, что Луиза Ми-

шель сдѣлалась жертвой неблагодарности Республики.

„Слово предоставляется Луизѣ Мишель:

„Будемъ надѣяться, сказала она, что мы не увидимъ больше Парижа залитымъ ручьями крови. Въ тотъ день, когда всѣ, кто преслѣдовалъ Коммуну, не будутъ жить,—мы будемъ отомщены; и въ тотъ же день, когда господа Галифе и имъ подобные будутъ лишены власти, мы заслужимъ благодарность народа.

„Намъ не нужно больше кровавой мести; съ насъ будетъ достаточно стыда этихъ людей.

„Мы принимаемъ ваціи, которыхъ удостоились, какъ относящіяся не къ намъ лично, а къ Коммунѣ и ея защитникамъ...

„И мы примемъ тѣхъ, кто захочетъ идти вмѣстѣ съ нами, хотя бы они и были когда-то противъ насъ,—къ тріумфу Революціи.

„Да здравствуетъ соціальная Революція! Да здравствуютъ нигилисты“!

„Эти клики были повторены собраніемъ вмѣстѣ съ кликами: „Да здравствуетъ Тринке! Да здравствуетъ Піа! Да здравствуетъ Коммуна“!

„*6 декабря.*—Вчера въ залѣ Граффаръ состоялось частное собраніе въ пользу амнистированныхъ.

„Гражданинъ Жераръ благодаритъ Луизу Мишель за согласіе участвовать въ этомъ собраніи; онъ привѣтствуетъ въ ней „принципъ ненависти, который одинъ только создаетъ великихъ революціонеровъ и великіе акты“.

„Онъ подноситъ ей два букета. Луиза Мишель отвѣчаетъ, что принимаетъ ихъ отъ имени соціальной Революціи и отъ имени женщинъ, которыя боролись за свою эмансипацію:

„Да, я привѣтствую здѣсь народъ, продолжаетъ гражданка Мишель, и въ его лицѣ соціальную Революцію. (Аплодисменты и крики: „Да здравствуетъ Коммуна“).

„То время, когда разстрѣливали въ Сатори, встаетъ теперь снова предъ нашими глазами; мы видимъ еще людей, которые насъ судили, убійцъ и палачей.

„Эти люди, которые, казалось, исчезли навсегда, появляются снова съ головой, поднятой еще выше, чѣмъ раньше!

„Реакція—это трупъ, поднятый правительствомъ; но эта рептилія будетъ раздавлена, какъ только столкнется съ нами.

„Самъ народъ, пока еще закованный и влачащій свои цѣпи, освободитъ насъ отъ этихъ людей и самъ отвоюетъ свои свободы".

Я оставалась всегда вѣрной начертанной мной программѣ; она стоила мнѣ жизни моей матери, моей бѣдной, дорогой матери.

Когда уже и я буду спать подъ сѣнью красныхъ и черныхъ знаменъ?

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Михаилъ Бакунинъ

Письма къ Французу

о

СОВРЕМЕННОМЪ КРИЗИСѢ.

Переводъ съ французскаго ф. С.

Письмо I.

1 сентября 1870 г.

Любезный другъ!

Событія послѣдняго времени создали во Франціи такое положеніе, что только вооруженное возстаніе всего народа можетъ спасти ее отъ долгаго ужасающаго рабства, отъ разрушенія, отъ народнаго бѣдствія и, наконецъ, отъ полнаго уничтоженія.

Когда ваша главная армія разбита — а въ этомъ теперь не можетъ быть никакихъ сомнѣній — предъ вами только два пути:

Или постыдно, трусливо подчиниться ненавистному прусскому игу; склониться передъ кнутомъ Бисмарка и всѣхъ его померанскихъ лейтенантовъ; бросить на произволъ деспотизма будущаго германскаго императора Эльзасъ и Лотарингію, уплатить три милліарда контрибуціи, не считая того, что стоила вамъ опустошительная война, получить изъ рукъ Бисмарка правительство, деспотическое и разоряющее съ династіей Орлеановъ или Бурбоновъ во главѣ, еще разъ перешагнувшей границы Франціи при содѣйствіи иностранныхъ войскъ; оказаться на двадцать, по крайней мѣрѣ, лѣтъ въ жалкомъ положеніи современной Италіи, будучи управляемой намѣстникомъ подъ германской нагайкой, точно такъ же какъ теперь Италія управляется подъ французской нагайкой; согласиться, какъ на неизбѣжное послѣдствіе, на раззореніе торговли и національной промышленности, принося ихъ въ

жертву успѣхамъ германской промышленности и торговли; наконецъ, пережить полное интеллектуальное и нравственное паденіе страны.

Или же, дабы избѣгнуть этого разрушенія, этого самоуничтоженія, предоставить самому народу спасти себя.

Я вовсе не сомнѣваюсь, мой другъ, что всѣ граждане съ титулами и съ хорошими рентами, за весьма малыми исключеніями, однимъ словомъ, что вся крупная средняя буржуазія, хотя и не сочувствуетъ измѣнѣ Франціи, но ни въ коемъ случаѣ не признаетъ въ народномъ возстаніи средства къ ея освобожденію. Въ самомъ дѣлѣ, народное возстаніе—это значитъ соціальная революція, это—упадокъ всей привиллегированной Франціи. Страхъ передъ этой революціей, двадцать лѣтъ тому назадъ, бросилъ ихъ въ объятія диктатуры Наполеона III; тотъ же страхъ заставитъ ихъ склонить голову передъ саблей Бисмарка или же втиснуться въ рамки конституціи и парламентаризма Орлеановъ. Народная свобода внушаетъ имъ такой невообразимый ужасъ, что ради ея избѣжанія они въ состояніи помириться со всякимъ позоромъ, со всякимъ малодушіемъ, какъ ни плохо отозвалось бы это впослѣдствіи на ихъ же собственныхъ интересахъ.

Да, вся оффиціозная Франція, вся буржуазная и привиллегированная Франція составляетъ заговоръ въ пользу Орлеанамъ, слѣдовательно — противъ народа. Всѣ же европейскія державы благосклонно присматриваются къ этому. Почему?—Потому что имъ хорошо понятно, что если бы Франція попыталась путемъ всенароднаго возстанія проложить себѣ путь къ свободѣ, то это послужило бы сигналомъ для революціоннаго взрыва во всей Европѣ.

Является вопросъ, почему въ такомъ случаѣ реставрація Орлеановъ не свершившійся фактъ? Потому что явно реакціонные правящіе круги въ Парижѣ въ настоящій моментъ безсильны. Наполе-

онъ III и Имперія пали, но правительственная машина продолжаетъ дѣйствовать; они же боятся всякой реформы, такъ какъ измѣнить все это—значитъ способствовать революціи, а способствовать революціи—это вызвать именно то, чего они стремятся избѣжать.

Письмо II.

5 сентября.

Императоръ въ плѣну, а въ Парижѣ объявлена республика съ временнымъ правительствомъ.

Измѣнилось ли вслѣдствіе этого внутреннее положеніе во Франціи? Я не думаю, и всѣ тѣ доводы, которые я вамъ приводилъ какъ доказательства безсильности Имперіи вполнѣ примѣнимы и къ оцѣнкѣ того правительства, которое возникаетъ изъ смѣшенія лѣвой республиканской группы съ лѣвой орлеанистской группой.

Я готовъ предположить, что члены правительства одушевлены лучшими желаніями спасти отечество, но, едва ли они могутъ помочь дѣлу, если попытаются проводить свои идеи при помощи того всесильнаго механизма администраціи, которой такъ восхищался Тьеръ на засѣданіи 26 августа. Если они серьезно жаждутъ спасенія Франціи и видятъ спасеніе это въ счастіи народа, они должны всю эту администраціонную махину уничтожить, и, слѣдуя совѣтамъ Эскироса, Жувенселя и генерала Клозре, представить иниціативу дѣйствія революціоннымъ коммунамъ всей Франціи, независимымъ ни отъ какихъ центральныхъ органовъ, изъятымъ изъ подъ всякой опеки и вслѣдствіе этого способнымъ создать новую истинную организацію самообороны.

Въ нѣсколькихъ словахъ я изложу доказательства.

Временное правительство не можетъ даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ:

Провести конституціонныя реформы въ существующей системѣ управленія;

Перемѣнить въ полномъ составѣ или въ значительной части штатъ своихъ чиновниковъ.

Конституціонныя реформы могутъ быть реализованы только при помощи Учредительнаго Собранія, а лишнимъ доказывать, что въ настоящее время, когда нельзя терять не только недѣли, но даже одного дня, созывъ Учредительнаго Собранія невозможенъ. Чтобы измѣнить штатъ чиновниковъ серьезнымъ образомъ, необходимо въ теченіи немногихъ дней найти сто тысячъ замѣстителей и имѣть увѣренность въ томъ, что эти новые чиновники будутъ болѣе способны, болѣе энергичны и честны, чѣмъ ихъ предшественники. Считаю лишнимъ доказывать, что реализація этого плана невозможна.

Въ такомъ случаѣ временному правительству предстоятъ только два выхода: или отречься отъ своихъ намѣреній и продолжать опираться на бюрократію бонапартистскую, которая будетъ строить козни противъ правительства и всей Франціи; или же уничтожить всю эту государственную машину, не пытаясь даже ее замѣстить и предоставить полную свободу иниціативы и дѣйствія всѣмъ провинціямъ, всѣмъ коммунамъ Франціи, что равнозначно роспуску нынѣшняго правительства.

Но, уничтожая административную машину, главари лѣвой лишаютъ себя добровольно того единственнаго средства, которое даетъ имъ въ руки власть надъ Франціей. Парижъ, который до настоящаго времени сохранилъ за собою роль гегемона и право иниціативы при помощи декретовъ, лишится всѣхъ этихъ прерогативъ и только тогда будетъ

главенствовать, когда благодаря личному примѣру станетъ во главѣ народнаго движенія.

Способенъ ли Парижъ сыграть такую роль? Нѣтъ. Парижъ слишкомъ поглощенъ дѣломъ своей собственной защиты, чтобы быть въ состояніи управлять и организовать народное движеніе во Франціи. Осажденный Парижъ превратился въ громадный обозъ, все его населеніе въ одну армію, строго руководимую общимъ чувствомъ опасности; армія же не разсуждаетъ, не является руководящей и организующей силой,—она сражается.

Единственное и лучшее, что могъ бы сдѣлать Парижъ для своего блага и для блага всей Франціи—это объявить полную независимость и самостоятельность движеніи въ провинціи;—и если Парижъ этого не сдѣлаетъ, какова бы не была причина, патріотизмъ продиктуетъ правинціямъ организовать возстаніе по своей иниціативѣ, независимо отъ Парижа.

Возможно ли такое востаніе провинціи? Безусловно да, если только рабочіе крупныхъ промышленныхъ центровъ Ліона, Марсели, С. Этьена, Руана и др. имѣютъ въ жилахъ своихъ живую кровь, въ сердцахъ энергію, а въ мышцахъ силу, если они люди жизни, соціалисты революціонеры, а не доктринеры соціалисты.

Не надо разсчитывать на буржуазію. Буржуазія не видитъ и не понимаетъ ничего, что выходитъ за предѣлы государственности и нормальныхъ ея мѣропріятій. Верхъ ихъ идеала, ихъ воображенія, ихъ героизма—это революціонное усиленіе власти и дѣйствій государства во имя общественнаго спасенія. Но, какъ я уже раньше доказалъ, въ настоящую минуту, при настоящихъ обстоятельствахъ, мѣры правительства вмѣсто того, чтобы спасти Францію, могутъ ее только погубить.

А, можетъ быть, вы вѣрите въ возможность союза между буржуазіей и пролетаріатомъ во имя

общенароднаго блага. Это—точка зрѣнія Гамбетты, которую онъ развилъ въ своемъ письмѣ къ марсельскому „Прогрессу“. Я считаю умѣстнымъ высказать свое мнѣніе объ этомъ громкомъ письмѣ.

Я никогда не былъ почитателемъ Гамбетты, но признаюсь, что это письмо еще болѣе обезличило его въ моихъ глазахъ. Онъ вполнѣ серіозно проникается сознаніемъ своей роли умѣреннаго, разумнаго республиканца, и въ настоящій критическій моментъ, когда вся Франція разрушется и гибнетъ, когда только дьявольское отчаяніе французовъ можетъ спасти отечество, Гамбетта находитъ достаточно много времени и вдохновенія, чтобы написать письмо, въ которомъ заявляетъ, что „съ достоинствомъ будетъ соблюдать роль демократической правительственной оппозиціи“. Онъ говоритъ о „программѣ республиканско-консервативной; которая обрисовалась уже начиная съ 1869 года“, о томъ, что „слѣдуетъ руководствоваться въ политикѣ лозунгами, диктуемыми всеобщимъ голосованіемъ“ (а плебисцитъ Наполеона III), о томъ, что, „при настоящемъ положеніи республики—это единственное средство спасти Францію и сохранить европейское равновѣсіе; что безопасность, миръ и прогрессъ заключаются въ разумномъ использованіи республиканскихъ иститутовъ (какъ въ Швейцаріи!)— „что нельзя править Франціей въ ущербъ среднимъ классамъ и что, съ другой стороны, необходимо поддерживать съ достоинствомъ союзъ съ пролетаріатомъ“ (съ достоинствомъ — съ чьей стороны? Вѣроятно, со со стороны буржуазіи“). Только республиканская форма правленія даетъ возможность гармоническаго согласованія справедливыхъ требованій трудящагося класса и уваженія къ священнымъ правамъ собственности. Золотая середина — политика оживленная. Цезаризмъ—больше всего раззорителенъ и печаленъ въ своихъ послѣдствіяхъ. Божеское право окончательно пало. Якобинство сегодня вызываетъ

только смѣхъ и отвращеніе. Одна только разумная, позитивистическая демократія (вотъ шерлатанъ!) можетъ все помирить, все сорганизовать и оплодотворить (посмотримъ какъ?). 1789 годъ установилъ основы (далеко не всѣ! основы буржуазной свободы—да! но не основы равенства и свободы пролетаріата). 1792 годъ былъ годомъ ихъ тріумфа (это вѣрно,—поэтому Франція такъ свободна!) 1848 годъ далъ имъ санкцію во всеобщемъ голосованіи (не въ іюнѣли?). На нашемъ поколѣніи лежитъ задача облечь въ республиканскія формы, согласовать и установить на почвѣ права и избирательнаго принципа, права гражданина и функціи правительства въ прогрессивномъ и свободномъ обществѣ. Чтобы достигнуть этой цѣли, необходимы двѣ вещи: успокоить страхъ однихъ и устранить недовѣріе другихъ; вселивъ въ буржуазію любовь къ народу, а въ народъ довѣріе къ своимъ старшимъ собратьямъ". (Почему же не внушать довѣрія къ дворянству, которое еще старше буржуазіи).

Нѣтъ, надежды Гамбетты — просто иллюзіи. На какомъ основаніи буржуазія можетъ требовать отъ народа довѣрія къ себѣ? Это вѣдь она своимъ трусливымъ угодничествомъ власти навлекла войну на Францію. Народъ, который созналъ это, сознаетъ тоже, что ему самому необходимо взять въ руки дѣла отечества.

По всей вѣроятности, въ буржуазномъ классѣ найдется значительное число молодежи, которая, руководимая горячимъ патріотизмомъ, всей душой присоединится къ народному движенію; но она не сможетъ вовлечь за собой всей остальной части буржуазіи и внушить ей ту смѣлость, ту энергію и то пониманіе, которыя послѣдней абсолютно недоступны.

Я полагаю, что въ настоящее время во Франціи существуютъ только два класса, способныхъ создать

то движеніе, котораго требуетъ спасеніе отечества: это—рабочіе и крестьяне.

Пусть Васъ не удивляетъ, что я говорю о крестьянахъ. Крестьяне грѣшатъ только своимъ невѣжествомъ, но ничуть не отсутствіемъ темперамента. Не разорившіеся и вообще мало испытавшіе въ жизни, не подвергшіеся разъѣдающему вліянію буржуазной цивилизаціи, которая задѣла ихъ только слегка, по поверхности, они сохранили всю энергію, весь темпераментъ, всю природу народа. Собственность, любовь и жажда заработка, а не удовольствія, сдѣлали ихъ въ значительной мѣрѣ эгоистами,—съ этимъ я согласенъ,—но не уменьшили ихъ ненависти къ тѣмъ, которые пользуются плодами земли, не обрабатывая ея собственнымъ трудомъ. Далѣе, крестьянинъ-патріотъ и народникъ питаетъ культъ и страсть къ землѣ и на смерть онъ будетъ бороться съ иностранными нашествіями, которые захотятъ изгнать его съ его поля.

Но, чтобы склонить на свою сторону крестьянина, необходимо дѣйствовать съ большой осторожностью. Если крестьянинъ ненавидитъ вторгнувшаго на его поле чужестранца, если онъ ненавидитъ господъ, высасывающихъ изъ него кровь, — то, къ сожалѣнію, онъ не менѣе ненавидитъ городскихъ рабочихъ.

Вотъ гдѣ бѣда, гдѣ величайшій тормазъ революціи. Рабочій презираетъ крестьянина, крестьянинъ же отвѣчаетъ ненавистью.—А въ сущности, между этими двумя громадными частями народа нѣтъ реальной противоположности интересовъ. Это великое и печальное недоразумѣніе, которое необходимо разсѣять цѣною чего бы то ни было.

Соціализмъ городской, болѣе просвѣщенный, цивилизованный и въ силу этого болѣе буржуазный и доктринерскій, не признаетъ и презираетъ соціализмъ деревенскій, первобытный, естественный

и гораздо болѣе дикій. Крестьянинъ же, со своей стороны, смотритъ на рабочаго какъ на слугу или рядового буржуазіи и до такой степени ненавидитъ его, что готовъ самъ сдѣлаться слугой и слѣпымъ рядовымъ реакціи.

Такъ какъ этотъ роковой антагонизмъ есть плодъ недоразумѣнія, необходимо, чтобы одна изъ сторонъ взяла бы на себя иниціативу разъясненія и мира. Естественно, что иниціатива принадлежитъ болѣе просвѣщенной сторонѣ, то есть, городскимъ рабочимъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я разсмотрю, каковы претензіи рабочихъ къ крестьянамъ, претензіи, которыя слѣдуетъ рабочимъ хорошо себѣ уяснить, если они хотятъ серьозно способствовать дѣлу объединенія.

Письмо III.

6 сентября.

Всѣ упреки, которые рабочіе ставятъ крестьянамъ, можно свести къ тремъ:

Первый,—что крестьяне невѣжественны, склонны къ предразсудкамъ и набожны, что они позволяютъ священникамъ управлять собою.

Второй,—что они преданы императору.

Третій,—что они завзятые защитники частной собственности.

Правда, французскіе крестьяне—полные невѣжды: но развѣ въ этомъ можно усматривать ихъ вину? Заботились ли когда нибудь о ихъ просвѣщеній? Есть ли основаніе для того, чтобы ихъ презирать и считать чѣмъ то недостойнымъ? Вѣдь, въ такомъ случаѣ, буржуа, которые безусловно болѣе просвѣщенны, чѣмъ рабочіе, могли бы на томъ же самомъ основаніи съ презрѣніемъ относиться къ послѣднимъ. Мы, въ самомъ дѣлѣ, знаемъ многихъ представи-

телей буржуазіи, которые именно такъ разсуждаютъ и на своей болѣе высшей степени образованія основываютъ свое господство, оправдывая тѣмъ подчиненіе и обязанности рабочаго класса. Не образованіе даетъ рабочему классу перевѣсъ надъ буржуазіей, — оно у рабочаго класса незначительно,—но его чувство справедливости, безспорно великое. Нѣтъ ли и у крестьянъ этого чувства справедливости? Взгляните, и подъ видомъ иныхъ формъ вы, поистинѣ, найдете то же самое чувство у крестьянъ. Вы найдете въ нихъ, рядомъ съ невѣжествомъ, рѣдкій здравый смыслъ, удивительную тонкость и ту трудовую энергію, которая составляетъ честь и благо пролетаріата.

Вы говорите, крестьяне полны предразсудковъ, набожны и позволяютъ священникамъ управлять собою.—Ихъ предразсудки —это продуктъ невѣжества, искусственно и систематически поддерживаемаго всѣми буржуазными правительствами. Впрочемъ, они вовсе не такъ склонны къ предразсудкамъ и набожны, какъ вы утверждаете. Таковы только ихъ жены. Но, развѣ жены рабочихъ свободны отъ этихъ предразсудковъ и отъ вліянія доктринъ римско-католической религіи? Что касается вліянія и руководительства духовенства, крестьяне дѣйствительно находятся подъ этими вліяніями, но, посколько это не противорѣчитъ ихъ матеріальнымъ интересамъ. Эти предразсудки не помѣшали имъ послѣ 1789 г. пріобрѣсти церковныя имущества, конфискованныя правительствомъ, несмотря на то, что Церковь предала анаѳемѣ какъ продающихъ, такъ и покупателей. Изъ этого слѣдуетъ, что для окончательнаго уничтоженія вліянія духовенства въ деревняхъ революція должна разъединить и поставить въ противорѣчіе интересы крестьянъ и духовенства.

Я неоднократно слышалъ не только отъ якобинцевъ революціи, но и отъ соціалистовъ, на которыхъ, повидимому, отразилось косвенное вліяніе

первыхъ, одно, поистинѣ, *антиреволюціонное* воззрѣніе, что будущая республика должна посредствомъ декрета уничтожить публичные культы и, опять таки при помощи декрета, произвести насильственное изгнаніе всего духовенства. Я— врагъ революціи, совершаемой посредствомъ декретовъ. Это— послѣдствіе примѣненія къ жизни идеи революціоннаго правительства, иными словами, реакціи, скрывающейся за революціонной внѣшностью. Системѣ революціонныхъ декретовъ я противопоставляю систему революціонныхъ актовъ, единственное вѣрное и возможное средство, устраняющее вмѣшательство оффиціальной власти въ насильственный переворотъ. Итакъ, въ нашемъ примѣрѣ, еслибы, къ несчастью, правительство захотѣло путемъ декретовъ уничтожить культы и изгнать духовенство, вы можете быть увѣрены, что даже менѣе религіозные крестьяне держали бы сторону культовъ и духовенства, такъ какъ чувство права, — основа свободы человѣка, — бунтуется въ каждомъ противъ мѣръ и распоряженій свыше, хотя бы конечною цѣлью ихъ была свобода. Можно быть увѣреннымъ, что еслибы города совершили эту глупость и декретировали уничтоженіе культовъ и изгнаніе духовенства, деревни, ставъ на сторону духовенства, возмутились бы противъ городовъ и были бы страшнымъ оружіемъ въ рукахъ реакціи. Въ такомъ случаѣ, не слѣдуетъ ли оставить въ покоѣ духовенство и власть его? Ничуть нѣтъ. Необходимо бороться съ нимъ болѣе энергичными мѣрами, распространяя среди населенія сознаніе того, что духовенство было лучшей и сильнѣйшей опорой печальнаго имперскаго режима, который вовлекъ Францію въ несчастную войну; что духовенство убѣждало народъ голосовать за императора, кормя народъ обѣщаніями мира и безопасности. Священники обманули народъ. Они—интриганы и измѣнники.

Главная причина того явленія, что всѣ револю-

ціонныя правительства міра такъ мало, въ общемъ, служили дѣлу революціи, лежитъ въ томъ, что эти правительства основывались въ своихъ дѣйствіяхъ лишь на собственной власти и могуществѣ. Такой методъ дѣйствій въ результатѣ способствовалъ:

Во-первыхъ, съуженію революціоннаго движенія, такъ какъ даже самыя идеальныя революціонныя власти, отличающіяся разумомъ, энергіей и любовью къ свободѣ, не въ состояніи обнять заразъ всего множества жизненныхъ вопросовъ; такъ какъ всякая диктатура, индивидуальна ли она или коллективна, состоитъ ли изъ одной или изъ нѣсколькихъ личностей, по необходимости своей природы—ограничена, слѣпа и не способна проникнуть въ глубину или же обнять вширь многосложную народную жизнь. Вѣдь даже самое громадное судно не измѣритъ ни ширины, ни глубины океана.

Во-вторыхъ, вызоветъ противодѣйствіе, такъ какъ всякій актъ, происходящій отъ оффиціальной верховной власти, возбуждаетъ въ массахъ чувство бунта и реакціи.

Что же должны дѣлать, въ такомъ случаѣ, революціонныя власти—допустимъ даже, что это невозможно—чтобы расширить и сорганизовать революціонное движеніе. Они должны дѣйствовать не при помощи декретовъ или оказыванія давленія на массы, — но путемъ пробужденія въ массахъ революціоннаго сознанія. Они не должны навязывать свыше какой-нибудь организаціи, но, поддерживая естественный организаціонный процессъ отъ низовъ къ верхамъ, содѣйствовать, при участіи интеллигентныхъ силъ каждой мѣстности, чтобы создающаяся организація было возможно болѣе цѣлесообразной. Въ этомъ состоитъ и весь секретъ успѣха.

Никто не сомнѣвается, что работа эта встрѣтитъ на своемъ пути много преградъ. Но вѣдь всѣ мы прекрасно знаемъ, что революція — это не

дѣтская игра, и что нельзя ее совершить, не преодолѣвъ безчисленныхъ трудностей. Революціонерамъ соціалистамъ нашихъ дней нечего подражать революціонной дѣятельности якобинцевъ 1793 года. Всякая рутина въ дѣлѣ революціи ихъ погубитъ. Они должны все пересоздать.

Но я возвращаюсь къ крестьянамъ.

Меня ничуть не безпокоятъ тѣ будто бы бонапартистскія симпатіи французскихъ крестьянъ, которыя ставятся имъ въ упрекъ рабочими. Я считаю это только поверхностнымъ симптомомъ соціалистическаго инстинкта, сбившагося съ пути благодаря невѣжеству и эксплуатируемаго злой волей, — накожной болѣзнью, которую легко вылѣчатъ героическія средства революціоннаго соціализма. Это— негативное выраженіе ненависти крестьянства къ своимъ барамъ-помѣщикамъ и городской буржуазіи. Крестьяне не отдадутъ Наполеону III своей жизни, земли или денегъ, но они охотно предоставятъ ему добро другихъ, возненавидѣнныхъ ими, такъ какъ ихъ научили видѣть въ Наполеонѣ крестьянскаго императора, врага буржуазіи. Припомните характерныя слова, которые, во время процесса Дордонской коммуны по поводу убійства и сожженія знатнаго помѣщика, произнесъ одинъ изъ крестьянъ: „Да, вы то, баринъ, остаетесь себѣ преспокойно дома, такъ какъ вы богаты, а насъ—бѣдный народъ — вы посылаете на войну. Прекрасно, но мы вернемся къ себѣ, а вы насъ ищите“. Въ этихъ словахъ мы видимъ только выраженіе наслѣдственной злобы крестьянина къ богатому землевладѣльцу, но ни въ коемъ случаѣ не фанатическое желаніе жертвовать жизнью за императора; напротивъ, здѣсь ясно естественное стремленіе избавиться отъ военной службы.

Впрочемъ, въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ любовь къ императору перешла въ родъ культа или фанатическаго обычая, и не слѣдуетъ затрагивать его особы. Надо уничтожить пережитки бонапартизма въ

конкретныхъ фактахъ, разрушая административную машину и устраняя вліяніе людей, которые поддерживаютъ императорскій фанатизмъ, и при всемъ этомъ не говорить ни слова о самомъ императорѣ. Это единственное успѣшное средство, которое я уже рекомендовалъ и по отношенію къ духовенству.

Послѣдній и существенный аргументъ рабочихъ противъ крестьянъ—это жадность послѣднихъ, грубый эгоизмъ и фанатическая привязанность къ частной собственности.

Но рабочіе, которые ставятъ всѣ эти упреки должны прежде всего спросить самихъ себя: Кто же не эгоистъ? Кто въ настоящемъ обществѣ не жаденъ, въ томъ смыслѣ, что онъ яростно защищаетъ то немногое, что обезпечиваетъ ему и его близкимъ жалкое существованіе въ этой экономической анархіи: и въ этомъ обществѣ, на глазахъ котораго люди преспокойно умираютъ съ голоду. Крестьяне—не коммунисты, это вѣрно; они пугаются и искренне ненавидятъ дѣлежъ, такъ какъ у нихъ кое-что сохранилось, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи, а воображеніе—это громадный факторъ, недостаточно оцѣниваемый обществомъ.

Рабочіе, большинство которыхъ не имѣетъ ничего, гораздо болѣе склонны къ коммунизму, чѣмъ крестьяне. Это само собою разумѣется. Коммунизмъ однихъ настолько же ясенъ, насколько индивидуализмъ другихъ. Здѣсь нѣтъ чѣмъ хвастаться и почему презирать другъ друга; вѣдь, какъ одни, такъ и другіе, со всѣми своими мыслями и чувствами, являются лишь продуктомъ тѣхъ или иныхъ условій, которыя ихъ породили. А, впрочемъ, развѣ всѣ рабочіе коммунисты?

Дѣло не въ восхваленіи или въ порицаніи крестьянъ, а въ установленіи такой системы революціонныхъ дѣйствій, которая преодолѣла бы всѣ преграды и не только воспрепятствовала бы исполь-

зованію индивидуализма крестьянъ для цѣлей реакціи, но, напротивъ, старалась бы использовать тотъ же факторъ для торжества революціи.

Кромѣ средствъ, которыя я рекомендую, вамъ предлагаютъ еще одно — это терроръ города надъ деревней. Я уже говорилъ и не буду слишкомъ повторяться. Тѣ, которые воспользуются подобнымъ средствомъ, убьютъ революцію, вмѣсто того, чтобы ей помочь. Необходимо окончательно отказаться отъ этого изветшалаго оружія—террора, выражающагося въ насиліи организованной власти, — оружія, взятаго изъ якобинскаго арсенала. Оно можетъ толкнуть въ объятія реакціи десять милліоновъ французскихъ крестьянъ.

Къ счастью, я повторяю, къ счастью, пораженія Франціи, сдѣлали примѣненіе террора немыслимымъ, равно какъ и деспотизмъ революціонныхъ властей. Ибо не подлежитъ сомнѣнію, что при другихъ обстоятельствахъ большая часть соціалистовъ прониклась бы якобинскими предразсудками, и силою пыталась бы провести свою программу. Она созвала бы, напримѣръ, Конвентъ, состоящій изъ городскихъ депутатовъ, и этотъ Конвентъ пожелалъ бы ввести коллективизмъ въ деревнѣ путемъ декретовъ. Деревни возстали бы противъ этого, а для того, чтобы подавить возстаніе, стало бы необходимымъ прибѣгнуть къ громадной вооруженной силѣ. Армія, подчиненная воинской дисциплинѣ, имѣла бы, разумѣется, генераловъ, по всей вѣроятности, людей честолюбивыхъ;— и вотъ, у васъ на лицо та же государственная машина, возстановляемая по частямъ. Машинѣ нуженъ машинистъ, диктаторъ, императоръ. Все это было бы неминуемымъ, ибо такова логика вещей.

Къ счастью, нынѣшнія событія сами заставятъ рабочихъ открыть глаза и отказаться отъ этого роковаго плана. Надо быть сумасшедшимъ, чтобы при теперешнемъ положеніи думать о деревенскомъ тер-

рорѣ. Еслибы деревни возстали противъ городовъ, города, и съ ними вся Франція, погибли бы. Рабочій классъ это чувствуетъ и этимъ, отчасти, я объясняю себѣ апатію и невѣроятную инертность рабочаго населенія въ большей части городовъ Франціи.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь рабочіе ошеломлены и сбиты съ пути новизной настоящаго положенія. До сихъ поръ они знали только свои собственныя испытанныя страданія; все остальное, ихъ идеалъ, ихъ надежды, ихъ политическія и соціальныя иллюзіи, планы и практическіе проекты были болѣе плодомъ мечты безъ отношенія къ ближайшему будущему. Все это ими почерпнуто изъ книжекъ или изъ популярныхъ, вызывающихъ постоянныя дискуссіи теорій, безъ всякихъ основанныхъ на жизненномъ опытѣ размышленій. Они постоянно на почвѣ своихъ ежедневныхъ переживаній строятъ далекія абстракціи, не умѣя найти въ этихъ переживаніяхъ повода къ здравымъ размышленіямъ по истинному вдохновенію. Ихъ мысли вскормлены извѣстными теоріями, перешедшими къ нимъ по традиціи и принятыми безъ критики, съ полной вѣрой. Эти теоріи не что иное, какъ политическіе взгляды якобинцевъ, соотвѣтственно измѣненные соціалистами. Въ настоящее время эта революціонная теорія пала, такъ какъ пала основная ея идея, выражающаяся въ могуществѣ власти. При теперешнихъ обстоятельствахъ примѣненіе террористическаго метода, защищаемаго съ такимъ жаромъ якобинцами—невозможно. И французскіе рабочіе, незнающіе другого рода дѣйствій, недоумѣваютъ. Они хорошо уясняютъ себѣ, что невозможно теперь оффиціально провозглашать терроръ какъ легальное и раціональное средство производить давленіе на крестьянъ, что невозможно установить революціонное правительство, комитетъ общественнаго спасенія, въ моментъ, когда непріятельскія войска стоятъ не на границѣ, какъ въ 1792 г., а въ двухъ шагахъ отъ сердца Франціи, Парижа.

Они видятъ, что общественная организація распалась и вполнѣ основательно не вѣрятъ въ возможность созданія новой организаціи; но не понимаютъ они, революціонеры, спасенія внѣ общественной организаціи, они—сыны народа не понимаютъ могучей силы жизни, которая заключается въ томъ, что оффиціальныя сферы всѣхъ красокъ, начиная съ бурбонской лиліи и кончая краснымъ цвѣтомъ, обозначаютъ именемъ анархіи. Они скрещиваютъ руки и говорятъ: „Мы погибли, Франція погибла".

Нѣтъ, друзья мои, она не погибла, если вы не самоубійцы, если вы люди, которые хотятъ ее спасти. Вы знаете, что для этого необходимо сдѣлать? Администрація, правительство, словомъ, вся государственная машина рушится; отойдите въ сторону и постарайтесь возстановить эти развалины. Свободные отъ всякой оффиціозной архитектуры, обратитесь къ народной жизни, къ свободѣ—и вы спасете народъ.

Я опять возвращаюсь къ крестьянамъ. Я никогда не вѣрилъ, что, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, рабочіе будутъ въ состояніи навязать крестьянамъ коллективизмъ. Я никогда и не желалъ этого, такъ какъ мнѣ, который искренне и сердечно любитъ свободу, противно всякое принужденіе. Въ этомъ ложномъ взглядѣ и въ этихъ несбыточныхъ освободительныхъ надеждахъ и заключается вся шаткость авторитарнаго коммунизма, который, нуждаясь въ правильно организованномъ насиліи, нуждается въ правительствѣ, а нуждаясь въ правительствѣ, по необходимости ведетъ къ возстановленію принципа власти и, слѣдовательно, привиллегированнаго класса правительственныхъ чиновниковъ. Принудить къ коллективизму можно только рабовъ, а тогда коллективизмъ будетъ противорѣчіемъ идеаламъ человѣчества. Въ свободномъ народѣ коллективизмъ можетъ развиться только въ силу обстоятельствъ; не подъ давленіемъ, оказываемымъ свыше, но путемъ спонтаннаго (самостоятельно возникаю-

щаго), свободнаго и подчасъ необходимаго движенія отъ низовъ, по мѣрѣ того, какъ естественною смертью будутъ затрачиваться условія, создавшія привиллегированный коммунизмъ и политико-юридическіе институты Государства.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Артуро Лабріола.

Синдикализмъ и Соціализмъ.

Переводъ съ французскаго Ф. С.

I. Введеніе.

Появленіе въ итальянской соціалистической партіи особой фракціи, которая именуетъ себя синдикальной, вызвало разнаго рода отношенія къ этому факту. Одни полагаютъ, что новая фракція не въ правѣ дѣйствовать подъ фирмой соціалистической партіи; другіе отказываютъ ей даже въ правѣ называться *соціалистической*. Итакъ, вопросъ общей политики, который предстоитъ разрѣшить итальянской соціалистической партіи, сводится къ тому, какимъ должно быть отношеніе партіи къ синдикальной фракціи. Слѣдуетъ ли партіи направить свою новую поли ику по руслу, указанному синдикалистами, или же, наоборотъ,—отмежеваться отъ послѣднихъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что синдикальная фракція отнынѣ является общепризнанной силой и однимъ изъ жизненныхъ факторовъ національной политики. Въ виду этого, синдикалисты призваны къ формулировкѣ своихъ программныхъ тезисовъ для критической оцѣнки ихъ партіей. Будущность и опытъ общественной жизни Италіи докажетъ, соотвѣтствуютъ ли ихъ взгляды запросамъ жизни или они осуждены на увяданіе, несмотря на временный успѣхъ.

Въ настоящемъ изслѣдованіи я постараюсь путемъ синтеза показать, на какихъ основахъ покоится вся доктрина синдикализма, и въ чемъ именно она состоитъ; почему синдикализмъ долженъ быть принятъ какъ конкретная формула соціализма рабочаго класса, и почему всякая иная формулировка соціализма, не исходящая изъ этого простого принципа, должна на практикѣ смѣшиваться съ демократизмомъ въ обычномъ смыслѣ. Въ виду того, что наше ученіе подвергается всякаго рода тенденціознымъ нападкамъ и постоянно искажается нашими противниками,—намъ, синдикалистамъ необходимо говорить прямо и ясно.

Наша доктрина—не плодъ воображенія какихъ ни-

будь буйныхъ головъ, а естественная эволюція профессіональнаго движенія и результатъ постепеннаго разложенія парламентарнаго соціализма. Ея оправданіе заключается въ совокупности тѣхъ причинъ, которыя ее создали. Пока эти причины существуютъ, она будетъ оставаться нерушимой.

II. Виды соціализма.

Соціализмъ, не какъ простая доктрина, но какъ соціально-политическое явленіе, обозначающееся все болѣе и болѣе опредѣленно, представляется намъ въ самыхъ различныхъ видахъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: 1) политико-парламентская организація, сходная съ другими подобнаго рода организаціями, или просто, по обычному опредѣленію „партія"; 2) совокупность тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыя стремятся ограничить сферу экономической и соціальной дѣятельности отдѣльныхъ личностей во имя цѣлей всего общества; 3) экономически-профессіональная организація рабочихъ капиталистической промышленности, находящихся въ постоянной борьбѣ съ частными владѣльцами средствъ производства, которыхъ рабочіе считаютъ классомъ съ противоположными имъ интересами. Слѣдовало бы здѣсь упомянуть и о другихъ группахъ, не подверженныхъ капиталистической эксплоатаціи, но для ясности анализа мы покамѣстъ ограничимся этими тремя видами соціализма.

Который изъ этихъ трехъ видовъ самый существенный, основной—Партія, экономическая классовая организація, или соціальное законодательство?

Чтобы отвѣтитъ на этотъ вопросъ, надо принять во вниманіе весь революціонный процессъ соціализма. Иными словами, необходимо установить *разрушительный факторъ* современнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, соціализмъ это гипотеза о новомъ обществѣ, которое должно создаться на развалинахъ настоящаго. Изъ этого слѣдуетъ, что для насъ является вопросомъ первостепенной

важности открыть тѣ законы, по которымъ совершается разложеніе общества. Какъ формально, такъ и практически *будущность соціализма* всецѣло связана съ механическими законами его реализаціи. Поэтому, намъ не слѣдуетъ приписывать одинаковую важность всѣмъ тѣмъ явленіямъ, которыя вызваны внѣшней дѣятельностью соціализма. Итакъ, партія, соціальное законодательство и классовая организація это величины различныхъ размѣровъ, не могущія быть объектомъ одной и той же оцѣнки.

Дѣятельность буржуазнаго общества, въ которомъ зародилась парламентарная система, сосредоточивается въ партіяхъ. Буржуазное Государство—это поле для партійныхъ игръ. Raison d'être этого Государства, безъ котораго буржуазное общество распалось-бы—это именно партіи; и слаба жизнь въ томъ обществѣ, гдѣ партіи не имѣютъ успѣха и скоро растворяются. Этотъ строй точно также нуждается въ перевариваніи программъ и партій, какъ желудокъ въ перевариваніи пищи. Буржуазное общество скорѣе помирится съ существованіемъ наиболѣе радикальныхъ и мятежныхъ партій, чѣмъ откажется отъ этой функціи. Итакъ, *если соціализмъ является только политической партіей онъ—консервативный факторъ, буржуазнаго политическаго общества.* Вотъ почему въ болѣе прогрессивныхъ демократіяхъ парламентарный соціализмъ пересталъ быть предметомъ страха для буржуазіи. Поэтому, не слѣдуетъ въ политикѣ искать поприща для соціализма, какъ революціонной силы.

Соціальное законодательство это прямое послѣдствіе капиталистической системы. Оставляя на время въ сторонѣ вопросъ объ историческомъ значеніи этого законодательства, мы и безъ этого можемъ судить о его консервативномъ характерѣ, какъ необходимой органической функціи капиталистическаго общества, которое въ борьбѣ за существованіе приспособляется ко всѣмъ измѣненіямъ жизни. „Каковы бы ни были тѣ уступки, которыя буржуазія дѣлаетъ пролетаріату, необходимость барыша, на которомъ покоится весь существующій со-

ціальный строй, положитъ всегда на пути реформаторовъ непреодолимыя преграды, такъ какъ выше этихъ преградъ и самъ капиталъ, какъ частная собственность на средства производства, не имѣлъ бы raison d'être". (Antonio Labriola).

Несомнѣнно, что если даже соціальному законодательству придется затратить временные интересы капитала, послѣдній всегда сумѣетъ приспособиться къ новымъ условіямъ; значитъ, все соціальное законодательство не имѣетъ существеннаго значенія. Притомъ оно всегда находится подъ контролемъ буржуазнаго правительства и исполнигельной власти и только способствуетъ, такимъ образомъ, тому, что составляетъ цѣль Государства, то-есть укрѣпленію господства буржуазіи.

Прежде чѣмъ мы изслѣдуемъ существенныя черты соціализма, какъ экономической классовой организаціи трудового народа, необходимо, для большей ясности изложенія, опредѣлить сущность капиталистическаго общества и различіе его отъ всякой иной формы общества, опирающагося на классовыя противорѣчія.

III. Сущность капитализма.

Капиталистическое общество,—вотъ объектъ всѣхъ нашихъ аттакъ. Но, стараясь его уничтожить, мы не думаемъ наносить удара тому принципу, благодаря которому это общество сумѣло осуществить такую высокую экономическую производительность. Мы признаемъ, что въ смыслѣ экономическаго и индустріальнаго прогресса, капиталистическое общество опередило всѣ существовавшія формы обществъ. Будущіе наслѣдники капиталистическаго общества—мы не забудемъ того экономическаго урока, который оно намъ дало и не думаемъ расточать по напрасну богатствъ, которыя оно собрало. Мы полны удивленія передъ тѣми чудесами, которыя совершилъ капитализмъ и будемъ стремиться пойти еще дальше. Капитализмъ—это отецъ и учитель будущаго соціалистическаго общества.

Мы знаемъ, что капитализмъ совершилъ чудеса, руководствуясь двумя принципами: *производительнымъ сообществомъ и личною отвѣтственностью.* Для насъ ясно отсюда, что всякія попытки уничтоженія этихъ двухъ принциповъ поведутъ только къ соціальному бѣдствію. Капитализмъ поощрялъ мелкія ремесла и домашнюю промышленность, примѣняя въ болѣе широкомъ масштабѣ формы общественнаго труда и заставляя каждаго, подъ угрозой полнаго раззоренія, производить больше и въ лучшемъ качествѣ. Соціализмъ не забываетъ этого урока и, стремясь къ увеличенію экономическаго благосостоянія общества, относится отрицательно ко всякимъ искусственнымъ нововведеніямъ, подрывающимъ принципъ ассоціаціи и принципъ отвѣтственности. Не въ этомъ смыслѣ думаетъ онъ измѣнить общество. Какъ наслѣдникъ капитализма, т. е. общества, которое подняло до наибольшей высоты производительность человѣческаго труда, соціализмъ можетъ только развивать и расширять экономическія основы капитализма.

Мы возстаемъ не противъ экономическаго принципа капиталистическаго общества. Нашъ протестъ начинается тамъ, гдѣ входитъ въ игру принципъ общественной іерархической организаціи, свойственной капитализму. Фабрика не только подчиняетъ рабочаго приказамъ и дисциплинѣ капитала, но и устанавливаетъ среди самихъ рабочихъ извѣстныя градаціи. Трудъ раздѣленъ, подраздѣленъ и распредѣленъ между рабочими такимъ образомъ, что нѣкоторые изъ нихъ превращаются въ автоматическія орудія, исполняющія какую-нибудь исключительную функцію.

Вотъ наблюденіе Маркса, которое намъ разъясняетъ, въ чемъ именно состоитъ свойственная капитализму организація труда:

„Знанія, умъ и воля, которыя крестьянинъ и независимый ремесленникъ проявляютъ въ небольшомъ масштабѣ, требуются теперь только для общаго производства. Умственныя способности производства развиваются въ одну сторону, потому что они исчезаютъ во

всѣхъ остальныхъ. То, что теряютъ спеціализованные рабочіе, концентрируется въ капиталѣ. Мануфактурное раздѣленіе дѣлаетъ умственныя способности производства какъ бы собственностью другого и какъ бы господствующей надъ ними властью... (Капиталъ, глава XIV)... Крупная механическая промышленность довершаетъ въ конецъ отдѣленіе ручного труда отъ умственныхъ способностей производства, которыя она превращаетъ во власть капитала надъ трудомъ. Навыкъ рабочаго кажется ничтожнымъ передъ богатой наукой, огромными природными силами, колоссальностью общественнаго труда, которыя заключены въ механической системѣ и составляютъ силу *хозяина*". (Глава XV).

Основы организаціи капитализма выдвигаютъ капиталиста, какъ *патрона*, а капиталъ какъ факторъ интеллектуальнаго господства, т. е. какъ нѣкую силу, властно подчиняющую себѣ рабочихъ. Это существенный фактъ, который вооружаетъ рабочихъ противъ капиталистовъ. Если капиталистъ выступаетъ въ роли патрона, то всѣ рабочіе являются толпами рабовъ. Такъ какъ интеллигентный трудъ, организаторскій и руководительный починъ не лежатъ въ области дѣятельности рабочихъ, то, очевидно, они являются простыми автоматами въ рукахъ капитала.

Ту же самую организацію соціальныхъ отношеній мы находимъ и внѣ сферы непосредственнаго вліянія фабрики. Капиталистическій строй, создавая интернаціональный рынокъ и поглощая своимъ спросомъ всѣ тѣ излишки, которыя производитъ ремесленная и кустарная промышленность, вводитъ постепенно во всѣ области производства свои принципы раздѣленія труда, которыя и ложатся въ основу всей экономической дѣятельности обществъ. Общество выступаетъ какъ *совокупность*, господствующая надъ личностью, даже въ томъ случаѣ, когда послѣдняя не является наемнымъ, рабочимъ. Капиталистическій режимъ подчиняетъ своимъ законамъ даже тѣ классы и среды, въ которыя онъ непосредственно не проникнулъ. Такимъ образомъ, капитализмъ получаетъ характеръ всеобщій,

далеко превосходящій замкнутыя границы капиталистическаго производства.

IV. Морфологическій принципъ соціализма.

Рабочіе вступаютъ въ борьбу съ принципомъ *авторитета*, порожденнымъ капитализмомъ. Цѣль соціалистической революціи—уничтоженіе раздѣла между рабочимъ и орудіемъ производства. Этотъ раздѣлъ привелъ къ господству организаторской и руководительской интеллигенціи, воплощаемой въ капиталѣ, надъ непосредственнымъ трудомъ рабочихъ. Это господство отнюдь не вытекаетъ изъ реальнаго недостатка интеллектуальныхъ качествъ среди рабочихъ, но есть результатъ невозможности развить ихъ,—невозможности, созданной капиталистическимъ строемъ. Между орудіями производства и самими производителями создалась пропасть: первыя являются простой матеріальной передачей трудовой энергіи послѣднихъ. Орудія производства символизируютъ волю и личный умъ капиталиста и, такимъ образомъ, все производство подчинено личному произволу предпринимателя, для котораго не существуетъ ни воли, ни интеллекта наемнаго рабочаго.

Соціальная революція разрушаетъ этотъ строй и всю эту экономическую дифференцировку, порожденную капитализмомъ. Въ капиталистической системѣ руководящая воля, организаціонный и дисциплинирующій умъ, интеллектъ, созидающій и реализующій планъ производства, *свыше управляютъ физической силой рабочихъ*. Поэтому то и существованіе рабочаго находится въ зависимости отъ заработной платы, которую платитъ ему капиталистъ. Соціальная революція уничтожаетъ эти отношенія: она возстановляетъ синтезъ рабочаго труда и средствъ производства; она соединяетъ волю, интеллектъ и матеріальную экономическую дѣятельность въ одно общее недѣлимое цѣлое: *трудъ рабочихъ гармонически сочетаетъ въ себѣ планъ производства, руководство и исполненіе*. Изъ этого слѣдуетъ, что соціальная революція

не затрагиваетъ вовсе принципа ассоціаціи труда и отвѣтственности, созданной капитализмомъ, а только автократическую организацію послѣдняго. Далѣе, изъ этого естественно, вытекаетъ, что и интеллектуальная сторона производства должна сосредоточиваться въ ассоціаціяхъ рабочихъ. Мы сейчасъ увидимъ, какія важныя послѣдствія влечетъ за собою этотъ простой принципъ.

Анархія, установленная капиталомъ въ производствѣ, проникла во всѣ соціальныя отношенія. Концентрированная власть общества, то есть Государство, является трансцендентной идеей, господствующей свыше надъ обществомъ. Соціальная революція не оставитъ въ самомъ обществѣ того, что она уже уничтожила въ механизмѣ производства. Подобно тому какъ ассоціація производителей возьметъ на себя отвѣтственность въ области производства, точно такъ-же и отвѣтственность въ области общественной дѣятельности перейдетъ отъ Государства къ личности. Когда исчезнетъ іерархія въ капиталистическомъ обществѣ и производство сосредоточится въ рукахъ ассоціированныхъ индивидовъ, политическая власть потеряетъ всю свою силу.

„Политическая власть, въ собственномъ смыслѣ, это власть, организованная однимъ классомъ для угнетенія другого. Когда пролетаріатъ въ борьбѣ съ буржуазіей выйдетъ побѣдителемъ и уничтожитъ прежнія отношенія производства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожитъ причины классовыхъ антагонизмовъ, то-есть сами классы и свое собственное классовое господство“ (Коммунистическій манифестъ). Ближайшая соціальная революція не можетъ не повлечь за собою крушенія Государства.

V. Государственный соціализмъ какъ продолженіе капиталистической системы.

Предшествующія главы имѣли цѣлью изобразить процессъ развитія соціальной революціи. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія будущихъ формъ соціальныхъ отношеній. Такъ какъ наше воображеніе, рисуя

далекія соціальные планы, должно необходимо опираться на опытѣ настоящаго, всякія представленія о будущемъ обществѣ являются только каррикатурой настоящаго или прошлаго. Въ границахъ, отъ индивидуальнаго почина въ производствѣ при режимѣ полной свободы индустріи до коллективной организаціи экономической жизни, мы можемъ себѣ вообразить цѣлую серію соотвѣтствующихъ соціальныхъ формъ, въ которыя можетъ вылиться будущее общество свободныхъ людей. Но не слѣдуетъ приписывать синдикалистамъ проекта реорганизаціи общества на основахъ профессіональныхъ синдикатовъ. Синдикализмъ движеніе болѣе серьезное.

Синдикализмъ принимаетъ какъ исходную точку всѣхъ своихъ выводовъ основной постулатъ рабочей революціи. Мы видѣли, что этотъ постулатъ состоитъ въ устраненіи конфликта между господствующей властью въ производствѣ, т. е. капиталомъ, и массами рабочихъ. Вникая въ интимную природу экономическихъ отношеній, мы видимъ слѣдующее. Дѣло въ томъ, что рабочимъ необходимо пріобрѣсти способность руководительства въ производствѣ для того, чтобы уничтоживъ іерархію. Это *внутренній* процессъ развитія, представляющійся въ трехъ видахъ: какъ техническій, организаторскій и синтетическій. Эти слова не содержатъ въ себѣ ничего мистическаго, а просто указываютъ на то, что соціализмъ— это признакъ *технической* зрѣлости рабочаго класса, возможности *организивать* экономическую жизнь и уничтожить *раздѣлъ* между рабочимъ, который исполняетъ, и капиталистомъ, который повелѣваетъ.

Основы этой революціи чисто экономическія. Остальное вытекаетъ само собою. Когда общество приведено къ своей чисто экономической схемѣ и классовый антагонизмъ устраненъ, всѣ такъ называемые наши *политическіе* интересы, регулируемые вмѣшательствомъ власти, дѣятельность которой распространяется на все, задерживая одно дѣло, двигая другое, здѣсь покровительствуя, тамъ противопоставляя свое veto, зашищая одну группу и оставляя другую на произволъ судьбы или преслѣдуя

ее, интересы эти будутъ регуливаться частными контрактами и не составятъ болѣе предмета спеціальной дѣятельности того коллективнаго цѣлаго, которое мы называемъ Государствомъ.

Такая революція не можетъ быть результатомъ внѣшнихъ измѣненій, происшедшихъ внѣ производства, политическихъ преобразованій, какого бы рода они не были, или новыхъ административныхъ установленій, которыя создаетъ искусственное законодательство, но автономнаго развитія рабочаго класса, его *внутренней* силы и его способностей. Вліяніе всѣхъ другихъ факторовъ можетъ быть только второстепеннымъ; оно даже можетъ явиться препятствіемъ, если на мѣсто старой капиталистической опеки оно вводитъ другую власть, такимъ же бременемъ ложащуюся на личность производителя, и которая продолжитъ подчиненное отношеніе живого труда къ труду мертвому, наемнаго рабочаго къ нанимателю, управляемаго къ управляющему, независимо отъ того, является ли этотъ управляющій частнымъ капиталистомъ или Государствомъ. *Слѣдуетъ, значитъ, признать, что новая соціальная революція можетъ стать дѣйствительностью только тогда, когда рабочему удастся избавить производство отъ всякой внѣшней организованному рабочему классу опеки.* Обмѣнять одну опеку на другую, это по существу значитъ совершить актъ контръ-революціи.

Эта революція осуществляется по мѣрѣ того, какъ рабочій классъ становится все болѣе и болѣе сильнымъ. Но это усиленіе вліянія рабочаго класса вполнѣ независимо отъ тѣхъ административныхъ институтовъ, которые создаются и развиваются буржуазнымъ обществомъ по простой необходимости самосохраненія. Природа этихъ институтовъ двойственна. Приносятъ ли они пользу рабочему классу? Буржуазія прекрасно знаетъ, какъ извлекать изъ нихъ пользу для себя самой. Вредятъ ли они частнымъ интересамъ? Это для того, чтобы служить интересамъ всего класса въ общемъ. Дѣло въ томъ, что, когда общество находится въ состояніи рав

новѣсія, всякое измѣненіе въ одной какой нибудь его части вызываетъ соотвѣтственную обратную реакцію, поддерживающую равновѣсіе всей системы. Разныя частичныя постепенныя видоизмѣненія, совершающіяся въ средѣ, въ которой благополучно дѣйствуетъ извѣстная система ничуть не мѣняютъ природы этой системы.

Только внутреннее усиліе, внутренній процессъ превращенія, то-есть захватъ средствъ производства, можетъ разрушить всю систему, измѣнить ея природу и осуществить революцію.

VI. Синдикатъ какъ признакъ возрастающей силы рабочихъ.

Изложенныя нами чисто абстрактныя разсужденія позволяютъ намъ въ краткости формулировать нѣкоторые выводы. Соціальная революція не нуждается въ органахъ кромѣ тѣхъ, которые созданы самимъ рабочимъ классомъ и по природѣ своей опираются на экономическую почву. Пользованіе не рабочими органами въ цѣляхъ осуществленія экспропріаціи капиталистовъ можетъ повести къ возстановленію авторитета послѣднихъ. Это, во всякомъ случаѣ, продолжитъ раздѣлъ между производителями и умственными силами производства, между живымъ трудомъ и трудомъ мертвымъ. Итакъ, политическая партія и соціальное законодательство не являются существенными элементами соціальной революціи. Мы можемъ притти къ тѣмъ же самымъ выводамъ, исходя изъ менѣе абстрактныхъ разсужденій.

Для этого, надо себѣ поставить вопросъ: кто рѣшаетъ успѣхъ соціальной революціи?

Мы имѣемъ за собою исторію многочисленныхъ революцій. На вопросъ, когда революція побѣждаетъ, исторія даетъ намъ опредѣленный и ясный отвѣтъ: когда соціальное могущество одного класса дѣлаетъ возможнымъ господство его надъ другимъ. *Возрастаніе соціальнаго могущества одного класса*—вотъ очевидный признакъ

приближенія революціи. Мы можемъ изслѣдовать вопросъ съ другой точки зрѣнія и обратить главное вниманіе на симптомы разложенія въ томъ классѣ, который господствовалъ. Но существо вопроса этимъ не мѣняется. „*Коммунистическій манифестъ*“ изслѣдуетъ шансы революціи съ точки зрѣнія упадка буржуазіи. Мы, синдикалисты, предпочитаемъ стать на точку зрѣнія автономіи рабочихъ.

Мы избѣгаемъ всѣхъ многочисленныхъ лишнихъ дискуссій о крахѣ капитализма. Концентрируется ли производство или нѣтъ, ставятъ ли богатства капиталистовъ предѣлъ кризисамъ или нѣтъ, возрастаетъ ли нищета массъ или нѣтъ,—вопросы, которыхъ мы вовсе не будемъ разсматривать. Для насъ процессъ соціальной революціи идетъ по другому пути. Мы питаемъ самый незначительный интересъ ко всѣмъ этимъ византійскимъ разсужденіямъ о силахъ капиталистическаго режима внѣ рабочаго движенія. Эти разсужденія могутъ насъ интересовать лишь какъ интеллектуалистовъ, но не какъ борцовъ.

На вопросъ: какой признакъ того, что могущество класса возрастетъ, исторія даетъ разнообразные отвѣты въ зависимости отъ того, о какомъ классѣ идетъ рѣчь. Итакъ, понятно, что усиленію буржуазіи сопутствовали другія явленія. Историческое изслѣдованіе процесса образованія капитализма учитъ насъ, что могущество буржуазіи возрастало въ прямой зависимости отъ обогащенія отдѣльнаго буржуа. Частное богатство капиталистовъ—вотъ основа соціальнаго и капиталистическаго могущества буржуазіи. Выражаясь болѣе ясно: когда буржуа стали богаче дворянства и королевской бюрократіи, они получили возможность руководить обществомъ.

Конфликтъ между собственностью и продуктивными силами, который по *Коммунистическому манифесту*, лежитъ въ основѣ всякой соціальной революціи, является для насъ конфликтомъ между соціальнымъ могуществомъ какого нибудь класса и класса господствующаго. Надо только знать, какимъ способомъ рабочій классъ пріобрѣ-

тетъ могущество и уничтожитъ капиталистическій режимъ, не нарушая его положительныхъ сторонъ. Очевидно, не путемъ обогащенія отдѣльныхъ рабочихъ. Могущество рабочаго класса это могущество ассоціированное и недѣлимое.

Коммунистическій манифестъ указываетъ намъ способъ рѣшенія этой проблемы: „Существеннымъ условіемъ для образованія и господства буржуазнаго класса является накопленіе богатства въ рукахъ частныхъ лицъ, образованіе и умноженіе капиталовъ; условіемъ капитала является наемный трудъ. Наемный трудъ основывается исключительно на конкурренціи рабочихъ между собою. Прогрессъ промышленности, безвольнымъ неспособнымъ къ сопротивленію носителемъ котораго является буржуазія, ставитъ на мѣсто изолированности рабочихъ вслѣдствіи конкурренціи, ихъ *революціонное объединеніе при посредствѣ ассоціаціи.* Такимъ образомъ, съ развитіемъ крупной промышленности, изъ подъ ногъ буржуазіи вытягивается та самая основа, на которой она производитъ и присваиваетъ себѣ продукты. Она прежде всего производитъ своего собственнаго могильщика".

Итакъ, экономическая ассоціація рабочихъ (синдикатъ) является орудіемъ реализаціи соціальнаго переворота! Только она можетъ уничтожить фундаментъ, на которомъ покоится буржуазный режимъ, то-есть, конкурренція наемныхъ рабочихъ; *только она можетъ создать соціальную силу рабочаго класса.* Прогрессъ пролетаріата, какъ недѣлимаго класса, есть вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ рабочихъ ассоціацій. Вотъ интимные и нерасторгаемые узы, соединяющіе „синдикализмъ" съ *Коммунистическимъ манифестомъ.*

То, чѣмъ было для буржуазнаго общества обогащеніе отдѣльныхъ личностей, дающее имъ возможность развивать свои природныя способности и пріобрѣтать необходимыя для руководящаго класса умственныя качества, — для будущаго рабочаго общества представляетъ теперь синдикатъ, символъ возрастающей силы пролетарскаго класса.

Синдикатъ растетъ и развивается только въ эпоху расцвѣта капитализма. Съ другой стороны, это союзъ людей, обладающихъ опредѣленными техническими знаніями. Отсюда два вывода: 1) соціальная революція возможна только въ періодѣ громаднаго подъема промышленности (что составляетъ гарантію наслѣдія капитализма), 2) тѣ, въ чьихъ рукахъ окажется управленіе производствомъ, будутъ обладать нужными знаніями: это условіе не было бы соблюдено, если бы революція совершилась при помощи „партій".

Принимая все это во вниманіе, *синдикализмъ* заключаетъ, что соціальная революція – дѣло не одной партіи или секты, а самихъ синдикатовъ.

VII. Партіи, какъ разлагающіе элементы революціоннаго процесса.

Борьба классовъ не всегда кончается побѣдой или же пораженіемъ революціоннаго класса. Бываетъ часто, что конецъ ея —„общее разореніе борющихся классовъ",— какъ сказано въ *Коммунистическомъ манифестѣ*. Революціонный процессъ можетъ быть физіологическимъ или патологическимъ, и по извѣстнымъ признакамъ можно правильно утверждать, что соціалистическая дѣятельность разрушаетъ нормальное развитіе общества.

Синдикалисты вовсе не желаютъ разорить капиталистовъ или ослабить развитіе промышленности. Съ недовѣріемъ они смотрятъ на всѣ тѣ мѣры, которыя подъ видомъ покровительства соціализму тормозятъ расцвѣтъ капитализма и вводятъ идею сбереженій. Мы не желаемъ быть наслѣдниками равенства въ нищетѣ; пиръ, въ которомъ мы хотимъ участвовать, да будетъ величественный, роскошный, изобилующій богатствомъ и да обезпечитъ здоровое развитіе безконечной производительной

энергіи человѣка. Единственная гарантія такого наслѣдства—въ классовой борьбѣ, руководимой синдикатами. Мы уже констатировали, что синдикаты благополучно развиваются только въ процвѣтающей экономической средѣ. Слѣдовательно, мы можемъ заключить, что единственная гарантія того, чтобы замѣчательные плоды капиталистической цивилизаціи не пропали вмѣстѣ съ деревомъ, которое ихъ произвело—это соціальная революція, совершенная согласно принципамъ синдикалистовъ.

Съ другой стороны, соціалистическая партія—наборъ людей безъ опредѣленныхъ техническихъ знаній, не соединенныхъ общностью матеріальныхъ интересовъ—растетъ почти всегда благодаря причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ экономическимъ могуществомъ общества. Опытъ показываетъ, что партіи переворота черпаютъ свое содержаніе и свою силу изъ тѣхъ элементовъ, которые являются причиною упадка общества или же ему содѣйствуютъ: смутнаго недовольства правительствомъ, нищеты массъ, бездарности руководителей. Итакъ, партіи эти, задерживающія вслѣдствіе вышеупомянутыхъ причинъ развитіе общества, тѣмъ самымъ являются преградой на пути осуществленія соціализма. *Соціальная революція, руководимая политической партіей, является почти всегда революціей упадка.*

Политическая партія пытается искусственными мѣрами расширить область своей настоящей дѣятельности. Она не довольствуется тѣмъ, чтобы помогать освободительному движенію класса, организованнаго на почвѣ своихъ собственныхъ интересовъ, но желаетъ опредѣлить этотъ классъ и оказать ему, какъ и себѣ самой, искусственную помощь.

Она становится защитникомъ интересовъ всякаго рода. Она протягиваетъ руку разлагающимся классамъ и группамъ и старается внушить имъ солидарность съ революціоннымъ классомъ, что конечно очень легко, но что въ высшей степени вредно, задерживая процессъ выдѣленія отжившихъ элементовъ. Она оказываетъ влія-

ніе на законодательство, чтобы путемъ всевозможныхъ обѣщаній увеличить ряды своей кліентелы. Покровительственное законодательство (таможенное, соціальное и финансовое) даетъ ей возможность распространить на всѣхъ свои опекунскія крылья. Практическій результатъ этой политики—серьозный ущербъ для экономическаго положенія общества, а слѣдовательно, и для революціонныхъ классовъ.

Партія стремится единственно къ захвату власти и къ дѣйствіямъ въ пользу своей собственной кліентелы. Онъ воспринимаетъ революціонный процессъ—когда дѣло касается революціонной партіи—какъ процессъ *внѣшній*. Партія перенимаетъ власть путемъ выборовъ или же путемъ возстанія; этотъ послѣдній менѣе вѣроятный; затѣмъ, при помощи всего могущества Государства, она подчиняетъ экономію страны своимъ собственнымъ планамъ. „Завоеваніе власти" (которое по *Коммунистическому манифесту* означаетъ уничтоженіе ея) является для партіи орудіемъ общественной революціи. При содѣйствіи концентрированной силы Государства она думаетъ измѣнить весь составъ экономическихъ отношеній.

Старая исторія. Режимъ, который такимъ путемъ думаютъ установить, можетъ быть названъ только: *ограбленіемъ капиталистовъ*. Это режимъ римскаго имперіализма и Національнаго Конвента. Вотъ наше привѣтствіе „научному" соціализму!

Слѣдуетъ упомянуть, что эти „научники" соціализма—чтобы избѣгнуть очень часто взаимнаго грабежа—согласны на промышленность на выборныхъ началахъ.

VIII. Партія какъ воспитатель класса.

Весь соціализмъ—во всеобщей забастовкѣ; „Коммунисты не составляютъ особой партіи противостоящій другимъ рабочимъ партіямъ. У нихъ нѣтъ интересовъ отдѣльныхъ отъ всего пролетаріата. Они не выставляютъ особыхъ принциповъ, по которымъ они желали бы формулиро-

вать пролетарское движеніе. Коммунисты отличаются отъ другихъ пролетарскихъ партій лишь тѣмъ, что съ одной стороны, въ борьбѣ пролетаріевъ различныхъ націй выдвигаютъ и отстаиваютъ независимые отъ національности интересы пролетаріата въ цѣломъ; съ другой стороны тѣмъ, что они на различныхъ ступеняхъ развитія, которыя проходитъ борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей, постоянно являются представителями интереса движенія, взятаго въ цѣломъ.

„Такимъ образомъ, коммунисты практически—самая рѣшительная, всегда стремящаяся дальше часть рабочихъ партій всѣхъ странъ; теоретически ихъ преимущество предъ остальной массой пролетаріата является проникновеніе въ условія, ходъ и общіе результаты пролетарскаго движенія".

Эти принципы и теперь руководятъ отношеніями соціалистической партіи къ рабочему движенію. Роль соціалистической партіи, по существу, педагогическая. Ея raison d'être—распространить среди рабочей массы идею освобожденія труда и заставить синдикаты, до сихъ поръ *корпоративныя* единицы, представляющія соціальные интересы опредѣленныхъ рабочихъ группъ, сдѣлаться классовыми органами. Затѣмъ, если рабочіе желаютъ участвовать въ законодательной дѣятельности, партія предлагаетъ имъ свои услуги въ этомъ дѣлѣ. Партія вѣдь не можетъ, не измѣняя своему историческому прошлому, замѣстить рабочій классъ и совершить вмѣсто него революцію. Революція, по природѣ своей техническая и экономическая, совершается лишь при помощи техническихъ и экономическихъ организацій самихъ рабочихъ. Партіи могутъ агитировать при выборахъ депутатовъ, но они не сумѣютъ привести въ движеніе машину или же сорганизовать предпріятіе.

Чтобы исполнить свою роль, партія должна зорко наблюдать за своей дѣятельностью и не отдаваться пустымъ мечтамъ о томъ, чтобы казаться на видъ болѣе крупной силой, чѣмъ самъ рабочій классъ. Она должна сопротивляться соблазну покровительствованія

интересамъ всѣхъ отживающихъ или же находящихся въ упадкѣ группъ, которыя уничтожаетъ развитіе капитализма. Соціалистическая партія должна быть рабочей партіей, стоящей на стражѣ интересовъ наемныхъ рабочихъ. Когда она старается служить интересамъ другихъ группъ или соціальныхъ классовъ, она выходитъ изъ своей роли.

Для соціалиста, посколько онъ дѣйствуетъ какъ таковой (никого не принуждаютъ посвятить себя исключительно соціализму), существуетъ только борьба наемныхъ рабочихъ съ капиталистами нанимателями. Само собой разумѣется, соціальная жизнь многосложна и наряду съ этой борьбой, существуютъ другія, не менѣе глубокія, соціальныя противорѣчія. Соціалистъ не долженъ игнорировать всей необычайной сложности современной жизни и современной борьбы классовой, но чтобы въ этой борьбѣ участвовать, не измѣняя принципамъ соціализма, онъ долженъ итти по прямому пути.

Соціальная революція, которую подготовляетъ пролетаріатъ настолько грандіозна, что она вмѣстѣ съ пролетаріатомъ освободитъ и другіе классы, не участвующіе въ капиталистической эксплоатаціи. Высокая производительность, которую предвѣщаетъ ассоціированный трудъ, свободный отъ опеки капиталиста и поощряемый непосредственнымъ интересомъ всѣхъ рабочихъ, будетъ притягательной силой по отношенію къ ремесламъ и къ той индустріи, въ которую еще не проникнулъ капитализмъ. Кромѣ того, мелкая современная промышленность не являясь только пережиткомъ другихъ экономическихъ эпохъ, находится въ зависимости отъ капитализма, который изъ за коммерческаго и техническаго разсчета, пополняетъ свою дѣятельность цѣлой серіей вспомогательныхъ предпріятій, поддерживая послѣднія своимъ кредитомъ. Вмѣстѣ съ паденіемъ капитализма въ значительной части исчезнутъ свободные ремесла, уступая мѣсто самостоятельно возникшимъ сообществамъ производителей. Но и тамъ, гдѣ паденіе капитализма не повлечетъ за собою исчезновенія ремеслъ, произойдетъ то же самое вслѣд-

ствіе притягательной силы фабрикъ или соціализованныхъ предпріятій. Свободные товарищи въ соціалистическомъ производствѣ будутъ на дѣлѣ пропагандировать новый соціальный режимъ.

Главное въ томъ, чтобъ не блуждать и не удлинять пути, идя по ложному направленію. Главный факторъ успѣха соціальной революціи—творческая воля революціонныхъ классовъ. Чѣмъ болѣе живо будетъ проявляться эта воля революціоннаго класса, стремясь прямо къ цѣли, тѣмъ болѣе будетъ выступать наружу неспособности, слабость господствующихъ классовъ. Пролетаріатъ долженъ разсчитывать только на себя, на силу своего сознанія, на организацію, на традиціи, чтобы пріобрѣсти необходимую силу для совершенія революціоннаго акта. Задача соціалистической партіи должна состоять въ поддерживаніи революціоннаго духа среди пролетарскихъ организацій, въ постоянномъ напоминаніи имъ о конечной цѣли рабочаго движенія, которая часто затемняется въ ихъ сознаніи подъ вліяніемъ ежедневной необходимой борьбы. Роль соціалистической партіи—быть бодрствующимъ, сомкнутымъ и рѣшительнымъ авангардомъ рабочаго движенія. Дѣло авангарда не допустить того, чтобы вся партія, вмѣсто того чтобы итти смѣло на врага, погрязла въ безвыходныхъ болотахъ.

Опытъ показалъ, что *идея всеобщей забастовки* имѣетъ громадное значеніе, какъ символъ катастрофы капитализма и соціальной войны, возвышая революціонный подъемъ пролетаріата и вызывая въ немъ геройское чувство самопожертвованія. Съ другой стороны, идея эта объясняетъ намъ, что соціализмъ долженъ быть осуществленъ рабочимъ классомъ, развиваясь на экономической почвѣ и завершаясь революціоннымъ переворотомъ.

Забастовка можетъ быть проведена только рабочими по общимъ правиламъ экономическихъ конфликтовъ; она представляетъ собою *рѣшительный перерывъ* въ общемъ ходѣ соціальныхъ отношеній. Синдикализмъ ставитъ эту идею на мѣсто традиціонной идеи захвата власти, которая составляетъ предметъ самыхъ разнообразныхъ тол-

кованій и воспринимаетъ соціализмъ, какъ продуктъ законодательной дѣятельности. Это явно ошибочный взглядъ. Для насъ синдикалистовъ провозглашеніе всеобщей забастовки равнозначно установленію той истины, что соціализмъ долженъ быть движеніемъ рабочимъ, экономическимъ и революціоннымъ. Мы объявляемъ, что рабочій соціализмъ весь сосредоточивается во всеобщей забастовкѣ, которую мы понимаемъ не какъ обыкновенную политическую манифестацію, а какъ сокращенную формулу соціальной революціи. Мы видимъ въ ней не внѣшній конкретный фактъ, а общій синтезъ воплощаемыхъ ею идей.

ГЮБЕРЪ ЛЯГАРДЕЛЬ.

Мангеймъ, Римъ, Амьенъ.

Переводъ съ французскаго САВИНА.

Существуютъ только національные соціализмы. Развитіе рабочаго класса въ каждой странѣ зависитъ отъ условій экономической, исторической и политической среды. Ошибаются, когда говорятъ о единствѣ интернаціональнаго соціализма. Въ дѣйствительности, если соціализмъ состоитъ въ организаціи пролетаріата въ классъ, нужно сказать, что существуютъ страны болѣе благопріятныя для него, чѣмъ другія.

Три конгресса въ Мангеймѣ, Римѣ и Амьенѣ подтвердили это лишній разъ.

I.

Преобладаніе нѣмецкой соціаль-демократіи надъ соціалистическимъ міромъ кончилось уже очень давно, и конгрессъ въ Мангеймѣ ничего не могъ прибавить къ ея упадку (discrédit). Въ прошломъ году, Іенскій конгрессъ оставилъ у нѣкоторыхъ благосклонныхъ наблюдателей извѣстныя иллюзіи: они полагали, что, потрясенный русской революціей, нѣмецкій соціализмъ показалъ, что онъ можетъ, когда придетъ часъ, нарушить свое оцѣпенѣніе. Я не думаю, что послѣдніе приверженцы нѣмецкой ортодоксіи осмѣлятся теперь хвалиться новымъ мангеймскимъ отступленіемъ. Можно сказать, что съ году на годъ соціаль-демократія идетъ все болѣе назадъ: слѣдя за этими

возвратами, невольно вспоминаешь отступленіе русской арміи, которая, съ этапа къ этапу, чуть было не отступила во время маньчжурской войны до Москвы. Гдѣ остановится, совершая свое отступленіе, парламентская, легальная и мирная соціаль-демократія?

Въ Мангеймѣ всѣ дебаты сосредоточились на всеобщей политической стачкѣ. Не потому, чтобъ она сама по себѣ представила какой-нибудь интересъ. Нѣмецкій соціализмъ не пріучилъ насъ къ новымъ идеямъ, и въ Іенѣ всеобщая политическая стачка была принята только какъ *партійное средство*. Главный комитетъ соціаль-демократіи долженъ былъ, въ выбранный имъ моментъ, дать массамъ приказъ о мобилизаціи. Парламентскій кретинизмъ убиваетъ все, къ чему онъ прикасается. Вотъ что избиратели соціалисты Германіи сдѣлали изъ великой рабочей идеи, символа драматическаго конфликта классовъ, совершеннаго выраженія героической борьбы пролетаріата— *веревочку*, за которую потянетъ ихъ верховный совѣтъ.

Въ этомъ была, по меньшей мѣрѣ, каррикатура на всеобщую стачку, которая могла обмануть нѣсколько не твердыхъ умовъ. Было, быть можетъ, возможно, если не ясно, принять это за довольно туманный набросокъ угрожающаго жеста. Теперь, даже *это* невозможно болѣе. Бебель могъ рѣшить по своимъ покорнымъ войскамъ, что ничего не измѣнилось, что мангеймскій конгрессъ подтвердилъ іенское рѣшеніе и что іенское рѣшеніе было только обратной резолюціей кельнскаго синдикалистскаго конгресса,—таковы наивныя хитрости политическаго вождя, способнаго предложить массамъ принять пузыри отъ ожога за фонари, но безсильнаго обмануть человѣка съ открытыми глазами [1]).

---

[1]) Вотъ текстъ резолюціи, принятой конгрессомъ:

„Конгрессъ подтверждаетъ постановленіе іенскаго конгресса о политической массовой стачкѣ и, установивъ, что постановленіе кельнскаго синдикальнаго конгресса не противорѣчитъ іенскому постановленію, считаетъ всѣ споры о смыслѣ кельнскаго постановленія исчерпанными".

Постановленіе, принятое кельнскимъ синдикальнымъ конгрессомъ

Истина была обнаружена благодаря спасительной нескромности берлинскихъ революціонныхъ синдикатовъ, тѣхъ *локалистскихъ* синдикатовъ, которые составляютъ ужасъ партіи. На соединенной конференціи, устроенной въ февралѣ главнымъ комитетомъ соціаль-демократіи и генеральной коммиссіей синдикатовъ, Бебель настоялъ на принятіи рѣшенія, которое разрушало въ основаніи, если не по формѣ, іенскую резолюцію и объявляло, что *партія не можетъ объявить всеобщую стачку и что синдикаты не захотятъ отдать суммы изъ своихъ кассъ*

въ 1905 году, было формулировано слѣдующимъ образомъ: „Пятый германскій синдикальный конгрессъ признаетъ неотложной обязанностью синдикатовъ всѣми силами добиваться улучшенія всѣхъ законовъ, на которыхъ основано ихъ существованіе и безъ которыхъ они не въ состояніи исполнять свои задачи, и со всей рѣшительностью бороться противъ попытокъ урѣзать существующія права народа.

„Въ этой борьбѣ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, тактика должна сообразоваться съ обстоятельствами момента.

„Поэтому конгрессъ отвергаетъ также всѣ попытки заранѣе установить опредѣленную тактику, пропагандируя массовую стачку; онъ рекомендуетъ организованнымъ рабочимъ энергично противодѣйствовать такимъ попыткамъ.

„Конгрессъ не считаетъ нужнымъ обсуждать идею всеобщей стачки, которую защищаютъ анархисты, лишенные всякаго опыта въ области экономической борьбы; конгрессъ предостерегаетъ рабочихъ отъ пренебреженія мелкой повседневной работой надъ укрѣпленіемъ организаціи ради пропаганды идеи всеобщей стачки".

Наконецъ, іенскій конгрессъ принялъ слѣдующую резолюцію: „Конгрессъ заявляетъ, что особенно, въ случаѣ покушенія на всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право или на право коалицій, обязанность всего рабочаго класса пользоваться всѣми подходящими средствами защиты.

„Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы для отраженія подобныхъ политическихъ преступленій противъ рабочаго класса или для завоеванія важныхъ основныхъ правъ въ цѣляхъ его освобожденія конгрессъ признаетъ въ подходящихъ случаяхъ самое широкое примѣненіе массоваго прекращенія работы.

„Для того же, чтобы примѣненіе этого средства борьбы было возможно и наиболѣе дѣйствительно, безусловно необходимо какъ можно большее распространеніе политической и синдикальной организаціи рабочаго класса и непрестанное воспитаніе и просвѣщеніе массъ рабочей литературой и устной и печатной агитаціей".

на поддержку стачечниковъ. Если дисциплинированные солдаты соціаль-демократіи видѣли здѣсь, вѣря въ Бебеля, не осужденіе, а утвержденіе всеобщей политической стачки, то лучшіе друзья нѣмецкаго соціализма за границей не могли рѣшиться сказать, что бѣлое — черное или что дважды два—пять. Я не говорю о Турати, который, на конгрессѣ въ Римѣ, привѣтствовалъ этотъ отказъ отъ всеобщей политической стачки какъ новую побѣду реформистскаго духа. Я имѣю въ виду бельгійскихъ соціалистовъ, чей „Народъ“ перомъ Фишера, одного изъ свидѣтелей мангеймскихъ дебатовъ, слѣдующимъ образомъ выразилъ свое отношеніе: „Какъ можно было согласовать два тезиса, какъ это было сдѣлано въ мангеймской резолюціи? Въ особенности, какъ можно было дойти до такого почти парадоксальнаго утвержденія, констатирующаго, что кельнская и іенская резолюціи не противорѣчатъ другъ другу? Истина заключается въ томъ, что совпаденіе идей существуетъ *не въ текстахъ, а въ мысли* авторовъ резолюцій“. Увы! да, тексты противорѣчивы. Что же до мысли... Счастливый товарищъ Фишеръ, который, по своей добротѣ, бросилъ свои X лучи на тайныя идеи нѣмецкихъ соціалистовъ и захотѣлъ, чтобъ ослабить вліяніе своей искренности, счесть ихъ идентичными, не смотря на противоположность ихъ актовъ!

Цѣль этой политики лжи не оправдываетъ ее. Дѣло шло о томъ, чтобъ сдѣлать болѣе прочнымъ примиреніе между партіей и синдикатами, опустивъ ихъ на возможно болѣе низкую плоскость общественной дѣятельности. Хорошъ союзъ, заключенный съ помощью лицемѣрія! Впрочемъ, это не прошло. Въ этомъ набѣгѣ на синдикаты, довольно старомъ уже, партія потерпитъ фіаско. Съ рискомъ смутить простыя души, я заявляю, что, если и будетъ какой-либо хорошій результатъ этого несчастнаго конгресса, то онъ въ этомъ и будетъ заключаться. Не одинъ, а десять разъ представители синдикатовъ, хоть и соціаль-демократы, заявили, что никогда ихъ организаціи не примутъ опеки партіи. Это слабое желаніе независимости, даже исходящее отъ боязливыхъ

синдикатовъ, болѣе предпочтительно для будущаго движенія, чѣмъ подчиненіе псевдо-революціонаризму соціаль-демократіи.

Любопытно отмѣтить, какъ измѣнились въ послѣдніе годы предѣлы кризиса соціаль-демократіи. Измѣненіе традиціонныхъ стереотиповъ, происшедшее подъ вліяніемъ критики Бернштейна въ Германіи и политики Жореса во Франціи, имѣло своимъ результатомъ доведеніе до драки парламентаристовъ реформистовъ и парламентаристовъ-революціонеровъ различныхъ политическихъ партій. Теперь эти братья-враги всюду примирились. Борьбы между двумя соперничающими фракціями парламентскаго соціализма уже нѣтъ: она происходитъ между самимъ парламентскимъ соціализмомъ и рабочимъ движеніемъ.

Съ этой точки зрѣнія не важно, что нѣмецкіе синдикаты отказываются повиноваться партіи. Если даже правда, что духъ борьбы еще немного болѣе силенъ въ избирательныхъ группахъ соціаль-демократіи, чѣмъ въ рабочихъ организаціяхъ, то это ничего не доказываетъ. Ибо назначеніе партіи состоитъ въ томъ, чтобъ играть свою роль до конца, стать все болѣе и болѣе парламентской, и нельзя логически ждать отъ ея нормальнаго функціонированія революціоннаго возрожденія. Тогда какъ, если рабочій соціализмъ долженъ былъ однажды проникнуть въ Германію, то только путемъ синдикатовъ. Это и поняли *локалистскіе* союзы Берлина, которые, въ такомъ же смыслѣ, какъ наши французскіе синдикаты, считаютъ себя естественными органами борьбы класса.

Вотъ почему всякое стремленіе къ автономности есть по крайней мѣрѣ залогъ, какой бы слабый онъ не былъ, возможности преобразованія синдикатовъ. По правдѣ, здѣсь заключается только теоретическая надежда. Слишкомъ мало имѣется вѣроятности расширенія *локалистскаго* движенія: его новизна до такой степени пугаетъ соціаль демократію, берлинскія войска которой оно „сокрушило“, что въ Мангеймѣ ему торжественно

объявлена война. *Локализмъ*, напоминающій *федерализмъ* французскаго синдикализма, слишкомъ непоправимо ставитъ въ непріятное положеніе *централизмъ*, свойственный всякой нѣмецкой организаціи. Эти синдикаты, которые отказываются копировать *авторитарныя учрежденія* буржуазіи, которые такъ же не желаютъ правительства рабочихъ вождей или буржуа соціалистовъ, какъ и правительства вождей капиталистовъ, которые разсчитываютъ на самопроизвольность свободнаго дѣйствія или на воспитательный факторъ массъ, чувствуютъ ихъ гнетъ и готовятъ для нихъ костры.

Нѣтъ никакого парадокса, какъ это казалось стольким наблюдателямъ, въ этомъ паденіи нѣмецкаго соціализма. Могло казаться, что страна съ наиболѣе высоко развитымъ континентальнымъ капитализмомъ, и что родина Маркса представляетъ необходимыя и достаточныя условія для всякаго рабочаго революціоннаго движенія: промышленную среду и соціалистическую мысль. Но это была только видимость. Тѣ, кого ставитъ въ тупикъ вырожденіе соціализма въ Германіи, забываютъ объ отсутствіи одного основного фактора: *историческаго образованія нѣмецкаго пролетаріата.*

Классы достигаютъ полнаго самосознанія только послѣ долгаго революціоннаго воспитанія. Они отдѣляются отъ другихъ классовъ послѣ сильныхъ сотрясеній и многократныхъ волненій. И только послѣ того, какъ они выкинуты изъ существующихъ соціальныхъ рамокъ. Прежде всего, слѣдовательно, важно независимое конституированіе рабочаго класса. Рядомъ съ *необходимымъ* развитіемъ капитализма существуетъ *самопроизвольное* развитіе пролетаріата. Соціализмъ не будетъ порожденъ автоматически ни экономической эволюціей, ни доктринальной проповѣдью: онъ будетъ дѣломъ *воли рабочихъ*, закаленной въ яркомъ огнѣ борьбы.

Марксъ всегда противопоставлялъ *фатальности* капитализма *свободу* пролетаріата. Если онъ спеціально изслѣдовалъ—въ „XVIII Брюмера“, „Борьбѣ классовъ во Франціи“, „Парижской Коммунѣ“—историческое образо-

ваніе французскаго пролетаріата, то это потому, что онъ открывалъ въ ней, съ классической ясностью, ходъ образовательнаго процесса рабочаго класса. Англія показала ему головокружительныя превращенія капитализма; Франція дала ему послѣдовательныя превращенія пролетаріата въ классъ. Я отлично знаю, что оффиціальные доктора ортодоксіи удѣлили этой оригинальной части трудовъ Маркса только пренебрежительное вниманіе; ихъ поразила только заурядная часть, которая была заимствована у либеральной экономіи и которая касается капиталистической эволюціи. Патентованные комментаторы всякой доктрины берутъ обыкновенно только формальную сторону, которая даетъ имъ совокупность совершенно готовыхъ догмъ, въ которой безъ усилія помѣщается ихъ лѣнивая мысль.

Здѣсь, однако, въ отсутствіи этого историческаго воспитанія воли нѣмецкихъ рабочихъ, содержится объясненія природной слабости германскаго соціализма. *У него нѣтъ революціонныхъ традицій.* Рабочія массы Германіи не могутъ вспомнить ни одного изъ тѣхъ эпическихъ воспоминаній, подъ которыя укачивался въ дѣтствѣ каждый французскій пролетарій. У нихъ нѣтъ позади ни титанической борьбы буржуазной Революціи, ни наполеоновской эпопеи, ни соціальной драмы 1848 года, ни кровавого паденія Коммуны [1]). Они не дышали ни воздухомъ сраженій, ни вдохновеніемъ возстаній. Наоборотъ, они живутъ въ тягчайшей исторической средѣ и въ удушливой атмосферѣ суроваго капральства: они остаются еще въ сильной степени принадлежащими къ буржуазному обществу, безъ воинственнаго духа, безъ боевыхъ привычекъ. Вѣренъ ли онъ Имперіи или повинуется

[1]) Старикъ Либкнехтъ чувствовалъ, какой тяжестью лежитъ на историческихъ традиціяхъ Германіи отсутствіе буржуазной революціи. Онъ думалъ объ этомъ, говоря, что пролетаріатъ совершитъ сразу буржуазную революцію и рабочую революцію. Онъ вѣрилъ, что толчокъ будетъ достаточно громаднымъ, чтобы порвать всѣ сцѣпленія классовъ. Романтическій идеализмъ, который онъ носилъ въ себѣ, давалъ ему эти иллюзіи.

Бебелю,—нѣмецкій пролетарій всегда подчиняется вліянію внѣшней власти.

Соціаль-демократія не дала ему воспитанія. Она въ значительной степени виновна въ меркантильномъ духѣ синдикатовъ, въ ихъ любви къ тяжелымъ кассамъ, въ ихъ ужасномъ бюрократизмѣ и безпримѣрномъ малодушіи. Что сдѣлала она для того, чтобъ увлечь ихъ въ борьбу, чтобъ предостеречь ихъ *отъ подражанія административнымъ пріемамъ торговой буржуазіи*, чтобъ заставить ихъ сорганизоваться на свой личный и самостоятельный ладъ? Легинъ былъ правъ, когда отвѣтилъ Каутскому на мангеймскомъ конгрессѣ: „Въ теченіи десяти лѣтъ намъ говорили, что генеральная стачка это *генеральная глупость*. Какъ уже хотятъ, чтобъ въ теченіе одного года мы измѣнили свое мнѣніе?“.

А по вопросу объ антимилитаризмѣ, поднятому съ храброй настойчивостью Карломъ Либкнехтомъ, развѣ Бебель не выразилъ еще разъ священный трепетъ, который внушаетъ нѣмецкимъ соціалистамъ всякій актъ мужественной энергіи? Слова Гэда обладаютъ интернаціональной правдой: „Соціализмъ не требуетъ никакого героизма, отъ васъ требуютъ только положить бюллетень въ урну“. Поистинѣ, здѣсь, на этой грозной проблемѣ рабочаго антимилитаризма чувствуется пропасть, отдѣляющая французскій пролетаріатъ отъ пролетаріата нѣмецкаго, что съ такой горечью констатировалъ нашъ другъ Михельсъ.

Величественный фасадъ нѣмецкаго соціализма не можетъ скрыть его органической слабости. Кто не знаетъ, что оппозиція, которую ведетъ соціаль-демократія противъ Имперіи, есть только *демократическая оппозиція*? Темныя массы ея трехъ милліоновъ избирательныхъ голосовъ есть не больше, какъ смѣсь, составленная изъ всего того, что борется въ Германіи противъ пережитковъ феодализма и за побѣду демократіи. Но тотъ день, когда политическія свободы будутъ получены, когда Имперія удѣлитъ мѣсто соціализму, когда парламентскій режимъ станетъ регулярно функціонировать, когда какой-нибудь Вольмаръ сможетъ стать министромъ и какой-нибудь

Зюдекумъ проникнуть ко двору, этотъ день увидитъ паденіе колосса на глиняныхъ ногахъ.

Именно тогда, когда соціаль-демократія доведетъ свою парламентскую дѣятельность до всѣхъ ея логическихъ послѣдствій, рабочіе революціонеры замѣтятъ разницу, которая отдѣляетъ организацію *партіи* отъ организаціи *класса*. Быть можетъ, они почувствуютъ въ этотъ моментъ необходимость воспитать свои организаціи на боевыхъ идеяхъ соціальной борьбы. Дай Богъ, чтобъ демократическая среда совершила когда-нибудь въ Германіи такое же соціалистическое раздробленіе, какое она совершила во Франціи!

Пока, мангеймскій конгрессъ обнаружилъ политическій и теоретическій застой партіи, которая была иниціаторомъ соціализма, но которая въ настоящее время многими другими движеніями отдѣлилась отъ всего пріобрѣтеннаго ею опыта. Вчера, эта партія, до фетишизма вѣрящая во всеобщее избирательное право, была неспособна воспротивиться измѣненіямъ избирательнаго права въ Гамбургѣ и Саксоніи. Сегодня, она теряется предъ всякой новой идеей *и не подозрѣваетъ даже о проблемахъ, которыя выдвигаются въ другихъ мѣстахъ*.

Эта скудость мысли соціаль-демократіи представляется, быть можетъ, еще болѣе поразительной, чѣмъ ея безсиліе въ дѣйствіи. Послѣ ревизіонистскаго кризиса, вызваннаго Бернштейномъ, который съ ясностью обнаружилъ противорѣчія ея теоріи и практики, не проявилось ни одного умственнаго движенія. Появлялись только смѣлыя индивидуальности, какъ нашъ другъ Робертъ Михельсъ и нѣкоторые другіе, какъ, въ другомъ теченіи, Фридебергъ, которые произнесли новыя слова. Но эхо мало или плохо отвѣтило на ихъ голосъ, и соціаль-демократія, умъ которой довольно старъ, мало по мало засыпаетъ на своихъ древнихъ формулахъ.

Къ демократическому обвинительному акту, произнесенному противъ нея Жоресомъ въ Амстердамѣ и остающемуся перманентнымъ актомъ обвиненія, долженъ прибавиться теоретическій обвинительный актъ. Если исто-

рическія условія Германіи, если отсталось ея политическаго режима и объясняютъ въ части запаздываніе нѣмецкаго соціализма, то онѣ не оправдываютъ его. По крайней мѣрѣ, онъ могъ бы быть скромнѣе. Но у него есть ослѣпленіе большихъ царствъ: онъ стоитъ слишкомъ высоко, чтобъ видѣть такъ низко.

II.

Интеллектуальную жизнь совершенно иной интенсивности представляетъ намъ соціализмъ итальянскій. Если дѣятельность партіи фатально похожа на дѣятельность всѣхъ соціалистическихъ партій міра, то, по крайней мѣрѣ, мысль тамъ чутка ко всякимъ новымъ идеямъ. Въ этомъ—характеристика римскаго конгресса. Это была битва идей.

Тѣ же самыя политическія обстоятельства, которыя во Франціи привели къ разложенію соціализма, имѣли мѣсто въ Италіи съ аналогичными послѣдствіями. Соціалисты парламентаристы, издавна раздѣленные на реформистовъ и революціонеровъ, мало по малу слились на практикѣ и вошли въ правительственное большинство по мѣрѣ того, какъ смѣнялись демократическіе министры. Это парламентское вырожденіе итальянскаго соціализма породило двойное реакціонное движеніе: рабочее и умственное. Отсюда и вышло, послѣ неизбѣжныхъ колебаній кризиса и подъ вліяніемъ французскихъ организацій и идей, молодое революціонно синдикалистское движеніе.

Синдикализмъ встрѣтился въ первый разъ съ парламентарнымъ соціализмомъ на бранномъ полѣ. Турати съ юморомъ напомнилъ о ростѣ чудовища: на конгрессѣ въ Имола это былъ еще эмбріонъ, онъ кусался уже на конгрессѣ въ Болоньѣ, и вотъ теперь звѣрь выросъ. Практическая польза ораторскихъ состязаній, затѣянныхъ представителями *реформизма*, *интегрализма* и *синдикализма* была очевидно спорна, и Лабріола позаботился сказать, что говоритъ только для прессы. Но особенное положеніе итальянскаго соціализма сдѣлало эти дебаты

необходимыми. Во Франціи для выясненія принциповъ синдикализма нѣтъ нужды, чтобъ конгрессъ соціалистической партіи обсуждалъ его. Синдикализмъ имѣетъ свою собственную жизнь, онъ существуетъ, дѣйствуетъ, и *Всеобщая Конфедерація Труда* въ достаточной степени опредѣлила его положенія. Въ Италіи молодое движеніе связано еще съ партіей, и именно передъ партіей оно должно было теоретически укрѣпиться. Въ странѣ, гдѣ рабочія массы не достигли еще самосознанія, не надо было позволить ублюдочному интегрализму Ферри или консервативному реформизму Турати захватить *слово* соціализмъ, оставивъ въ сторонѣ тѣхъ, кто имѣетъ въ виду *суть*.

Побѣду *интегрализма* можно было предвидѣть. Это слово странно звучитъ въ ушахъ французскаго соціалиста. Это старый знакомый: *интегральный соціализмъ* является однимъ изъ нашихъ національныхъ продуктовъ. Онъ обозначаетъ смѣшеніе мыслей. Онъ былъ изобрѣтенъ Бенуа Малономъ, самоучкой, который имѣетъ заслугу въ томъ, что много читалъ, но проигрываетъ тѣмъ, что понялъ мало. Объ этомъ интегральномъ соціализмѣ, родѣ невѣроятнаго постоялаго двора идей, въ которомъ безпорядочно навалены самые дикія концепціи, когда-то сказалъ Габріель Девиль, что онъ былъ бы хорошъ для спиритовъ и франкъ-масоновъ. Я не хочу даромъ оскорблять ни франкъ-масоновъ, ни спиритовъ и я не скажу, что итальянскій интегрализмъ достоенъ ихъ. Ибо, если интегральный соціализмъ Молона былъ несвязностью, унитарный интегрализмъ является двойственностью.

Я не знаю, дѣйствительно ли, какъ выразился Лабріола, Ферри —король толпы и „какъ король, безотвѣтственъ“. Но его защита интегрализма обнаруживаетъ странную нелогичность, и резолюція, принятая по его предложенію, представляется самыми экстра ординарными макаронами, какія когда-нибудь приготовилъ итальянскій поваръ. Тутъ есть все: классовая борьба и министеріализмъ, реформизмъ и непримиримость, революція и эволюція, легальность и насиліе, прямая борьба и борьба въ парламентѣ, всеобщая стачка и завоеваніе общественной власти, пр-

вилс и исключеніе. Это—искусство примирить противоположности, согласовать несогласуемое, удовлетворить всѣхъ. Въ своей методѣ Ферри является поистинѣ ловкимъ эквилибристомъ. „Ни на лѣво, ни на право, но впереди себя!"—„Соціализмъ имѣетъ двѣ ноги: одну политическую и другую экономическую".—„Я за реформы противъ реформистовъ и за синдикаты противъ синдикалистовъ".—И т. д. Съ помощью этихъ разсчитанныхъ на эффектъ метафоръ и этихъ фразъ безъ значенія представилъ онъ въ предшествовавшихъ конгрессу дискуссіяхъ *унитарный интегрализмъ*. Онъ использовалъ даже средства, заимствованныя въ картинной торговлѣ Эпиналя.

Первый рисунокъ представлялъ, въ „Аванти", генеалогическое древо итальянскаго соціализма. Сначала, теряющіеся въ землѣ корни и корешки: радикализмъ, марксизмъ, анархизмъ, компаративизмъ, республиканизмъ, затѣмъ, десятилѣтній стволъ, съ перваго конгресса въ Генуѣ въ 1892 году до битвы въ Имолѣ въ 1902 году. Затѣмъ, увеличившееся отъ притока растительныхъ соковъ, дерево расширяется до конгресса въ Болоньѣ въ 1904 году; здѣсь оно выпускаетъ въ стороны два ненормальныхъ нароста: реформизмъ или „радикалоидное вырожденіе" и синдикализмъ или „вырожденіе анархоидное". Болѣзни проходящія! Мы подходимъ къ 1906 году: онѣ исчезли на конгрессѣ въ Римѣ, и стволъ снова сталъ единымъ. Ферри находится въ центрѣ... я хочу сказать интегрализмъ. Послѣ этого все идетъ отлично. Вотъ мы въ 1908 году: дерево, гладкое и безъ вѣтвей, подымается прямо вверхъ. Это „соціализмъ безъ приложенія": соціализмъ объединившихся Ферри и Турати.

Другой рисунокъ показываетъ намъ дорогу, одну изъ этихъ широкихъ, единыхъ и открытыхъ дорогъ. Чувствуется что по ней хорошо ходить: на ней можно слышать звукъ своихъ шаговъ. Но дорога кажется такой красивой только потому, что на право и на лѣво она обставлена двумя дорогами, изрытыми дождевыми потоками, двумя фатальными трясинами, пойти по которымъ не рискнетъ ни одинъ человѣкъ, заботящійся о своей шкурѣ. Догадаться

не трудно: большая дорога это—интегрализмъ, а проклятыя боковыя дороги—реформизмъ и синдикализмъ.

Турати назвалъ этотъ родъ соціализма канатнымъ плясунствомъ. Очевидно, эти дѣтскія шалости не причиняютъ никому вреда, — даже ихъ автору. Надо, однако, надѣяться, что Ферри всегда имѣетъ дѣло только съ односторонними толпами. Только онѣ могутъ повѣрить, что достаточно все влить въ одну бутылку, написать: единеніе и взбалтывать передъ употребленіемъ. И все это, чтобъ скрыть позорный реформизмъ, уродливость котораго обнажается, когда съ интегрализма срываютъ его завѣсу!

Непримиримость?.. А систематическая поддержка, обѣщанная, еще до рожденія, министерству Сонино? А пунктъ, который въ ферристской резолюціи заявляетъ, что при выборахъ и въ парламентѣ непримиримость есть правило, а оппортунизмъ — исключеніе? — Революція?... А резолюція интегралистовъ, удѣляющая соціализму „процессъ градаціи“? Но намъ заявляютъ, что соціализмъ пользуется только „легальными средствами“?. И. т. д., и т. д.

Народная довѣрчивость безгранична. Кажется, что достаточно, чтобъ завербовать массу, покрыть многозначительными словами самыя низменныя дѣйствія. Фактъ, выведенный изъ опыта, что классовой борьбѣ нечего дѣлать на выборахъ или въ парламентѣ: поле ея дѣятельности въ другомъ мѣстѣ. Зачѣмъ говорить съ этой ложкой скромностью объ избирательныхъ или парламентскихъ союзахъ, которые составляютъ *законъ партій*? Развѣ они будутъ менѣе дѣйствительны, если ихъ скроютъ подъ революціонной фразеологіей? Развѣ въ дѣйствительности *нормальная роль* соціалистическихъ партій заключается въ участіи въ текущей жизни политической демократіи? Почему парламентскія комбинаціи, которыя поддерживали Цанарделли, Джіолитти, Сонино были болѣе предосудительны, чѣмъ избирательныя комбинаціи, при помощи которыхъ были выбраны Турати и Ферри отчасти мелкими буржуа?

Заслуга *реформизма* въ томъ, что онъ говоритъ

откровенно. Слова и акты реформистовъ согласуются, слова и акты интегралистовъ не согласуются, вотъ все, что ихъ раздѣляетъ. „Мы сходимся на томъ, говорилъ на конгрессѣ Турати, что между интегрализмомъ и реформизмомъ нѣтъ разницы". И Прамполини подтвердилъ это торжественнымъ образомъ, заявивъ, что реформисты будутъ подавать голоса за резолюцію Ферри. Лабріола сказалъ до нихъ въ своей рѣчи: „За интегрализмомъ вы найдете только реформизмъ и за классовой борьбой только опытъ сотрудничества классовъ".

Но надо думать, что революціонный султанъ необходимъ всякому вождю партіи, разъ самъ Турати, чистота котораго такъ сильна иногда, почувствовалъ необходимость покраснѣть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей реформистской рѣчи. Онъ заявилъ, что готовъ лучше отдать свою жизнь, чѣмъ уступить медаль съ изображеніемъ Маркса, которую онъ носитъ. Онъ почти далъ понять, что *Коммунистической манифестъ* составляетъ его Евангеліе.

Оставивъ въ сторонѣ эти ораторскіе пріемы, Турати ясно опредѣлилъ, чѣмъ могла бы быть въ Италіи соціалистическая партія. Когда начинаютъ преслѣдовать постепенное сокращеніе нужды, когда требуетъ отъ современнаго общества, чтобъ оно преобразовалось, можно ли достигнуть успѣха безъ поддержки сосѣднихъ партій и помощи власти? Болѣе того, могъ онъ прибавить, имѣя въ виду только улучшеніе итальянской демократіи, борьбу противъ феодализма и клерикализма, развѣ соціалистическая партія не предназначена спеціально для этой роли политическаго авангарда? И дѣйствительно, не въ этомъ послѣднемъ пунктѣ имѣемъ мы право критиковать соціалистическую партію: только тогда, когда она претендуетъ, что это *демократическое дѣло*—еще разъ, необходимое—является *дѣломъ революціоннымъ* и что она ставитъ его подъ покровительство классовой борьбы.

Въ итальянской демократической монархіи соціалистическая партія можетъ играть большую роль. И въ этомъ вопросѣ одинъ отрывокъ изъ заявленій Турати по-

казываетъ намъ, насколько въ различныхъ странахъ *формально* варіируются точки зрѣнія соціалистическихъ партій. Турати отказывается бороться съ монархіей въ пользу буржуазной республики и утверждаетъ извѣстный принципъ безразличія политическихъ формъ. Это то же, что во Франціи, одно время, по крайней мѣрѣ, говорилъ Гэдъ противъ Жореса, который находилъ въ опасностяхъ, избѣгнутыхъ Республикой, оправданіе ея правительственной политики. Такимъ образомъ, слѣдовательно, соціалистическая партія склонна къ монархизму въ Италіи и республикализму во Франціи. Я вижу здѣсь только фактическое, но ни какъ не теоретическое противорѣчіе. Соціалистическія партіи дѣйствуютъ въ рамкахъ существующаго строя. Они преслѣдуютъ опредѣленную цѣль, достигнуть которой они могутъ только соединившись съ другими политическими партіями на той же почвѣ, которая представляется этимъ строемъ. Я не знаю, что соціалисты Германіи, Бельгіи, Даніи, Голландіи и всѣхъ монархическихъ странъ ведутъ систематическую пропаганду противъ династическаго принципа. Они принимаютъ фактъ и подчиняются ему безъ дальнихъ церемоній.

Это принятіе факта, эмпирическое использованіе средствъ дѣйствія, свойственныхъ буржуазному міру, все болѣе и болѣе будетъ характеризовать фатальный реформизмъ итальянской соціалистической партіи, какъ и всѣхъ соціалистическихъ партій. Какъ же имъ поступить иначе, разъ они дѣйствуютъ въ средѣ того общества, противъ котораго борются? Можно понять, въ виду банкротства парламентскаго революціонаризма, эволюцію такихъ людей, какъ Турати. Когда факты ежедневно опровергаютъ теоріи, когда цѣлые годы были посвящены напрасной пропагандѣ, когда моральное воспитаніе и реальная организація рабочаго класса подвинулись впередъ не болѣе, какъ на скачекъ блохи, наступаетъ время, когда заблужденія вызываютъ разочарованіе. Люди удовлетворяются маленькой ежедневной работой, починяютъ то, чего не могли разрушить.

Этотъ скептицизмъ, столь свойственный многимъ

борцамъ, давно отдавшимся борьбѣ, имѣетъ несомнѣнно реальное основаніе. Онъ происходитъ отъ ложнаго почитанія соціалистскаго парламентаризма, и естественно, что тѣ, которые слишкомъ надѣялись, впадаютъ въ отчаяніе. Но признаніе безсмысленности избирательнаго революціонаризма можетъ повлечь за собою и другое положеніе. Сознаніе трудностей, которыя надо преодолѣть, если разбиваетъ волю однихъ, пробуждаетъ мужество въ другихъ. Синдикалисты не отрицаютъ огромной несоразмѣрности, которая существуетъ между актуальными возможностями и достигнутыми осуществленіями. Они просто соразмѣряютъ усиліе съ величиной задачи. Если пролетаріатъ хочетъ поднять міръ, то это удается ему только цѣною тяжелыхъ жертвъ и горькихъ испытаній. И сомнѣніе было бы законнымъ, еслибъ соціалистическая мечта не представлялась, когда подумаешь объ этомъ, настолько грандіозной, что она должна поднять до высоты массы, увѣровавшія въ нее.

Но не соединяясь съ буржуазнымъ міромъ—хотя бы ему предстояли серьезныя выгоды,—достигнетъ пролетаріатъ этого подъема индивидуальныхъ силъ, который сдѣлаетъ его способнымъ на великіе героическіе акты. Противоположность рабочаго соціализма и соціализма парламентскаго въ Италіи обнаружилась на томъ впечатлѣніи, которое было произведено, на римскомъ конгрессѣ, заявленіемъ Лабріолы, что мало важно, по существу, если рабочіе трудятся на полъ-часа больше.

Онъ хотѣлъ сказать, что *цѣль соціализма не въ этомъ*. Улучшеніе участи рабочихъ въ капиталистическомъ обществѣ, не содержитъ *само по себѣ* ничего соціалистическаго. Какой демократъ или либеральный буржуа не желаетъ теперь исправить зло, вызванное крупной промышленностью? Соціализмъ состоитъ въ другомъ: онъ состоитъ въ организаціи рабочаго возстанія противъ общества, раздѣленнаго на хозяевъ и рабовъ. Дѣло идетъ не о томъ, чтобъ приготовить для пролетаріата удобное мѣсто въ капиталистическомъ строѣ, а о томъ, чтобъ разрушить этотъ строй отъ основанія и до вершины. Съ

этой точки зрѣнія соціализмъ меньше занимается интересами настоящаго, чѣмъ интересами будущаго или вѣрнѣе, *онъ защищаетъ интересы настоящаго постолько, поскольку они обезпечиваютъ интересы будущаго*

Реформизмъ видитъ въ реформѣ только реформу. Онъ считается только съ достигнутымъ матеріальнымъ результатомъ, каковъ бы ни былъ способъ его достиженія. Турати заявилъ это: онъ пойдетъ, если понадобится, къ папѣ и къ королю, чтобъ повысить заработную плату на пятьдесятъ сантимовъ. Это будетъ, можетъ быть, поступокъ, который сдѣлаетъ *доброе дѣло* для итальянскаго пролетаріата, но это будетъ *дурное дѣло* для соціализма. Такъ понятная, рабочая борьба, вся проникнутая буржуазнымъ духомъ, имѣетъ уже не большее значеніе для историческаго будущаго, чѣмъ удачная спекуляція, результатъ ловкихъ уступокъ, сдѣланныхъ той или иной группой капиталистовъ. Отличіе будетъ заключаться только въ томъ, что демагоги будутъ привѣтствовать успѣхъ „бѣдныхъ“ и отрицать успѣхъ „богатыхъ“.

Ферри думалъ, что одержалъ побѣду, когда въ опроверженіе словъ Лабріолы указалъ на компанію за восьмичасовой рабочій день, предпринятую *Всеобщей Конфедераціей Труда*. Да позволитъ намъ Ферри сказать ему: онъ ничего не понялъ во французскомъ движеніи. Цѣль *Конфедераціи* состоитъ въ объединеніи рабочаго класса, въ томъ, чтобъ заставить его перейти изъ состоянія разрозненности въ состояніе связанности, вызвать въ немъ самосознаніе, конституировать его, однимъ словомъ въ опредѣленный классъ. Пропаганда восьми часовъ давала рѣдкую платформу для этого дѣла объединенія въ томъ смыслѣ, что весь пролетаріатъ оказывался лицомъ къ лицу съ конкретнымъ требованіемъ, которое онъ могъ легко понять и которое должно было увлечь его въ общее движеніе. Въ борьбѣ за восемь часовъ часто забывали восемь часовъ, думая только о борьбѣ. Реформисты, которые все мѣрятъ по вѣсу матеріальныхъ результатовъ, сообразно торговой нормѣ, нашли незначительными завоеванныя пріобрѣтенія. Въ дѣйствительности, онѣ были

незначительными главнымъ образомъ тамъ, гдѣ рабочіе, удерживаемые реформистскими синдикатами, приняли буквально ничтожное или незначительное участіе въ общей пропагандѣ. Но не въ этомъ дѣло. Былъ ли достигнутъ результатъ, къ которому стремились, то есть утвержденіе рабочаго класса какъ объединеннаго цѣлаго? Факты отвѣтили. Никогда раздѣленіе классовъ не принимало во Франціи такой ясной внѣшней формы и никогда чувство солидарности не было столь глубокимъ въ сердцѣ пролетаріата.

Турати былъ правъ: въ Италіи существуетъ теперь двѣ партіи, парламентскій соціализмъ и синдикализмъ. Въ этомъ—большое значеніе римскаго конгресса: отнынѣ — и не дожидаясь 1908 года, обозначеннаго въ рисункѣ „Аванти“—оффиціально не существуетъ ни реформистовъ, ни интегралистовъ: *существуетъ только одна парламентская, государственная и легальная соціалистическая партія.* Я не думаю, чтобъ синдикалисты, *рабочій, экономическій и революціонный соціализмъ* которыхъ выявилъ Лабріола со свойственнымъ ему страстнымъ краснорѣчіемъ, ждали отъ этой партіи чего-либо иного, чѣмъ то, что она можетъ дать. Надо надѣяться, для торжества правды, для побѣды демократіи въ Италіи, что ея эволюція совершится ясно и безпрепятственно. Если итальянскій ко.олевскій домъ прозорливъ, а извѣстны демократическія чувства короля Виктора-Эмануила III, онъ сможетъ управлять вмѣстѣ съ соціалистической партіей.

Но это будетъ *соціалистическая партія безъ соціализма*, по выраженію нашего друга Паннунціо. Соціализмъ сможетъ существовать только въ томъ случаѣ, если революціонныя организаціи пролетаріата воспримутъ его. Итальянскіе синдикалисты должны выполнить трудную задачу. Необходимо, чтобъ синдикализмъ былъ меньше „историческимъ учрежденіемъ“ и сталъ бы все болѣе и болѣе органической реальностью. Если изъ ядра современнаго синдикализма не выйдетъ рабочее движеніе подобное *Всеобщей Конфедераціи Труда*, ложный инте-

гралізмъ Ферри одержитъ побѣду, и итальянскій пролетаріатъ поплыветъ по теченію.

Будущее покажетъ, соберутся ли вокругъ этого ядра новыя силы. Но кажется, что присущія итальянской средѣ условія благопріятствуютъ подобному движенію. Революціонный идеализмъ традиціоненъ въ Италіи: національная исторія наполнена столкновеніями и битвами, которыя отмѣтили развитіе расы. Инстинктъ возмущенія не исчезъ. Болѣе того, мы находимся въ странѣ, которая всегда знала общественныя учрежденія внѣ-государственнаго происхожденія и съ независимымъ характеромъ. Разрывъ между Государствомъ и рабочимъ міромъ можетъ, слѣдовательно, легче принять единственную форму, въ которую онъ долженъ облечься, форму ряда автономныхъ организацій.

III.

Рабочій соціализмъ нашелъ во Франціи, по меньшей мѣрѣ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, исключительно благопріятную среду. Широкій демократическій режимъ, дающій возможность какъ самымъ крайнимъ, такъ и самымъ умѣреннымъ партіямъ брать въ свои руки власть, произвелъ здѣсь дифференціацію—отрицаемую традиціоннымъ формуляромъ — между парламентарнымъ соціализмомъ и синдикализмомъ, или вѣрнѣе, между *организмомъ партіи* и *организмомъ класса*.

Это разложеніе французскаго соціализма произошло съ изумительной ясностью. Въ началѣ, соціалистическая партія являлась партіей классовой и революціонной. Она рѣшила пренести образуемый рабочимъ классомъ *экономическій блокъ* на избирательную и парламентскую сцену, чтобъ произвести соціальную революцію. Но практика стала въ противорѣчіе съ теоріей. На дѣлѣ, она стала не *рабочей партіей*, а *партіей народной*, обращаясь сразу ко всѣмъ классамъ, несомнѣнно угнетеннымъ, но имѣющимъ радикально противорѣчивые интересы: промышленному пролетаріату, мелкому крестьянству, мелкой

буржуазіи. Программа ея сдѣлалась пестрой, какъ и вся кліентура, которую она пріискивала, и изъ которой одни настаивали на полномъ коллективизмѣ, тогда какъ другіе останавливались на *коллективизмѣ частичномъ*.

Болѣе того, участіе въ выборахъ и парламентская жизнь привела ее къ тому, что она обнаружила свой все болѣе и болѣе демократическій и все менѣе и менѣе революціонный характеръ: она должна была заключить союзы, постоянные или временные, открытые или скрытые, съ сосѣдними партіями и принять прямое или косвенное участіе во власти. Необходимая поддержка радикальныхъ министерствъ какъ „революціонерами", такъ и „реформистами" партіи, участіе въ правительствѣ многихъ изъ ея самыхъ видныхъ дѣятелей, какъ Мильеранъ, Бріанъ и Вивіани, повторенный опытъ завладѣнія крупными городскими муниципалитетами, всѣ эти факты показали въ истинномъ свѣтѣ природу и роль парламентарнаго соціализма. Въ настоящее время уже больше не оспаривается, что соціалистическая партія подобна другимъ партіямъ по своей сущности и своей цѣли: какъ и тѣ, она хочетъ захватить власть и использовать для своихъ собственныхъ цѣлей машинную систему Государства.

Взаимоотношенія между соціалистической партіей и синдикатами подверглись слѣдствію этой эволюціи. Въ началѣ, когда соціализмъ, казалось, заключался цѣликомъ въ политическихъ партіяхъ, на синдикаты смотрѣли какъ на низшіе организаціи: ихъ считали неспособными притти самостоятельно къ соціалистической концепціи и отъ нихъ требовалась только поддержка избирательныхъ группъ партіи. Эта отдача подъ опеку рабочихъ организацій была доведена „Французской рабочей партіей" Гэда до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Видя предъ собою только умѣренные синдикаты, Гэдъ заключилъ изъ этого, что всякій синдикатъ фатально умѣренъ. Онъ понималъ соціализмъ какъ дѣло политиковъ, *обладающихъ довѣріемъ рабочаго класса и пользующихся традиціонными средствами завоеванія Государства*. Его соціализмъ былъ

соціализмомъ избирателей, а не *соціализмомъ производителей*. Отсюда, слѣдовательно, и вытекало, что политическимъ комитетамъ онъ отдавалъ первое мѣсто, а экономическимъ установленіямъ—послѣднее. Всѣмъ извѣстна исторія „Національной Федераціи синдикатовъ", которая была учреждена „Французской рабочей партіей", но, вслѣдствіе отсутствія всякой автономной жизни, скоро перестала существовать. Какъ же могло быть иначе? Гэдъ и его друзья сводили синдикализмъ къ чистому *корпоратизму*, они не придавали ему никакого политическаго значенія и „борьбу класса" сводили къ образованію избирательныхъ клубовъ и завладѣнію парламентскими и муниципальными мѣстами.

Оппозиція противъ этого избирательнаго соціализма, который плохо скрывало весьма, однако, внушительное революціонное словоизверженіе, велась разомъ альманистами и анархистами. Альманисты указывали на раздраженный парламентаризмъ гэдистской фракціи, ея ненависть къ синдикатамъ, ея презрѣніе къ экономической основѣ соціализма. Они не отказывались однако, отъ *существа партіи*, они продолжали вставлять соціализмъ въ рамки *организаціи партіи*, но ихъ партія должна была имѣть своей основой синдикаты и быть исключительно рабочей: она стала даже *манюэлистской*. Анархисты, относясь отрицательно къ какому бы то ни было употребленію избирательныхъ бюллетеней, скоро присоединились къ альманистамъ, чтобы бороться съ парламентарнымъ соціализмомъ Гэда. Они, главнымъ образомъ, входили въ синдикаты, чтобы воспользоваться окончательной потерей довѣрія къ гэдизму и предпринять среди нихъ еще болѣе энергичную пропаганду противъ избирательной дѣятельности.

Объединили альманистовъ и анархистовъ противъ соціалистическаго парламентаризма Биржи Труда. Эта антипарламентаристская реакція имѣла одинъ положительной результатъ: она направила рабочіе союзы по пути революціоннаго синдикализма. *Федерація Биржъ Труда* сдѣлалась очагомъ новыхъ стремленій. Она не выста-

вила отвлеченной критики завоеванія общественной власти, которое считалось альфой и омегой соціализма; но она стянула всю революціонную дѣятельность къ выработкѣ установленій близкихъ рабочему классу, развивающихся внѣ государства и въ противорѣчіи съ нимъ. Соціализмъ уже не разсматривался болѣе какъ *избирательное движеніе рабочихъ массъ подъ предводительствомъ политическихъ вождей*: онъ сталъ *совокупностью экономическихъ созиданій, присущихъ пролетаріату*. Дѣло не шло болѣе о перемѣнѣ личнаго состава правительства, о замѣщеніи буржуазныхъ министровъ министрами соціалистами или взятіи штурмомъ государственной системы, но о подорваніи до ея разрушенія силы центральной власти, объ отобраніи у традиціонныхъ политическихъ и административныхъ учрежденій ихъ правъ и передачѣ этихъ правъ рабочимъ организаціямъ. Борьба была перенесена на другую почву; это было совершенно иная проблема, чѣмъ знаніе, нужно ли *вотировать или не вотировать*: соціализмъ пролетарскихъ учрежденій рѣзко противопоставлялся соціализму избирательныхъ урнъ.

Отдѣленіе синдикальнаго движенія отъ политическихъ партій не было, слѣдовательно, только чистой и простой реакціей рабочихъ сферъ противъ раздѣленія соціалистическихъ фракцій. Вліяніе этихъ соперничествъ несомнѣнно проявилось въ этомъ смыслѣ, но это было только второстепенной причиной разрыва между соціалистами и синдикалистами. Основа разрыва заключалась въ *противорѣчивой сущности соціализма*: соціалисты пользовались буржуазными средствами и вели свою партію къ овладѣнію Государствомъ и муниципалитетами; синдикалисты составляли, предъ лицомъ государственнаго организма, корпусъ новыхъ учрежденій, кореннымъ образомъ противоположныхъ учрежденіямъ капиталистическимъ.

Говоря правду, ни въ *Федераціи Биржъ Труда*, ни въ первой *Всеобщей Конфедераціи Труда* эти синдикалистскія идеи не всегда проявлялись съ такой ясностью. Вліяніе стараго анархизма на дѣятелей рабочихъ, которые ненавидѣли соціалистическій парламентаризмъ, привело

къ тому, что то, что можно назвать *пре-синдикализмомъ*, часто тонуло въ антипарламентаристской пропагандѣ анархизма. Проникая въ синдикаты, анархисты, въ общемъ, преслѣдовали ту же цѣль, которой они попрекали гэдистовъ: пользоваться рабочими организаціями для своей частной дѣятельности. *Не вотировать!* Этотъ лозунгъ надѣялись анархисты заставить, при посредствѣ синдикатовъ, принять пролетаріатъ.

Синдикальные союзы оторвались отъ соціалистической политики только для того, чтобы попасть въ политику анархистскую. Какъ бы пародоксально ни могло показаться это утвержденіе, можно сказать, что дѣйствуя подобнымъ образомъ одни и другіе, соціалисты—парламентаристы и анархисты анти-парламентаристы, становились на одну и ту же почву: парламентаризмъ. И тѣ, и другіе видѣли въ *рабочемъ* только *избирателя*. Если они препирались изъ-за членовъ синдикатовъ, то только, первые—чтобъ вести ихъ къ урнѣ, вторые—чтобъ ихъ отвлечь отъ нея. Но не болѣе, чѣмъ соціалисты, анархисты не признавали за синдикатами собственнаго независимаго отъ ихъ личной политики, значенія.

Очутившись между этими двумя непримиримо враждебными теченіями, синдикальное движеніе сильно рисковало остаться навсегда раздѣленнымъ. Грифюэль напомнилъ, на конгрессѣ въ Амьенѣ, что синдикализмъ дѣйствительно окрѣпъ только съ того дня, когда синдикальному движенію пришлось поддержать труднѣйшую борьбу противъ демократическаго министерства Вальдекъ—Руссо—Мильерана. Борьба противъ Государства—при чемъ власть въ этомъ Государствѣ принадлежала частью соціалистамъ парламентаристамъ,—облеклась въ конкретную форму, и синдикаты и Биржи Труда стали для рабочаго класса естественными органами его собственной борьбы. Съ тѣхъ поръ рабочіе анархисты и рабочіе соціалисты объединились для борьбы противъ мирной политики власти. Они положили конецъ своимъ спорамъ объ избирательномъ бюллетенѣ и объединились на почвѣ

общихъ революціонныхъ стремленій, нашедшихъ, наконецъ, свою нормальную рамку въ синдикатѣ.

Съ тѣхъ поръ, пунктъ устава *Всеобщей Конфедераціи Труда*, выставляющій какъ принципъ *нейтральность* конфедеральнаго организма по отношенію къ партіямъ и политическимъ направленіямъ пересталъ быть формулой и перешелъ въ дѣйствительность. Нейтральность? Необходимо точное опредѣленіе.

Существуетъ два рода пониманія нейтральности синдикатовъ. Можно разсматривать ее, по образцу англійскихъ трэдъ-уніоновъ, въ строго *корпоративномъ* смыслѣ. Такъ понимаетъ ее Гэдъ: онъ ставитъ на равную доску *желтые синдикаты* и *красные синдикаты* и причисляетъ тѣхъ и другихъ къ *корпоративному* цѣлому. Представленное въ исключительно профессіональной формѣ, синдикальное движеніе остается въ рамкахъ капиталистическаго общества, примѣняясь къ его законамъ и ни чѣмъ не отличаясь отъ всѣхъ организацій, преслѣдующихъ матеріальныя цѣли. Но учрежденія оцѣниваются по ихъ духовному содержанію: они имѣютъ то значеніе, которое даютъ имъ лица, въ нихъ находящіяся. Существуетъ второй способъ сужденія о нейтральности синдикатовъ, соотвѣтствующій сущности французскаго синдикализма. Нейтральность по отношенію къ *политикѣ внѣшней для пролетаріата* не значитъ еще, что пролетаріатъ не имѣетъ *своей собственной политики*. Отказъ отъ политики парламентскаго соціализма и отъ политики антипарламентскаго анархизма не значитъ еще, что не существуетъ *синдикалистской политики*.

На это формально было указано конгрессомъ въ Буржѣ, въ 1904 году. Синдикализмъ, въ первый разъ утвердившійся во всей своей широтѣ, не имѣлъ въ виду объединить, во имя простой защиты профессіональныхъ интересовъ, рабочихъ всѣхъ убѣжденій, принадлежатъ ли они къ *желтымъ* или *краснымъ*. Онъ ясно указывалъ, что объединяетъ пролетаріевъ *для свержснія капиталистическаго строя*. Если онъ возсталъ противъ демократическаго Государства и отдѣлился отъ соціалисти-

ческихъ или анархистическихъ теорій, то не для того, чтобъ освободить себя отъ всякой идеи, но чтобы выявить *свою собственную идею. Не парламентскимъ и не антипарламентскимъ, а внѣпарламектскимъ*, т. е. переносящимъ свое движеніе на исключительно экономическую почву,--вотъ какъ опредѣлилъ себя синдикализмъ въ Буржѣ.

Именно это утвержденіе *классовой политики*, прямо формулированное самимъ рабочимъ классомъ, и составляетъ весь синдикализмъ Что это означаетъ? Соціалистическія партіи тоже говорятъ о классовой политикѣ. Конечно; но именно здѣсь обнажается разница между парламентскимъ соціализмомъ и синдикализмомъ. Дѣйствительно, ясно, что классовая политика можетъ исходить только отъ классовой организаціи. Но то, что составляетъ классъ, есть совокупность очень ясныхъ экономическихъ особенностей. Соціалистическая партія не имѣетъ ни одной изъ этихъ особенностей: какъ у всякой партіи, у нея нѣтъ экономической базы, а существуетъ только идеологическій фундаментъ. Она имѣетъ дѣло только съ *избирателемъ*, отвлеченнымъ человѣкомъ демократіи, котораго она оспариваетъ у другихъ партій, и который находится внѣ раздѣленія общества на классы: въ дѣйствительности, избиратели, которыхъ она объединяетъ, принадлежатъ къ самымъ различнымъ классамъ. Синдикализмъ дѣйствуетъ совершенно иначе. Онъ видитъ въ *рабочемъ* только *производителя*, конкретнаго человѣка экономической жизни, который тѣмъ самымъ входитъ въ составъ рѣзко опредѣленнаго класса. Въ этомъ основа синдикализма и этимъ самымъ объясняется его революціонное значеніе. *Разрывъ между буржуазнымъ обществомъ и рабочимъ движеніемъ происходитъ въ дѣйствительности только на почвѣ производства.* Именно въ качествѣ *производителя* промышленный рабочій возмущается противъ капиталистической системы производства и того соціальнаго порядка, который имъ порожденъ; равнымъ образомъ въ качествѣ *производителя* онъ создаетъ новыя учрежденія, свергая традиціонныя системы морали и права.

Представители стараго парламентскаго соціализма возстали противъ этого желанія синдикатовъ пользоваться собственными силами и осуществить соціальное преобразованіе внѣ рамокъ политическаго Государства. Они объявили прямую борьбу, всеобщую стачку и антимилитаризмъ анархистскими идеями, и Гэдъ съ безпримѣрнымъ усердіемъ сталъ нападать на *Всеобщую Конфедерацію Труда*. Борьба между соціалистической партіей и синдикальнымъ движеніемъ приняла новую остроту, и этотъ антагонизмъ вызвалъ большіе дебаты на амьенскомъ конгрессѣ.

Гедистская фракція, непоколебимая въ своихъ формулахъ и своихъ пріемахъ, не нашла ничего лучшаго, чтобъ укротить *Всеобщую Конфедерацію Труда*, какъ взять ее хитростью и внести раздоръ въ ея среду. При посредствѣ Текстильной федераціи, подпавшей подъ ея опеку, соціалисты-гэдисты Сѣвера настояли на внесеніи въ рѣшенія амьенскаго конгресса установленіе постоянныхъ или временныхъ сношеній между національнымъ совѣтомъ соціалистической Партіи и конфедеральныъ комитетомъ Конфедераціи Труда. Не надѣялись ли они такимъ образомъ поднять снова старые дебаты по давно уже исчерпанному вопросу и провоцировать разложеніе синдикалистскаго организма? Делегаты Текстильной федераціи оправдывались въ этомъ, но существуетъ документъ, который, повидимому, показываетъ, что у нихъ какъ разъ не было мирныхъ намѣреній. То же самое предложеніе было, въ дѣйствительности, сдѣлано ими соціалистической Партіи, чтобъ она разсмотрѣла его на своемъ конгрессѣ въ Лиможѣ, и докладъ, формулировавшій это предложеніе, былъ переполненъ угрозами по адресу Конфедераціи Труда: *Въ случаѣ отказа Конфедераціи Труда*, говорится тамъ, *это необходимое соглашеніе должно быть проведено или локально, между синдикатами каждой коммуны и секціей Партіи, или департаментально, между синдикатами каждаго департамента и федераціей Партіи.* Но развѣ это не значило аттаковать основу того, чему нельзя было попасть въ голову?

Амьенскій конгрессъ сорвалъ маску съ этой попытки дезорганизаціи. Единогласно онъ отвергъ предложеніе Текстильной Федераціи и еще разъ подтвердилъ, что синдикальное движеніе желаетъ быть самостоятельнымъ и дѣйствовать своими собственными силами. Можно сказать, что пораженіе гэдистовъ знаменуетъ конецъ традиціоннаго соціализма, который считалъ синдикаты и соціалистическую Партію двойнымъ воплощеніемъ рабочаго класса. Это согласіе между всѣми представителями организованнаго пролетаріата, какъ „реформистами", такъ и „революціонерами", является рѣшительнымъ событіемъ, полагающимъ предѣлъ лжи, которая хотѣла, чтобы элементы, находящіяся въ соціалистической Партіи и въ синдикатахъ, были бы *однимъ и тѣмъ-же классомъ*. Такія неправдоподобности можно разсказывать на избирательномъ съѣздѣ, гдѣ буржуазные соціалисты имѣютъ о дну заботу—убѣдить рабочихъ, что они ихніе. Но синдикалистскій конгрессъ знаетъ хорошо цѣну политическому клубу, даже соціалистическому, гдѣ собраны вмѣстѣ хозяева, мелкіе буржуа, доктора, адвокаты, журналисты, чиновники, полицейскіе коммиссары и т. д... и т. д.. Малѣйшій жизненный опытъ опровергаетъ софизмъ отождествляющій рабочій классъ съ соціалистической партіей.

Это, конечно, не ново, и можно сказать, что амьенскій конгрессъ только подтвердилъ буржскій конгрессъ. Безусловно; но послѣ двухъ лѣтъ борьбы и организаціи, идеи представляются, тѣмъ не менѣе, болѣе опредѣленными и ихъ формулировка болѣе сильной. Буржскій конгрессъ былъ *конгрессомъ утвержденія*; амьенскій конгрессъ былъ конгрессомъ *выясненія*.

Прямая борьба, блестящей иллюстраціей которой было движеніе за восемь часовъ и за воскресный отдыхъ, *всеобщая стачка*, которая символизируетъ личное усиліе рабочаго класса совершить соціальное преобразованіе, не нашли уже болѣе своихъ традиціонныхъ противниковъ; послышалось только нѣсколько робкихъ протестовъ. Синдикалисты реформисты, увлеченные движеніемъ, бо-

лѣе или менѣе согласились съ революціоннымъ синдикализмомъ, и резолюція, предложенная Грифюэлемъ, была принята почти единогласно [1]).

[1]) Вотъ текстъ этой резолюціи:

„Конфедеральный конгрессъ въ Аменьѣ потверждаетъ вторую статью статута Всеобщей Конфедераціи Труда, которая гласитъ:

„Всеобщая Конфедерація Труда объединяетъ, вн! всякихъ политическихъ партій, всѣхъ сознательныхъ рабочихъ для борьбы за уничтоженія наемнаго труда и предпринимательства (patronat).

„Конгрессъ полагаетъ, что это заявленіе есть признаніе классовой борьбы, которая противопоставляетъ рабочихъ, борющихся со всѣми формами насилія и эксплуатаціи,—какъ матеріальной, такъ и духовной,—капиталистическому классу.

„Конгрессъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы изъ этого общаго теоретическаго положенія:

„Въ повседневной борьбѣ за освобожденіе, синдикализмъ преслѣдуетъ согласованіе рабочихъ силъ, увеличеніе благосостоянія трудящихся путемъ осуществленія непосредственныхъ улучшеній, каковы: уменьшенія рабочихъ часовъ, увеличеніе заработной платы и т. п.

„Но это является только одною стороною дѣятельности синдикализма. Онъ подготовляетъ полное освобожденіе трудящихся, возможное лишь путемъ осуществленія экспропріаціи капиталистовъ; онъ пропагандируетъ въ качествѣ способа дѣйствія всеобщую стачку и полагаетъ, что синдикатъ, въ настоящее время являющійся группировкою рабочихъ въ цѣляхъ сопротивленія (groupement de résistance), будетъ въ грядущемъ производительной и распредѣлительной группой, основой соціальнаго переустройства.

„Конгрессъ заявляетъ, что эта двойная дѣятельность и текущаго дня, и будущаго вытекаетъ изъ самаго положенія наемныхъ рабочихъ, которое давитъ на рабочій классъ и которое всѣмъ рабочимъ,—каковы бы ни были ихъ политическія и философскія убѣжденія или тенденціи,—вмѣняетъ въ долгъ принадлежать къ той основной группировкѣ, которою является синдикатъ.

„Какъ слѣдствіе изъ этого по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, конгрессъ провозглашаетъ полную свободу для синдикалиста участвовать, внѣ корпоративной группировки, въ тѣхъ или иныхъ формахъ борьбы, соотвѣтствующихъ его философскому или политическому міровоззрѣнію, и ограничивается лишь тѣмъ, что проситъ его, взамѣнъ этого, не вносить въ синдикатъ тѣ мнѣнія, которыхъ онъ держится извнѣ.

Гэдисты обвиняли главнымъ образомъ Конфедерацію Труда въ томъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ она ведетъ анархистскую политику. Доказательства ихъ состояли въ томъ, что многіе члены Конфедераціи имѣютъ анархистическій образъ мыслей. Однако, они забываютъ, что гораздо большее число членовъ Конфедераціи исповѣдывало прежде соціализмъ. Не здѣсь мѣсто точно опредѣлить существенное отличіе синдикализма отъ анархизма, это съ большою ясностью и точностью сдѣлала анархистская печать послѣ амьенскаго конгресса. Амьенскій конгрессъ, чтобы твердо установить свою позицію, принялъ тѣ же резолюціи, которыя были вынесены на прежнихъ рабочихъ съѣздахъ и еще разъ объявилъ, что синдикализмъ не знаетъ избирателей той или другой политической партіи, ни приверженцевъ той или другой религіозной или философской вѣры.

Свободный отъ всякаго внѣшняго вліянія, въ сознаніи полной необходимости самостоятельной самодовлѣющей дѣятельности, синдикализмъ опредѣлился на амьенскомъ конгрессѣ какъ *политическое движеніе рабочаго класса*, вызывая этимъ самыя живыя обвиненія. Секретарь федеральнаго металлургическаго союза, гражданинъ Лятапи произнесъ во время дебатовъ слѣдующія слова: „Сказано было много, какъ будто бы здѣсь были только соціалисты или анархисты. Забываютъ, что прежде всего здѣсь синдикалисты! *Синдикализмъ—это новая соціальная теорія*. Синдикализмъ—не только насущная реформаторская дѣятельность; необходимое послѣдствіе дѣятельности синдикатовъ—полное соціальное переустройство. Поэтому то, и мы дѣлаемъ политику, но не политику выборную, *а политику въ широкомъ смыслѣ этого*

„По отношенію же къ организаціямъ, конгрессъ заявляетъ, что для того, чтобы синдикализмъ произвелъ максимумъ своего дѣйствія, экономическая дѣятельность должна направляться непосредственно противъ класса предпринимателей, и конфедеральныя организаціи не должны, поскольку онѣ являются синдикальными группировками, обращать вниманія на партіи и секты, которыя внѣ и съ боку могутъ преслѣдовать вполнѣ свободно цѣли соціальнаго преобразованія".

слова. Объ этой новой доктринѣ синдикализма конгрессъ долженъ будетъ высказаться. Необходимо, чтобы члены конгресса сказали свое слово; необходимо сказать, что эта доктрина представляется независимой ни отъ соціализма, ни отъ анархизма.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы найти классовое движеніе въ болѣе чистомъ видѣ и пролетаріатъ болѣе сознательно первавшій со всѣмъ, что чуждо рабочему міру.

IV.

Амьенскій конгрессъ, послѣдовавшій за Мангеймскимъ и Римскимъ, доказалъ, до какой степени развитія дошелъ рабочій соціализмъ во Франціи. Синдикализмъ въ настоящее время находится въ первой стадіи своего развитія во Франціи, но можно сказать, что отъ его успѣха зависитъ осуществленіе соціализма. Въ этомъ смыслѣ послѣдній опытъ Франціи произвелъ цѣлый переворотъ во взглядѣ на задачи практическаго соціализма. Это не значитъ, что соціалисты другихъ странъ непосредственно используютъ результаты движенія во Франціи, но что результаты эти въ высшей степени интересны для всякаго добросовѣстнаго изслѣдователя и вслѣдствіе этого необходимо ихъ точно взвѣсить.

Всѣ эти модификаціи соціалистической мысли, вызванныя синдикализмомъ, можно свести къ тремъ главнымъ пунктамъ:

1. *Парламентарный соціализмъ — утопія.* Этотъ тезисъ покажется порадоксомъ тому, кто привыкъ считать дѣятельность соціалистическихъ партій „научнымъ соціализмомъ". Въ самомъ дѣлѣ, соціалистическія партіи противопоставляютъ свою реальную политику утопіямъ сочинителей соціальныхъ плановъ. Правда, нѣтъ ничего общаго между практическимъ завоеваніемъ общественной власти и мечтаніями изобрѣтателей новыхъ обществъ. Но не въ этомъ вопросъ. Сойдя изъ области воображенія на почву выборовъ и парламента, со-

ціализмъ не лишился утопической основы: онъ только перемѣнилъ мѣсто. Требовать отъ администраціонной машины буржуазнаго общества, чтобы она создала соціалистическое общество такъ же тщетно, какъ требовать отъ сливового дерева, чтобы оно производило ананасы или отъ засѣяннаго рожью поля—сѣна. Использованіе Государства и его органовъ *въ цѣляхъ соціальнаго переворота*—настолько же фантастично, какъ несбыточныя мечты Фурье. Я не отрицаю роли Государства и партіи, но я отрицаю ихъ *способность обновленія общества.* Чтобы измѣнить существующій строй соціализмъ долженъ водворить цѣлую систему *институтовъ оппозиціонныхъ буржуазнымъ*. Поскольку же соціализмъ, руководимый компромиссами Жореса или же революціонными фразами Гэда, остается въ старыхъ соціальныхъ рамкахъ, онъ противорѣчитъ своей цѣли; онъ не порываетъ съ капиталистическимъ міромъ, а приростаетъ къ нему.

Мы можемъ сказать, что синдикализмъ *завершаетъ переходъ соціализма отъ утопіи къ наукѣ*, понимая здѣсь подъ наукой знакомство со средой, въ которой приходится дѣйствовать и съ ея требованіями. Парламентарный соціализмъ дѣйствовалъ очень просто: съ одной стороны вѣра въ экономическую эволюцію, съ другой захватъ государственной власти. При помощи этого двойного, *чуждаго пролетаріату* механизма, соціальная революція казалась имъ дѣломъ очень простымъ, не требующимъ даже участія рабочаго класса. Министръ-соціалистъ, осуществляющій „безличную диктатуру пролетаріата" реализуетъ новый порядокъ—и паденіе капитализма дѣло конченное! Такъ, Гэдъ, чувствуя себя нѣсколько разъ на два волоска отъ власти, объявилъ, что соціальная революція будетъ то въ 1900, то въ 1910 году. Гэдъ отождествлялъ возможную побѣду своихъ единомышленниковъ по партіи съ побѣдой соціализма.

Синдикализмъ поступаетъ иначе. Ораторы на Амьенскомъ конгрессѣ замѣтно подчеркивали въ своихъ рѣчахъ необходимость *длинной исторической подготовки* для осуществленія типа общества свободно ассоціори-

ванныхъ производителей. Синдикализмъ не предполагаетъ, что рабочій классъ способенъ сегодня—завтра перенять наслѣдіе буржуазіи: онъ утверждаетъ только, что рабочій классъ путемъ борьбы и при помощи своихъ институтовъ долженъ *подготовляться къ тому*, чтобы въ опредѣленный часъ стоять на высотѣ своей задачи. Рабочій соціализмъ не ожидаетъ революціи отъ личныхъ перемѣнъ въ правительственномъ персоналѣ, онъ считаетъ Государство и партіи только укрѣпленіемъ того общества, съ которымъ борется и противоставляетъ имъ свои собственные органы, свои синдикаты, свои Биржи Труда, всю систему своихъ экономическихъ учрежденій.

2. *Соціалистическая партія и синдикализмъ соотвѣтствуютъ двумъ различнымъ реальностямъ.* Смотря на *рабочаго* только какъ на *производителя* и игнорируя въ немъ *выборщика*, синдикализмъ основывается на томъ реальномъ раздѣленіи, которое существуетъ между обществомъ экономическимъ и политическимъ.

Онъ сразу отводитъ и организму партіи, и организму класса соотвѣтствующія имъ области: организмъ партіи касается рабочаго, посколько онъ является избирателемъ, членомъ политическаго общества, т. е. въ тотъ моментъ, когда онъ смѣшивается съ другими *гражданами*, принадлежащими къ другимъ классамъ; организмъ класса касается рабочаго, какъ трудящагося, члена экономическаго общества, т. е. въ тотъ моментъ, когда онъ отдѣляется отъ всѣхъ другихъ классовъ и становится въ противорѣчіе съ ними. Партіи дѣйствуютъ такимъ образомъ, *на почвѣ общей* всѣмъ людямъ: болѣе или менѣе осуществленная демократія; классы, наоборотъ, вносятъ свою дѣятельность только на ту *почву, которая отдѣляетъ ихъ отъ всего остального общества.* Партіи и классы находятся, слѣдовательно, на противоположныхъ плоскостяхъ, и практика ихъ можетъ быть только противоположной.

Чтобы понять эту дифференціацію, устанавливаемую синдикализмомъ между *партіей* и *классомъ*, необходимо исходить изъ того принципа, что соціализмъ классовой

борьбы стремится къ *разрыву между міромъ капиталистическимъ и міромъ рабочимъ*. Основной вопросъ состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, чтобы опредѣлить *на какой почвѣ происходитъ этотъ разрывъ*. Синдикализмъ отвѣчаетъ, что онъ происходитъ исключительно на экономической почвѣ. Въ мастерской, въ синдикатѣ, въ стачкѣ производитель возстаетъ противъ патроната и его опоры—Государства: въ этомъ возмущеніи онъ вырабатываетъ новое право, рабочее право, которое является антитезой права капиталистическаго и которое уничтожаетъ іерархическое раздѣленіе на хозяевъ и рабовъ. На другихъ почвахъ разрыва нѣтъ: тутъ происходитъ сліяніе. Рабочій, который смѣшивается съ буржуа или мелкими буржуа въ политическихъ комитетахъ, въ философскихъ, литературныхъ или артистическихъ обществахъ, принадлежитъ къ *общей жизни* современнаго Общества и тѣмъ самымъ сливается съ нимъ.

Вся проблема состоитъ въ выясненіи этой дѣйствительности, которая дѣлаетъ то, что одинъ и тотъ же человѣкъ, перенесенный на двѣ различныя плоскости, представляется различнымъ. *Политическія партіи могутъ безусловно играть реальную роль*: но пусть насъ не обманываютъ больше на счетъ характера этой роли и пусть каждому движенію будетъ отведена соотвѣтственная задача. Что общее *демократическое дѣло* зависитъ отъ соціалистическихъ партій—это неоспоримо; но *революціонное дѣло* будетъ плодомъ дѣятельности рабочихъ учрежденій— вотъ что должно быть несомнѣннымъ.

3. *Соціализмъ имѣетъ прежде всего актуальное значеніе*. Синдикализмъ не отодвигаетъ на неопредѣленное будущее проведеніе въ жизнь соціализма. Онъ даетъ ему *непосредственное значеніе*: именно тѣмъ, что на нашихъ глазахъ трансформируются идеи и чувства рабочихъ массъ и появляются новыя учрежденія, онъ показываетъ, что соціализмъ силенъ. *Синдикализмъ весь—въ борьбѣ, онъ—философія борьбы*.

Традиціонные соціалисты, ненавидящіе практику и влюбленные въ абстрактную формулу, считать *возвраще-*

ніемъ къ варварству это презрѣніе къ интеллектуалистскимъ теоріямъ и къ бѣглымъ взглядамъ на будущее общество. Тутъ-то, поистинѣ, и чувствуется потрясеніе, вызванное синдикализмомъ въ революціонныхъ теоріяхъ.

Только практика имѣетъ соціалистическое значеніе: вотъ чего никогда не поймутъ „ортодоксы“ стараго соціализма, но чего вполнѣ достаточно адептамъ новыхъ доктринъ. Я не знаю, осуществится ли „Будущее общество“. Признаюсь, что интересуюсь имъ постолько, посколько жизнь людей, подготовляющихъ его, оказывается этимъ самымъ подготовленіемъ трансформированной. Соціализмъ имѣетъ революціонное значеніе только въ томъ случаѣ, если онъ революціонизируетъ массы, съ которыми имѣетъ дѣло. Я не связалъ своей судьбы ни съ какой абстрактностью, я только человѣкъ настоящаго. Что мнѣ важно, чего я жду, я, соціалистъ 1906 года, это видѣть, въ тотъ моментъ, когда я живу, какъ міръ преобразовывается, хотъ и слабо, подъ дыханіемъ новаго движенія.

Сила синдикалистскаго соціализма и заключается въ томъ, что онъ непрестанно воспитываетъ общество, даетъ ему постоянный примѣръ усилія и мужества, пробуждаетъ великія чувства свободы и независимости, составляющія цѣнность существованіи, что онъ, однимъ словомъ, спасаетъ вѣчный разумъ жизни.